

АНАТОЛИЙ АПОСТОЛОВ

За Горизонтом событий

Библиотека русской словесности

АНАТОЛИЙ АПОСТОЛОВ

За Горизонтом событий

Книга стихотворений и прозы

МОСКВА
2009

УДК
ББК
А

Апостолов А.Г. За Горизонтом событий (Сборник стихов и прозы). – М.: 2009 –146 с.

ISBN

Данный сборник включает в себя эссе-воспоминание «Единоборцы с окаянным миром» о двух выдающихся деятелях русской общественной мысли, Учителях нравственности XX века – А.А. Зиновьеве и А.И. Солженицыне; цикл стихотворений «За Горизонтом событий»; главу «Дедушка Красивый» из социально-психологического романа «Княж-Погост» и рассказ-быль «Посмертно взявшись за руки».

Сила неодолённая

Где найти источник той силы, которая могла бы одолеть ту чёрную неодолённую энергию жестокой, бесчеловечной повседневности, стремящуюся с какой-то сатанинской алчностью, как можно быстрее, закопать нас ещё живыми в землю?

В ком и в чём можно найти моральную поддержку, утешение и мудрое наставление на этой юдоли скорби? Какой труд нужно избрать нам, чтобы плоды его не стали добычей тех, кто вообще не сеет и не жнёт? В каком труде можем найти мы духовное утешение и вознаграждение? И где ныне те люди, которые бы учили нас красивой и созидательной жизни?

Старое великое отходит. Нарождается ли великое новое? Другие проявились люди, другие стали и характеры: закал стал не тот теперь, что был прежде, мельчают люди. Исчезают честные борцы за

социальную справедливость, а на смену им приходят политические игроки-шулеры.

Сегодня появляется всё больше таких фигур, кто на словах неистовые патриоты, а на деле – явные и тайные предатели, кто в политике – ярые враги, а в бизнесе – друзья до гроба.

Уходят пророки и властители дум, та «соль земли», без которой любое общество подлежит в итоге гниению и распаду. Сколько ярких личностей эпохи ушло от нас на стыке двух тысячелетий? Очень много. Но пора уже составлять новый скорбный список жертв Смутного времени конца XX века. А сколько ушло от нас воистину знаковых личностей новейшего времени за последние восемь лет?! Среди них были настоящие воители духа, которые боролись со Злом во всех его проявлениях и один на один «бодались с дубом Насилия, Обмана и Лжи».

Таковыми сегодня по праву можно считать философа и социолога Александра Александровича Зиновьева и писателя-историка Александра Исаевича Солженицына.

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня пусть и на краткое время с этими крепкими русскими стоятелями за Правду и Справедливость. Они были настоящими отчизнолюбями и смелыми энергичными гражданами, общения с которыми было вполне достаточно, чтобы найти в себе «двойное дыхание» в битве с силой до сих пор ещё не одолённой, с воинством Люцифера.

Ушли в Вечность два выдающихся мыслителя современности, но их роль и значение в русской культуре и российской общественной мысли, увы, ещё до конца и глубоко не осознана их современниками.

Зиновьев ушёл тихо, провожаемый верными учениками и последователями, родными и близкими, Солженицын же – шумно при стечении многочисленной толпы. Но в стране почему-то не был объявлен траур...

Они были стойкими носителями природной славянской совестливости, народной Совести. Они ушли, и многие из представителей так называемой элиты нашего общества и её идеологических лакеев тайно, про себя, облегчённо вздохнули: "Слава богу, ушли от нас эти беспокойные пророки, они мешали нам спокойно жить, напропалую веселиться и беситься".

Их воистину стоическая жизнь, их труды, дела и мысли ещё раз подтвердили полное ничтожество и убогость духа их современников, особенно тех, чьим хлебом было и остаётся идеологическое угодничество правящих сил нашего несчастного Отечества.

Своей жесткой, бескомпромиссной критикой советского и постсоветского общества они обосновали, пожалуй, самую насущную проблему современности: ради спасения жизни на Земле человечеству необходимо новое мировоззрение и совершенно новый тип общественного устройства, ибо все прежние и современные формы

власти безнадежно морально устарели и представляют для народов мира угрозу для их существования.

Они развенчали нездоровое самомнение и гордыню носителей тоталитарной власти и лицемерно-лживую и алчную политику демократического «цивилизованного» Большого Запада. Они выявили «пещерную, суггестивную» природу власти вообще, её истинную суть в частности, в определённых исторических обстоятельствах.

Они понятно и чётко раскрыли извечную проблему отношений между личностью и властью, в основе которых лежит нетерпимость порядочных, совестливых людей не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти.

Они первыми проявили своё гражданское мужество и указали власти её истинное место и её роль в государственно-общественном устройстве: охранять общество от всего безумного, плохого и дурного, что вредит национальным интересам.

Они осудили дошедшее до абсурда обожествление носителей власти, культ личности, завышенную самооценку вождей и мелких вождей, а также непомерную гордыню «аполитичных» технократов, на оружии которых держится власть, и тем самым дополнили знаменитое изречение Исаака Ньютона: "Мы все пигмеи, стоящие на плечах гигантов".

И Солженицын, и Зиновьев были едины в одном мнении: в XX веке мы, великий прежде русский народ, стали во сто крат ниже африканских пигмеев, стали пигмеями-вырожденцами в духовно-нравственном смысле и в смысле психическом и даже идеологическом.

Они ушли, и на душе стало сиротливо и холодно, ещё пустыней, чем прежде. Серая жизнь как сон серых мышей, и жизнь как кровавый пир юрких, алчных хорьков в неохраемом курятнике...

Что там впереди, за «ветхой занавеской тьмы»? Может, то же самое, что и здесь, за Храмовой стеной, в тени олив и на городской площади, где торгуют чесноком и телом?

То же самое, что и было в фамусовской Москве, сто восемьдесят пять лет назад, на этом же самом месте – бесприютно, тревожно и одиноко. Почему так скуден мир на гигантов мысли и на пророков, у которых можно было бы почерпнуть свежие силы для борьбы со злом?

Где укажите нам Отечества отцы,
 Которых мы должны принять за образцы?
 Не эти ли грабительством богаты,
 Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
 Великолепные соорудив палаты?
 Где разливаются в пирах и мотовстве,
 И где не воскресят клиенты-иностранцы
 Прошедшего житья подлеишие черты.
 Да и кому в Москве не затыкали рты
 Обеды, ужины и танцы?

(А.С. Грибоедов. «Горе от ума».1824)

Трудно и весьма накладно, иногда опасно для жизни, быть в России настоящим отчизнолюбом, истинным гражданином, Пророком и Учителем и даже просто совестливым, мыслящим человеком.

Горе в России не от ума, а от скудоумия, бездушной жестокости и цинизма «великосветской черни».

И негде передохнуть от этой бесконечной борьбы с Лукавым вдали от горделиво напыщенных и агрессивно шумящих распутий распутного мира, от вражды и бессердечия, одевающихся в мягкие одежды сынов века сего и слугителей богов его, золотых, серебряных, медных, каменных и деревянных, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить. (Отк. 9:20).

По большому счёту, Зиновьева и Солженицына уже сейчас можно причислить к числу тех Учителей нравственности, которые стали продолжателями Дела наших славных предков, направленного на созидание на нашей земле великого царства Правды и Справедливости, без которого жизнь русского человека теряет всякий смысл, ибо "если Правды нет, то и ничего нет".

Они призывали наших граждан быть смелыми, всегда иметь своё личное мнение обо всём на свете и всегда высказывать его, не отмалчиваться, а выступать даже тогда когда всё глухо, когда вас не слышат, когда в морально больном обществе пусто и тихо, как на кладбище.

Они до конца жизни не уставали повторять одну и ту же истину: без труда праведного и созидательного, основанного на нравственном законе, никогда не возродит могущество России и не обеспечить процветание её народа.

Созидание новой России, по силе только тем молодым поколениям, стержень жизни которых будет состоять из крепкого сплава нравственности, совести, духовности, высокого интеллекта и профессионализма. Они завещали нашей молодёжи свершать свои добрые дела по велению сердца и по своему профессиональному призванию.

Они ушли. Но остались их духовные и гражданские заветы, и практические советы молодым. Остались выстраданные ими, иногда ценою жизни, идеи, мысли, дела и книги.

И самое главное, остались на этой земле их последователи, ученики, многие из которых сами станут Учителями и Наставниками.

И может скоро кто-то из нас встретит их в Храме, и здесь, у олив за Храмовой стеной, чтобы научиться у них искусству жить плодотворной, созидательной, красивой жизнью.

Из того, что они завещали нам, главным является одно: чтобы нам остаться на земле, нам как хлеб необходимо умнеть, заниматься самовоспитанием и глубоким самообразованием, чтобы стать народом самым нравственным, самым просвещённым, интеллектуальным, во всех

отношениях самодостаточным, наконец, жить своим умом, а не чужим, заёмным.

Русские, завещали нам Зиновьев и Солженицын, должны стать настолько просвещёнными людьми, чтобы какой-нибудь пришедший на нашу землю очередной «Мессия», самозванный «великий Князь и бог земной», воскликнул бы в отчаянии: "Слишком просвещён и мудр русский народ сегодня: *мне нечего здесь делать*"...

...Чтобы наступил для русских долгожданный день освобождения от скорби, от страха и тяжкого рабства, в котором они пребывали тысячу лет, чтобы облегчённо воскликнули, наконец, правнуки наши: "Не стало Мучителя, пресеклось грабительство яростно поражавшего славянские народы и преследовавшего слабые племена. Слава Богу, отдыхает земля наша Русская, радуются покою леса наши, родники, реки и озёра, ибо некому уже рубить деревья на продажу и некому торговать нашими чистыми водами и обильной землёй"...

...Чтобы одолели мы и потомки наши эту чёрную силу Лукавого, внушавшего всем народам нечистыми устами глашатаев своих безумные идеи о мировом господстве своём: "Взойду на небо, сяду на горе выше звёзд в сонме богов, на краю севера, взойду на высоты облачные и стану подобен Всевышнему"... (Ис. 14:3-19)

...Чтобы одолели, наконец, дети и внуки наши не одолённую нами силу черную, чтобы низвержена была в преисподнюю гордыня Лукавого со всем её шумом, балаганом и соблазнами, а сам он, попиравший народы и потрясавший империи, разбился о землю...

...Чтобы повержен был он, Окаянный, у мусорной свалки вне гробницы своей, и стал попираемым смрадным трупом, проходя мимо которого, люди спрашивали бы друг друга удивлённо: "Тот ли этот самый *человечек*, который колебал землю и потрясал великие империи?"...

...Чтобы проходили прозревшие вдруг люди мимо гниющего трупа этого «покорителя Вселенной», лежащего на ложе из живых червей, и проклинали имя его и лакеев его навсегда, навсегда, на вечные времена...

Единоборцы с окаянным миром

Слово об А.А. Зиновьеве и А.И. Солженицыне

Вся история болезни человечества, и славянских народов в том числе, – в каждой слезе постоянно умирающей культуры. С каждым уходом носителей отечественной культуры, ослабевает и моральный стержень общества.

Особенно наглядным примером этому, (а для меня лично и огромной духовной утратой) стал уход из жизни Александра Александровича Зиновьева (1922-2006) и Александра Исаевича Солженицына (1918-2008) – выдающихся деятелей общественной мысли, учителей нравственности и беззаветных носителей русской совестливости XX века.

Мне посчастливилось общаться с ними на темы, связанные с дальнейшей судьбой русского народа в конце 2001 и в начале 2002 гг., на пике глубокого, затяжного духовно-нравственного кризиса России.

А посему, вспоминая одного, я не могу не вспомнить другого, потому что между этими, казалось бы, разными на первых взгляд мыслителями, есть и много общего.

Оба они – фигуры цельные, неординарные и противоречивые являются для нас образцами настоящего гражданского мужества в единоборстве с окаянным, лукавым миром. Солженицын являлся ортодоксальным православным, глубоко переживавшим сложное и мучительное становление Русской православной церкви после почти векового гнёта насильственного атеизма, Зиновьев же по его собственному признанию был «верующим безбожником», имел в душе свой храм и сам себе был государство.

Зиновьев и Солженицын ещё раз доказали современникам, что разум человеческий, увы, не замечен среди причин исторических процессов.

Оба считали, что если признавать социальные явления и реформы визитной карточкой цивилизации, то эти «судьбоносные» факты и процессы окончательно разрушают легенду о разуме человечества.

Все человеческие мировоззрения, по их мнению, сходятся сегодня в том, что общение человека с Истиной никоим образом не может напоминать нам общение человека с человеком.

Образ человека с его человечностью становится всё более неясным и размытым, продолжается стремительное крушение того образа человека, который был взлелеян всей культурой сложившейся цивилизации, ибо представление о порядке царящем во Вселенной всегда зависело от наличия порядка в самом человеке.

По мнению Зиновьева, абсурд реальности, выполнив свою социальную функцию, умирает, но накануне издыхания обязательно плодит себе на смену крепкое потомство абсурдов-антиподов, чтобы всем поколениям граждан казалось, что именно с них, именно сегодня, а не вчера, начинается долгожданная новая жизнь и начинается с нуля история цивилизации.

И если общепризнанной и величайшей заслугой Солженицына является разоблачение в мировом масштабе злодеяний тоталитарного большевистского режима, то, величайшая заслуга Зиновьева заключается в том, что он, как всемирно известный учёный-логик, философ и социолог, первым дал научный диагноз реальному коммунизму: вырождение, стагнация и неминуемый распад, полное разложение.

И Зиновьев, и Солженицын мучительно переживали распад СССР, а тот социально-экономический и политический чертополох, который пророс между глыб рухнувшей советской империи, поверг обоих в состояние шока. В итоге оба пришли к общему выводу, что в социальном и созидательном плане для русских реальный коммунизм был намного полезней, чем демократический строй феодального типа с его диким российским рынком. Какая трагедия для мыслителей такого уровня!

Оба вынуждены были в конце жизни выбрать из двух зол – одно, наименьшее; предпочесть из двух химер – одну, коммунистическую Химеру-мать, которая зачала от «золотого быка» и родила на свет божий распутную дочь, российскую демократию.

Оба были едины в том, что в России давно наступил острый дефицит человечности, который и стал причиной великой Смуты 90-х годов, духовно-нравственного и социально-экономического кризисов, и того великого Абсурда окаянного «цивилизованного» мира.

Зиновьев первым назвал нынешнее психическое состояние российского общества общим умственным расстройством и перманентной драмой человеческого ума. Он считал, что в российском обществе становится всё меньше людей, желающих понимать и анализировать происходящее, и к тому же, таким людям приходится как бы «опасливо скрывать» признаки своего разума.

Зиновьев как учёный-логик, социолог, философ, социальный писатель и поэт утверждал, что знание истины сегодня стало совершенно необязательным условием для процветания так называемой «реальной жизни сложившегося общества», то есть истина занимает людей чисто символически, но жизненного значения не имеет. Сегодня «убеждения» свободных граждан важнее любых самых весомых и «неприятных» фактов, ибо комфорт благополучному обывателю нужен в мире материальном, видимом, и в мире невидимом, духовном. Такому благополучному и преуспевающему гражданину, считал Зиновьев, удобно уметь свое «сложившееся мнение» о власти и государстве, никто и ничто не вправе поучать его или переубеждать.

В этом и заключалась, по мнению Зиновьева, трагедия Правдеча (Солженицына – А.А.), который "не понял, что мы уже давно живём в обществе запредельной абсурдности, где возникла проблема неразличимости правды и лжи. Правдец не учёл того, что с помощью западных политологов в России создано такое гражданское право и такая техника блокировки разума, что «россияне» давно смирились с тем, что между истиной и ложью регулярно ставится жирный знак равенства".

В России, считал Зиновьев, создана такая оптимистическая ситуация, что доводы разума и угрызания совести для благополучного обывателя уже не имеют никакого решающего значения, а сам разум в его глазах начинает выглядеть глупо. Но самой главной причиной затмения разума так называемых «новых русских», Зиновьев считал внедрение в

российскую реальность монетаризма, с его избыточной эффективностью, всемогуществом, ирреальностью и глубочайшим, искренним и запредельным драматизмом.

Зиновьев был одним из первых после учёных-социологов Пола Кеннеди и лауреата Нобелевской премии Мориса Аллоэ, сумевший в понятной и яркой форме изложить суть монетарных игр, которые состоят из двух, апробированных на практике в разных странах, этапов.

Для полного, победного торжества монетаризма, объяснял Зиновьев ещё в 2001 году, нужна была безысходность, безвыходность, глубокое отчаяние, доводящее некоторых аборигенов до мысли о суициде.

Надо было создать в России такие условия, чтобы заплакали невинные дети, чтобы прекрасные жены стали бросать своих детей и мужей и уходить от унижительной бедности к держателям денежных знаков. Надо было сделать так, чтобы естественные, природные богатства страны и невозполнимые энергоресурсы стали намного порядков дешевле по сути своей фальшивых и виртуальных денежных знаков. Словом сделать так, чтобы от денег стало зависеть множество таких дел, которые по существу от них никак не могли бы зависеть. Надо было сделать так, чтобы доллар съел в России всё – духовное и материальное.

И «молодые реформаторы» во главе с Ельциным сделали всё возможное для триумфального шествия по просторам России монетаризма новой формации, с его новым видом социально-экономической и информационной оккупации.

Сегодня в российском обществе восприятие денежных знаков прочно заняло место инстинкта самосохранения цивилизованных граждан. Люди творческого, производительного, созидательного труда обречены. Ремесленники, шахтёры и земледельцы стали реликтовыми персонажами нового общества. В стране оказалось около 50-ти миллионов так называемых «лишних русских».

Оба довольно мрачно смотрели на будущее этнических русских вообще и «советских русских» в частности.

Зиновьев и Солженицын одинаково считали, что распад России есть одновременно и деградация русского народа, являющаяся следствием умышленного геноцида русских (в основном, русского крестьянства как извечного оплота тысячелетней Руси).

Русскими почти утрачен высокий уровень нравственности. Зиновьев считал, что моральная деградация началась в советское время, Солженицын же утверждал, что эта беда проявилась намного раньше, после революции 1905 года.

С утратой нравственности русские утратили присущую им человечность и интеллектуальный потенциал. Без этих двух созидательных составляющих Россия уже потерпела поражение в информационной войне.

Зиновьев первым не побоялся назвать ельцинский режим "посмертным выкидышем советской империи, полностью утратившей

системное управление, основанное на коммунистической морали и страхе".

Установление демократического режима в России и расстрел Дома правительства из танков он назвал бунтом вчерашних идеологических лакеев и освобождённого от человеческих и божьих законов профессионального, интернационального криминала.

Зиновьев как верующий безбожник первым имел мужество сказать, что наша демократическая «элита» – прямая наследница советской партийной элиты и держится на трёх догматах дьявола.

Первый догмат: относительность и бессмысленность нравственных оценок. Сегодня, как и прежде, общество не любит непорочных пророков и правдолюбив, и чтобы быть в числе «элиты», индивид должен иметь некий значительный моральный изъян, низводящий его до общеплодородного, дегенеративного уровня.

Отсюда вытекает второй догмат дьявола: для «элиты» нового общества все мы («простой народ») – дерьмо, в лучшем случае, «навоз истории», как некогда сказал о славянах ярый русофоб Карл Маркс.

И третий догмат: предай и продай ближнего своего. В нашем обществе, как и в советском, это догмат бытия, а не повод для жертвы.

Сегодня само общество рождается как акт предательства к породившему его прошлому. Предательство есть характерное проявление обрыва всех тех связей между людьми, благодаря которым возникла человечность, не уставал утверждать А.А.Зиновьев в своих книгах и публичных лекциях. Предательство оборвало человеческие связи любви даже в семье, они оказались чужеродными и ненужными в стране «новых русских». Между кризисом патриотизма и предательством правящих сил страны есть прямая зависимость.

Они не утверждали свои идеи, не навязывали их, а делились ими с тем мыслящим и зорко видящим меньшинством, которое могло их идеи понять, воспринять всей душой, которое всегда способно на делание добра.

Они первыми, пусть и запоздало, попытались вывести российское общество из того «социального паралича» и летаргического социального сна, в котором оно пребывает, увы, и по сей день. Они, каждый по-своему, старались пробудить в русских чувство национального самосознания, всколыхнуть в ожесточившихся сердцах чувство объединяющего сострадания и милосердия.

Они поощряли в молодых смелость мысли и оригинальную самостоятельность суждений, призывали молодёжь знать, понимать, осмысливать и переосмысливать славное и трагическое прошлое своего народа, без чего невозможно развитие в человеке глубинного настоящего чувства Отчизнолюбия.

Солженицын и Зиновьев, в порядке назидания творческой молодёжи не уставали утверждать, что радость познания мира обязательно должна быть сопряжена с душевными страданиями, «в которых мы моем

больные сердца». Об этой двойственности познания хорошо сказал в одном из своих стихотворений современный весьма одарённый поэт Михаил Фридман:

Известно всё заранее
О жизни. И спорить с ней, поняв,
Что боль познания, познания важней...

Зиновьев разделял суждения Д.С. Лихачёва о проблеме личности и власти, и считал, что совестливые порядочные люди нетерпимы к власти не как к таковой, а к несправедливости, исходящей от власти.

Зиновьев призывал своих учеников и последователей активно проявлять гражданское мужество, не отмалчиваться, всегда высказывать своё мнение даже в случаях тупиковых, когда всё глухо, даже когда ваш голос – будет «гласом вопиющего в пустыне».

Уходя в мир иной, Зиновьев и Солженицын, завещали своей молодой смене бороться с окаянным миром до конца, один на один «бодаться с любым дубом Зла, будь он гнилой или крепкий как железо».

Они завещали юности России идти вперёд, не пятясь и никуда не сворачивая, только вперёд по гласу с Неба: «Иди!». Идти своим путём, не обращая ни на кого внимания, что бы ни говорили худого об идущем единоборце другие.

Идти как можно дальше, а если нет возможности идти, то нужно ползти на четвереньках и по-пластунски. Но, так или иначе, нужно двигаться. Никой конечной цели ни у кого нет. И никто, из самых умных и мудрых людей, не скажет себе гордо, что он достиг того, чего хотел, что может успокоиться. Солженицын и Зиновьев не уставали повторять: путь делателя добра не имеет принципиального конца. Этот путь может оборваться по независящим от человека причинам, но это будет всего лишь конец жизни, но не конец пути...

КОГДА УМРЁТ ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ...

(А.А. Зиновьев о судьбе русского народа.)

Вот как ответил А.А.Зиновьев в ноябре 2001 года А.А.Зиновьев, на мои вопросы, касающиеся духовно-нравственного состояния и русского народа и его будущего как этноса.

"Деградация русского народа происходит по вполне реальным причинам социального характера.

Главная из этих причин – антикоммунистический переворот в горбачёвско-ельцинские годы, насильственная западнизация и реанимация явлений дореволюционной России, включая православие.

Единение русского народа по этническому признаку не имеет в современных условиях серьёзных шансов на успех.

Возникновение русофобии произошло в силу исторических условий и характера русского народа, а также преднамеренных усилий со стороны сил Запада и внутри российских сил, на протяжении всей истории России так или иначе стремившихся занижать русский народ.

Как социолог я думаю, что организация русских общин и возрождение дореволюционной системы местного самоуправления не изменит положения этнических русских. К тому же это практически невозможно реализовать – правящие силы России не допустят этого, а сами русские вряд ли будут настойчиво и последовательно бороться за это.

Народ и нация – не одно и то же. Речь идёт о русском народе как этническом явлении. Он раздроблен, можно сказать – атомизирован.

Я думаю, что наилучшие условия этнические русские имели в советские времена. Тогда они за счёт большой массы и природных способностей (интеллекта) стали играть всё более возрастающую роль во всех сферах жизни. Теперь эти возможности потеряны. Русские умышленно отброшены назад и направлены по пути деградации и даже физического вымирания.

С русскими делают нечто подобное тому, что сделали с индейцами в США, только в больших масштабах.

Для осознания себя в качестве нации народ нуждается в подъёме, в успехах, в гражданских и духовных лидерах, чего нет сейчас, и не предвидится. А на пути деградации и вымирания никакая национальная идея не может поднять народ на уровень национального самосознания.

Я вообще не верю в намерения и в способность постсоветской государственности делать какое-то добро для русских. А что касается квалифицированных русских из стран СНГ и дальнего зарубежья, то даже те русские силы, которые ещё сохранились в нынешней России, не могут быть использованы должным образом.

Русский народ вырождается биологически. Россия наводняется представителями других народов, занимающих более выгодные позиции по сравнению с русскими. Пройдет немного времени, и Москва перестанет быть этнически русским городом.

И правящие силы страны не делают ничего значительного, чтобы остановить этот процесс. Так что слово «опасность» тут слишком слабо отражает реальность, ибо на деле она уже реализуется.

Партия есть явление политическое, а не этническое. А организация или движение с этнически русской направленностью (ориентацией) не найдёт сильной поддержки снизу, зато вызовет бешеную вражду сверху (со стороны правящих сил и их идеологов) и со стороны Запада, который манипулирует российскими властями и идеологами.

Чтобы выразить и проводить в жизнь русские национальные интересы, как Вы выражаетесь, требуется делать нечто глубокое и значительное, чем эти интересы, так чтобы эти интересы удовлетворялись как следствие, а не как самоцель. Это и делалось в советские годы. Только не так быстро и масштабно, как хотелось бы. На решение такой проблемы нужны века, а не несколько десятков лет. Но этот процесс был искусственно оборван. И теперь решение этой проблемы зависит от совокупности факторов глобального и эпохального масштаба, а не от локальных сомнительных мер.

Новая общность советских людей действительно была. Но это – не народ, если под народом понимать определённое этническое образование. Это – другой тип человеческого объединения. В него включались различные народы, в их числе – русский народ. В менталитет советских людей включались такие черты, которые вырабатывались у представителей разных советских народов под влиянием опыта жизни в условиях советского социального строя, советского воспитания и образования, советской идеологии.

Я не специалист по национальному вопросу, а к теологии не имею никакого отношения. Одно могу сказать, что ассимиляция бывает естественная и принудительная, и то и другое плохо для маленьких народов. Я думаю, что русскому народу ассимиляция никогда не грозила, малые народы всегда растворялись в нём, а не он в других народах.

Что же касается ассимиляции евреев с русскими, то она идёт давно. Однако здесь важно знать понравится ли это самим ортодоксальным евреям, согласятся ли евреи жениться на русских женщинах. Вот в чём вопрос. Думаю, что это лучший вариант для русских, если они вообще не хотят исчезнуть с лица земли. Думаю, эта идея глубоко волнует и Правдеча и Пророка (Солженицына), который, по-моему, и решил с этой целью написать книгу «Двести лет вместе». Одного не понимаю, зачем ему это нужно?

Всё, что у него будет изложено в двух пухлых томах, я бы мог изложить на двух страничках сжатого текста, лейтмотивом которого были бы слова: "Евреи, спасайте русских от исчезновения, – женитесь только на этнических русских девушках"! И я бы как учёный социолог и логик обосновал бы это по всем правилам научного метода. Но я не хочу путаться под ногами у нашего Русофила, Правдеча и Пророка, ему как говорится за это великое радение – лавровый венок на голову".

(Ответы Александра Зиновьева Анатолию Апостолу от 20.11.2001 г.)

За Горизонтом событий

ЗАЧЕМ ДРУГИМ МОЙ ХРАМ ДУХОВНЫЙ?

«Акт творчества сам по себе награда.

Я сказал своё слово и тем самым вознаграждён сполна».

А.А. Зиновьев

Создание стихов высокого уровня подобно воздвижению храма своей души. Это – тяжёлая и мучительная работа, полная отчаяния, разочарования в себе самом и в людях, приносящая душевные раны и увечья. Не работа, а одно мученье, одно горе. Кирпич один заложишь, а два вытащишь; один камень в стену вмажешь, а три вывалятся: какая это постройка – один мусор вокруг на строительной площадке.

Строишь и строишь свою храмину всю жизнь, а вокруг неё вырастают горы мусора, из-за которых скоро не будет виден и сам храм души твоей.

Для кого созидаёшь свою храмину? Для себя, отвечают некоторые коллеги-лирики, эпигоны салонной поэзии. Для людей, отвечают поэты-философы, альтруисты и мизантропы. Но не соглашается внутренний голос ни с теми, ни с другими.

Кому нужен мой духовный храм в обществе, где доллар съел всё духовное и материальное? Одиночкам, ответит несчастному архитектору какой-нибудь мудрец из далёкой Австралии и Новой Зеландии, и этим утешит его, ибо известно, что таких одиночек на планете Земля ещё много, и пусть они рассеяны по всему белому свету, но если их много, то с ними не справится никакая злая сила. И твой строительный мусор, если его как следует отсортировать, обязательно кому-то пригодится для возведения своего духовного храма.

И нечего в таком случае о себе и о своём мусоре отчаиваться: посмотришь на себя – мусор мусором, а начнёшь в себе копать, глядь, что-то пригодное и для других наберётся...

И так из века в век и на вечные времена.

Вот и хорошо, вот и славно! Вот и утешилась душа несчастного архитектора и строителя храма своего...

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВЕЧЕРЯ

В тени олив у вод Геннисарета
Мне тихий ветер внятно прошептал:
«Не ты один на всё искал ответа,
Не ты один о помощи зывал.
К чему зывать, когда с тобой Я рядом,
Когда Я стал давно твоей судьбой –
Здесь у костра, за Гефсиманским садом,
Где резво дети плещутся водой;
И в белой тундре за Полярным кругом,
У белых скал коралловых морей –
Всегда тебе Я был надёжным другом
И крепкой мышцей – верою твоей.
А вас таких, как звезд на чёрном небе,
И каждый за себя Меня просил,
И лишь один с ума сошедший ребе
Мне пожелал набраться больше сил.
Садись к столу у той нависшей глыбы,
В мехах вино селения Гевим,
Горит костер, на нём печётся рыба.
Сойдутся гости. И поговорим.
Спеши к столу, уже темнеет небо,
Боюсь, что званых всех не причастим...
Разлей вино и разломи все хлеба,
Ну а потом с тобой поговорим».
И сколько дней на пир гостей мы ждали,
И столько лет сидели мы вдвоём –
Никто не шёл к надёжному причалу
Чтоб посидеть за благостным столом.
О Вечном думать гостям не пристало,
Они живут заботой о земном.
Угас костёр, в углях сгорела рыба
И пахло прокисающим вином...

ИВАН ГРОЗНЫЙ

(антропологический набросок к портрету)

Я убивал, чтобы меня любили,
Любили больше брата и отца,
И в той любви самих себя гноили
И преданы мне были до конца.

Рабы меня изменой погубили,
И что ещё для них я сделать мог?
Ведь сколько им голов ни отрубили
Они не поняли, что я – их Царь и Бог.

ПАМЯТИ ВАРЛААМА ШАЛАМОВА

Есть жизнь и смерть,
Где точка – пуля,
И... размышлений никаких:
В лицо направленное дуло
Сметает их.
Сначала мыслей круговерть,
Потом хлопок – и всё застыло,
И стало всё, как прежде было,
И нет сжигающих страстей
В самом начале,
Когда тебя ещё зачали
В снегах колымских лагерей.

Убить сумеет и берданка
В затылок, в спину и висок,
Когда на поле спозаранку
Ты подбираешь колосок,
И хлоркой мытая Лубянка,
За дневниковый твой листок...

О, как бы был доволен Бог,
Чтоб, наконец, Его избавил
Я от мучительных тревог
За этих тварей «чистых правил»,
Где миром лишь безумцы правят,
И каждый мнит, что он есть бог.

ПОСЛЕДНИЕ АТЛАНТЫ
(Откровение от Платона)

Брёл караван пустынею Кумрана,
 Верблюды-вожак нас гордо вёл вперёд,
 На мне нагрудник был, на нем халатик рваный.
 Был девять тысяч сто девятый год.
 Мы знали: быть всемирному потопу,
 Покроет сушу бурный океан,
 И Африку, и Азию, Европу,
 Эльбрус, Килиманджаро и Монблан.
 Мы знали всё, но сдвиг планет не знали,
 Момент, когда взорвётся Фаэтон –
 Жемчужное зерно богини Кали –
 Капризный, своенравный позитрон.
 Подул хамсин – противный, резкий ветер,
 Он превращает свет в сухую мглу.
 Суровый Рок тогда нас всех отметил
 И превратился в жёлтую пургу.
 И проводник сказал, что впереди нас туча,
 Нам нужен грот, пещера и привал...
 Но я в таких делах давно научен,
 Я понял вдруг, – грядёт «девятый вал».
 Стена воды вздымалась над пустыней,
 Закрыв собою мглистый небосвод.
 Вокруг гиены плакали и выли,
 А мы со лбов стирали красный пот.
 И таяли божественные силы,
 А надо быть ловчее и быстрее:
 Свои секреты мы в базальт забили
 И превратились в диких голубей...

Скрывает смог отравленные дали...
 На свалке мира жизнь тяжела
 Для тех, кто даже плесень убивали.
Невежество – вот ваши удила:
Ведь всё, во что вы верили, мы знали!

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС

Мир бессмертный дышит величаво,
Ибо Ты, Господь, его Творец –

Ты грядешь в своей великой Славе,
Ты – начало мира и конец.
Бог бессмертный смерти Победитель,
Дух Вселенной, Свет и естество,
Ты – защитник мой и мой Спаситель
Благодати вечной Торжество!
Боже и Создатель сего мира,
Взор свой осиянный обрати,
Через линзу звездного эфира
На своё творенье посмотри!

Человек подобен дуновенью,
Жизнь его – бледнеющая тень,
Жизнь его – туман без просветленья,
Как шалаш его мирская сень.
Всё сгорает в жизненном пожаре,
В тучах пепла не видать ни зги –
Помоги, Создатель, своей твари,
Господин Вселенной, помоги
Избежать глобального Обмана,
Фарисейства, подлости и лжи! –
Где, Твои духовные титаны,
Где, Твои пророки и Мужи,
Словом, разгонявшие туманы
От спасенья жаждущей души?

И сказал Господь мне: "Ты не бойся,
Видишь, как бунтуют камыши,
В этом новом, водном обустройстве,
Видишь, как бунтуют исчезая
Жабы высыхающих болот,
Только ты, себя преображая,
Сможешь сам достичь своих высот".

ДОЛГОЖДАННЫЙ ОТВЕТ

Посмотри, Господь, как я бесплоден,
Жизнь моя – зловоние и смрад.
Кто сказал, что я Тебе подобен,
Кто сказал, что этому Ты рад?
Я – потомок грешных поколений,
В зеленях озимых вредный сор.
Грешен я, и нет мне искупленья,
Я – стыд мира, ужас и позор!

Жизнь моя – туман без просветленья,
Черета бессмысленных годин.
В чём, Господь, моё предназначенье,
Почему в пустыне я один?
Я бреду по выжженной дороге
Среди русских вымерших равнин...
Ну, зачем, скажи, Тебе убогий,
Нищий духом нищий славянин?

И Господь изрёк мне из рябины:
"Трах земной, молчи, угомонись.
Беспредельны все Мои глубины,
Чтобы в них погибнуть и спастись.
Аз есмь Суший, Альфа и Омега,
Аз – огонь, пылающий во тьме,
Ледяной огонь белее снега,
Во Вселенной нет подобных Мне"...

ВОПЛЬ О СПАСЕНИИ

Живьём зарыли
Меня враги.
Господь Всесильный,
Мне помоги!
К Тебе взываю:
Господь, спаси!
Врагам вольготно
Жить на Руси...

Здесь всё безвидно,
Здесь – пустота.
Здесь пир на тризне
За счёт Христа.
Живые трупы,
Чужая твердь.
Здесь зло и тупо
Лелеют смерть.

К Тебе взываю,
Себя кляня:
Творец Вселенной,
Спаси меня,
Друзей и близких,
Кто во грехе,
Кто в Магомете,
Кто во Христе.
Спаси Россию, её селян.
Спаси хамитов,
Спаси семитов,
Норманнов, чукчей –
Иафетян,
И вместе с ними
Спаси славян!

ВОПЛЬ ВОСХОЖДЕНИЯ

«Увидеть Бога, чтобы умереть»...

Михаил Фридман. Поэма «АНЧУТКА»

На Земле как прежде нет надежды.
Разум спит, душа Тебя не слышит.
На Земле всё так же, как и прежде,
О спасенье нечего мечтать:
Царедворец летописи пишет,
Мудрых продолжают убивать...

Задушу в душе своей паяца,
Изведу товарищей пустых,
Перестану всех и вся бояться –
Червь слепой – я буду рад валяться
У ворот обитателей святых,
Вместо хлеба глиной пробавляться
В ожиданье тучек дождевых...

Стану прахом, буду легче пуха
Над кипящей лавою лететь,
Ниспошли, Господь, Святого Духа,
Помоги, Господь, Тебя узреть,
Помоги узреть Огонь бессмертный,
И в Тебе, как атом просветлеть...

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Борису Михайловичу Бим-Баду...

Есть предел невыносимым мученьям.
Подведён итог сгоревших лет
В день последний. Завтра – воскресенье,
Завтра будет праздничный обед.
Посмотри, Господь, как подобрили
В кругу первом алчущие звери –
Им такой обед необходим
Для утроб, не чувствующих меры...

Что должно случиться, то случится –
Бытия поток неповторим,
Но вопрос назойливый стучится:
"Почему за правду и за веру
Для утроб, не чувствующих меры
Вдруг попал в оцепи Твой серафим?"
Посмотри, как под убогой сенью
Соблазняют все его спасеньем,
Утешают именем Твоим...

День последний. Рок неумолим –
Звонко звякнет ключ в железной двери,
Всё случится быстро, без затей,
И никто не охнет от потери
Одного из лучших сыновей...
У порога временем истёртым
Буду выть у запертых дверей:
"Чаю воскрешения всех мёртвых –
Высшей сути Истины Твоей"!

ИЗ ГЛУБИНЫ ГЛУБИН
(На псалом царя Давида)

Я, жизнь свою сгоревшую итожа,
Из глубины глубин взываю к Тебе, Боже!
Услышь, Господь, ничтожный вопль,
Глас сердца моего отчаянный и злой.

Ты видишь, как враги меня теснят,
Моих друзей укладывают в ряд,
Не зарывая в братские могилы...
Даруй, Господь, ещё немного силы –
Мне помоги! И мышцею Своей
Врагов как гнус над водами развей!
Вдохни Свой Дух в тщедушного раба,
Ты знаешь, как душа моя слаба –
Мне с нею не войти в Твою обитель,
Мой крепкий Бог, Господь мой и Спаситель!
Ты видишь, духом немощен и слаб
Посланник твой, Твой блудный сын и раб...

К Тебе стремлюсь я выйти на простор
К подножию Твоих небесных гор.
Уж близок час, час моего спасенья –
Иных миров я вижу отраженье,
И слышу отзвук ангельского пенья...
Оковы сброшены. Я жду преображенья...

Зачем иная жизнь, когда я глуп и слаб?
Глупец самонадеянный, да разве я достоин,
Чтобы войти к Тебе? Как не слуга, не раб,
А как на всё способный, храбрый воин?
И разве воин я, когда врага любить обязан,
Когда я этой заповедью связан,
Не в состоянии так жить и умирать,
Не зная, для чего меня рожала мать,
Я не могу понять всю эту круговерть:
Скажи мне ясно: где тут жизнь и смерть?

СРЕТЕНЬЕ

Марине Лаврентьевне Попович

Цепенеет воля, замирает,
На две части сердце рассекает
Звёздной птицы острое крыло.
Как судьба над миром зависает,
Над лесной поляной НЛЮ.

Что же это всё-таки такое? –
Или глаз усталых миражи,
Или состояние покоя
Бесконечно алчущей души,
Где абсурд и бред воззрений Сартра
Стали фактом, чувством и мечтой?
Может, это снится моё завтра,
Жизнь, ещё не прожитая мной?
Или встреча с прошлым, где на карте
Был отмечен выход в мир иной –
Моя встреча с Ним в начале марта
У олив за Храмовой стеной?...

Замирает, сердце замирает,
На душе тревожно и светло.
И Судьбой над миром нависает
То, что Будет, Есть и что Прошло...

НА КРАЮ СУРОВОЙ ОЙКУМЕНИ

Я ходил по городам и сёлам –
 При слепом пророке поводырь.
 Я мечтал, что старец своим Словом
 Приведёт к молитвам грешный мир.

Много лет ходили мы. И что же?
 Мне вдруг стало стыдно за людей,
 Чьи повадки очень даже схожи
 С хищной сутью вымерших зверей.

Понял я, стреляет старец в небо:
 Стрелы слов пронзают пустоту –
 Люди алчут праздности и хлеба,
 Люди ищут истину не ту...

Сладок мир иллюзий и обманов,
 «Золотые сны» земных владык
 На вершине спящего вулкана
 Для того, кто думать не привык.

Понял я, что сердце моё стынет,
 Что и я, как все, не исправим,
 И повёл пророка я в пустыню,
 Сатанинской ересью томим.

Тяжек груз обмана и измены,
 Смраден груз накопленных грехов
 На краю суровой ойкумены
 В океане стонущих песков.

И впервые я солгал пророку,
Я сказал, что множество людей
Притекло к нему сюда до срока,
Чтобы знать об участи своей,

О своём узнать предназначенье,
О своём бессмертии узнать
Через смену многих поколений
Всех святых несущих благодать...

А вокруг стада камней лежали,
Между ними ветер прах носил
И стихал у наших ног устало...
И тогда пророк заговорил.

Словно гром слова пророкотали,
Словно кто-то небо разорвал,
Словно пробудился Кракатау
И на брег погнал «девятый вал».

И случилось чудо: озарились
Лбы холмов чернеющих пустынь,
И ожили камни, пробудились,
И сказали камни нам: "Аминь!"

2008-01-18

САМАЯ СТРАШНАЯ ПРИТЧА

Протоиерею Вячеславу Резникову

В моём доме завелась змея,
С нею богатеть я стал в себя
Богатеть в себя, увы, не в Бога.
Приносила мне она червонцев много...

Но ужалила однажды в ногу
Эта гадина любимого коня.
Конь издох. И горько плакал я...
А потом решил: "Сейчас убью
Эту подлую зловредную змею!"

В тот миг же ко мне вползла змея,
Царскими червонцами звеня:
"Ты коня вовеки не вернёшь,
Если ты сейчас меня убьёшь.
И что проку – благодетеля губить?
Лучше нового коня себе купить".

Отложил я в сторону тесак,
Уползла змея на свой чердак.

Но ужалила жену мою змея.
Умерла она, и горько плакал я.
И решил, что обязательно убью
Эту злую и ревнивую змею.
В тот же миг вползла ко мне змея
Золотой валютою звеня:
"Положи на место острый нож,
Всё равно жену ты не вернёшь.
Ты же умный, не какой-нибудь дундук,
Наполняй деньгой ещё один сундук!"

Что потом случилось – ой-ё-ёй! –
Умер сын, ужаленный змеёй,
Умер сын – кровиночка моя –
Ну, теперь не жить тебе, змея!

А змея с деньгами тут как тут:

"Сына нет, – но деньги в дом плывут.
Ты же умный, не какой-нибудь дундук,
Наполняй скорей ещё один сундук!"

А вчера, вчера в начале дня
Эта гадина ужалила... меня!
Ночь прошла в горячечном бреду:
"Если оклемаюсь, то... убью
Эту подколодную змею!"

Оклемался утром и опять
С тесаком пошёл змею искать.
А змея с деньгами тут как тут –
Деньги снова в сундуки мои текут...

И опять ползёт, ползёт к моим ногам змея,
Червонцами чарующе звеня...

И тесак в кусты забросил я...

2008-01-18

ЛОМОНОСОВСКИЙ ТРАКТ

Мы живём в расстрелянной деревне,
Здесь всё так, как сорок лет назад:
Здесь качели виснут на деревьях,
Плодоносит яблоневый сад.
На крылечке солнышком согретом
Под ногами старые газеты
О Ежове «доблестном» шуршат.
На столах застыли самовары
И стаканы грязные стоят.
Не допили чай свой, не допили
Поселенцы с Дона, кулаки,
Их чекисты на корню сгубили,
И зарыли скопом у реки.

Поселенцы жить, как все хотели,
Как их предки двести лет назад.
Догнивают детские качели,
Плодоносит яблоневый сад...

ВИДЕНИЕ

Ты видишь девчонку,
Тонкие ножки,
У ветхой сторожки,
На пристани сгнившей
На том берегу?
Близ Княж-Погоста,
Где жил я немножко,
Лет, эдак, восемь
В глубоком снегу?
Моет девчонка тонкие ножки
Там, у сторожки, на том берегу.
Мне жалко девчонку,
Подростка-сосёнку,
За то, что течёт в ней
Славянская кровь:
Отправили маму
В глухую сторонку,
В гнилые бараки
Под лагерный кров.
Кто папа девчонки,
Поди, отгадай:
Микула-крестьянин,
Мамай-вертухай?
Не важно! Не важно!

А важно, что вижу

Я Деву-Россию на том берегу!

О, друг мой, ты молод,

И молод вполне,

Ты мог бы добраться
На утлом челне
К девчонке-России

На том берегу...
Ты можешь, ты можешь,
А я не могу...

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА А.А. ЗИНОВЬЕВА

Как сегодня вечер тих и светел,
И тоской отчаянной томим
Над купиной этих грустных ветел
Соловьём разлился серафим.

Он поёт о том, что всем известно
И о том, что неизвестно всем,
О насущном хлебе, хлебе пресном,
И о том, как выжил Вифлеем.

И о том, что нет на свете грешных,
Разве грешен мелкий муравей?
Льётся песня чудная неспешно
И тоскует мудрый Моисей.

Знает он, что муравей ничтожен,
Муравей для государства жил.
Человек будет уничтожен,
Человек это заслужил...

НЕДОУМЕНИЕ

Вся жизнь моя –
Сплошной вопрос,
Недоумение сплошное:
Как проросло
Зерно гнилое,
Росток тщедушный
Как пророс
В жестоких битвах травостоя,
Где побеждает всех пырей?

Неужто, жизнь – только пена
Среди космических лучей,
Где в сжатых дланях Полифема
Всё предназначено для тлена?
Зачем ольховое полено
Так страшно больно и светло
Ростком наивным проросло?

Всё так бессмысленно жестоко,
И так рассчитано на смерть:
Ничто нельзя предусмотреть,
Всё так зависимо от Рока
И безнадежностью полно,
Что не играют роли сроки
Где нет истории давно,
Но есть История Вселенной,
Её прочесть не суждено:
Нам неизвестно, где истоки,
И где есть жизненный проток.

На угли брошено полено –
От жара ёжится росток...

СТРАСТИ ПО МОАБИТУ

Жизнь без вкуса, запаха и цвета –
Ляг в могилу и перекрестись...
Всё безвидно, как в начале света
И никак на свете не спастись.
Я подстрелен был советским строем
Буржуазной властью был добит.
Я теперь ночами горько вою:
"Будь моим спасеньем, Моабит!"
Я добит безрадостной Россией,
Где чужие люди правят бал,
Истощают жизненные силы
И куют на этом капитал.
Я убит давно жестоким бытом,
Где-то там, под Китежем, убит,
Где дороги к Богу перекрыты,
Где душа с душой не говорит,
Где о воле мне поёт синица,
Где лесной мне лагерь часто снится
И тюрьма в Берлине – Моабит.
Мне сказал однажды Солженицын:
"Моабит – добротная темница,
Как оплот, защита и как твердь,
В ней от жизни зэку можно скрыться
И в усталой дрёме умереть".

КРЕМЛЁВСКАЯ СИМВОЛИКА

Символ Неба жизнью управляет,
Он – судьба, пророчество и рок
Для того, кто в жизни выбирает
Добродетель, зло или порок.

Я смотрю на звёзды этих башен,
На семейство жёлтых куполов –
Симбиоз двух символов ужасен,
Но ещё ужасней вид орлов,
Двухголовых выродков природы,
Воспалённый бред больных мозгов...
Кто отец чудовищных уродов –
Воспалённый бред больных мозгов...
Кто отец чудовищных уродов –
Сумасшедший царь или Монгол?
Кто из них насильник? Кто Мессия?
Кто поял славянскую Россию,
Испоганил наш цветущий дол?

Невозможно этой хищной птице,
Как другим, охотой прокормиться –
Ей дают уморенных рабов
Блудники от власти и блудницы,
Кто гнести народ всегда готов.

Я, конечно, умер раньше срока,
Я уже давно здесь не живу,
Но стрекочет яростно сорока
Мне о том, что скоро я умру.

Не боюсь я смерти, уж поверьте,
В чаше жизни мрачной и пустой
Своё сердце я доверил смерти –
Этой правде чистой и простой.

НА БЕРЕГУ ЕВФРАТА

У реки извечной, быстротечной,
У времён текущих как вода
Я сижу и плачу безутешно,
Как вдова распятого раба.

Мы сидим у берегов Евфрата,
Плачем горько, нет прощенья нам —
Мы вчера властям заклали брата,
Чтобы как-то угодить врагам,

Чтобы выжить как-то самым хилым,
Самым умным людям на Земле —
Сколько нужно храбрости и силы
Чтобы я сумел помочь тебе...

Я сижу на берегу Евфрата,
И молюсь, и плачу, и скорблю —
Я в любом из вас увидел брата,
Я любого преданно люблю.

Под лучами красного заката,
В благодати Бога самого
Я сижу на берегу Евфрата...
Тихий вечер. Рядом — никого.

СТАРУХА

В душах наших полная разруха,
В головах идейный винегрет.
По ночам безумная старуха
Нам готовит праздничный обед.

Любим мы ночами веселиться,
Растлевая за ночь сотни душ.
Не пора бы из Москвы и Ниццы
Нас отправить в дикий Гиндукуш
На расправу яростным талибам,
На работу рабскую в горах?
Мы забыли про свою погибель,
Перед Богом безотчётный страх.

По ночам безумная старуха
Из «соломки» варит внукам квас.
В наших душах полная разруха –
Бог без нас спасти не может нас...

О ЮДОЛИ ПОЭТА

Михаилу Фридману

Над миром неслась небывалая песня,
Но кто её пел никому неизвестно.

Та песня была не про то и не это,
Та песня была о судьбине поэта.

Та песня была о несчастной душе,
Которой страдать невозможно уже...

Та песня звучала не там и не где-то,
Та песня неслась над землёю поэта,

Который от света безумно устал
И спрятался в тесный, глубокий подвал.

Хорал благодатных неясных светил
Таланту земному хвалу возносил.

Та песня была о юдоли поэта.
Когда это было? Не будем об этом...

Быть может, в субботу. За плотным обедом,
Когда кто-то вспомнил беднягу-поэта...

ГРУЗ ЗАТЕИ

Светлой памяти философа Александра Зиновьева

Страданье должно окупаться блаженством,
Иначе, зачем эта вся суета –
Сплошная Затея, одно декадентство,
И лжехристианство и душ маята?
Устал я от жизни плохой и хорошей.
Я знаю, уверен, – живу я не так!
Но часто бывает под тяжкою ношей
Я мыслю о мести, усталый ишак:
"Сейчас я вам, люди, на головы сброшу
Свою непосильную, смрадную ношу -
И будет вам небо в зелёный пятак,
И сфера эфирная станет железной
И станет стеклянною нежная твердь,
Всё станет для вас суетой бесполезной,
Всё золотом станет и станет деньгами,
Не будет преграды меж мною и вами,
И хлеб ваш насущный нести будет смерть..."

РЕПЕЙНИК

Мне хотелось жить не у дороги,
Мне хотелось жить в ином краю.
Я цеплялся за чужие тоги,
Я лечил натруженные ноги –
И за это всех благодарю.
Я – репей, проросший у дороги.
И не надо мне твердить о Боге,
Я о Боге знаю лучше вас.
Я – репей, рождённый у дороги,
С Богом я встречался много раз.
С Богом я общался по несчастью,
Я, как все, был жертвенною частью,
Лопухом на гибнущем лугу.
И всю жизнь сам себе твержу:
Никогда не буду притворяться,
Фарисейство мира не приму,
Никаких о Боге вариаций
И в «любви» к двуликому врагу.

БЛАГОДАРНОЙ ПУБЛИКЕ

И вот я взошёл на эстраду,
Я весь перед вами, я рад,
Что вы мне даны, как награда,
Иных мне не нужно наград.
Награда моя – ваши души
И стук ваших добрых сердец,
Который мой мир не разрушил,
А новый создал наконец.
Ах, благодать то какая,
А я уже думал: один
Я здесь, как букашка пустая,
На холоде русских равнин.
Я думал наивно, что снится
Мне этот печальный распев
Над пляжем изнеженной Ниццы,
В угрюмой пустыне Негев,
Где птицы волшебные смолкли,
Где втуне все песни небес,
Где жалкие духа осколки
Распроданы бесам на вес...
Но вот ваши светлые лица
В неслышный вплелись диалог...
Такое не может присниться,
Я это предвидеть не мог.

Я РАД ЗА ВСЕХ!

Я рад, что мною недовольны все,
Я рад, что всеми я доволен –
Свободный позитрон в бездушной пустоте –
Друзей по духу выбирать я волен...

Я рад, что все «умеют жить»,
Я рад, что жить так не умею,
Как в Лондоне живёт безумный Жид,
Не захотевший жить у нас, евреем.

Я рад за всех «блаженных» и скотов,
За «бахарей на час», за интриганов ловких,
Я даже пострадать за них готов,
Когда они обвиснут на верёвках...

2007-05-09

БЕСЕДА С БЕЛГОРОДСКИМИ ГОРНЯКАМИ

Бригадиру Владимиру Ледовских...

- Ребята шахтёры! Вы живы? Вы целы? –
 Автобус – направо, а водка – налево!
 Ребята шахтёры, привет вам, привет –
 Вы снова в рубашках родились на свет!

- На свете печальном роднятся порой
 «Бог» и «богатство» и «бедность» с «Бедой» –
 Богатство не светит и Бог далеко,
 Шахтёру даётся деньга нелегко.
 А бедность с бедою? Так вот они рядом,
 Нам жизнь отравляют замедленным ядом.
 Вся жизнь на кухне и в тесных забоях,
 В болезнях, в заботах и долгих запоях,
 В досуге убогом под мат-пере-мат
 И в обсуждении низких зарплат...

.....
 По штрекам, по штрекам идём мы вперёд –
 Авось не придавит, авось повезёт...
 Всё глубже и глубже, подальше от Неба,
 Вгрызаемся в Землю мы в поисках хлеба!
 Заплатят – дойдём мы до центра Земли,
 Где черти таскают жаровни свои...

- Так кто ж вы, ребята? Володя, кто ты?

- Мы все, Анатолий, слепые кроты,
 Трудяги, лишённые светлой мечты...

ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАКАРА

*Мне вчера дали свободу,
Что я с ней делать буду?*
В. Высоцкий.

Я в плен попал пожизненно, навечно,
Душа бессмертна – что тут говорить...
Никто из наших предков так беспечно
Нас не учил, как праведно нам жить.
Мне так хотелось вырваться из плена,
Меня стерёг философ Козлорог,
Который был не склонен к переменам,
А к узникам особенно был строг.
Он добрым был, я не в обиде
За пытки те, которые терпел
Я от него, скорбя и ненавдя
И проклиная горестный удел –
Служить тому, кому я не хотел...

Я бунтовал, себе я резал вены,
Я голодал, однажды выпил яд...
Но яд не брал, я грыз зубами стены,
Мне так хотелось вырваться из плена,
А страж твердил: «Свобода – это ад».
Ступни мои он жарил на жаровне,
На тело лил солёный кипяток –
Он всё умел и, безусловно,

Он был во всём находчивый знаток,
 Универсал, заплечных дел маэстро,
 Дай Бог ему за гробом много сил –
 Как чародей из древнего предместья
 Он кровь мою в ретортах кипятил...
 Я помогал ему снимать с бульона пену –
 Мне так хотелось вырваться из плена,
 Я до него, по сути, и не жил,
 А выживал в краю постылом
 И за идеи рвал напрасно жилы,
 И делал то, что делать не хотел –
 Удел манкуртов и рабов удел...

Прошло сто лет, я подмастерьем стал,
 Я научился кровь перегонять в металл,
 В плену стал ощущать своё предназначенье,
 А быть рабом мне стало наслажденьем.

И час настал - узилище открыто,
 И отодвинув с пищею корыто,
 Мне Козлорог торжественно сказал:
 -Ты углем стал со свойством антрацита
 И плавить будешь камень и металл,
 Отныне ты резец из победита,
 Отныне ты – магический кристалл.
 -Мой господин, спасибо за науку,
 За уникальный сопро-био-мат,
 Теперь могу я, без особой муки,
 Таких как ты, в Освенциме сжигать.
 Я углем стал, лишённым всяких сил –
 Вот почему меня ты отпустил...

Во мгле дерев задумалась река
 И было грустно, может быть, чуть-чуть,
 Звезда мигала где-то свысока,
 Определяя новой жизни путь.
 Я понимал, что никого не встречу,
 И незамечен будет мой уход,
 Я утро взял и... заменил на вечер,
 Земным часам я дал обратный ход.
 Дождь моросил на старую пилотку,
 Смывал с души иллюзии и быль.
 Я взял весло, столкнул на воду лодку
 И в темноту уверенно поплыл...

ЧАШКА КОФЕ

Разжались пальцы, чашка с кофе упала вниз,
На дно небес, задела за карниз
Жилой высотки, задела самолёт...
Ну и вираж, как нашей юности полёт...
Как в западном, мистическом кино:
Огромный самолёт плашмя упал на казино —
Как всё забавно и смешно,
И никого не жалко мне давным-давно.
Жаль чашку из деревни Протвино,
- Чего хотите, сэр?
- Погибнуть в катастрофе.
- Ещё чего?
- Вернуться в послезавтра.
- Извольте, сэр. А что подать на послезавтрак:
Овсянку на воде и чёрный кофе?
Всё будет сделано на первом вздохе.
Смотрите сэр, как завтра хорошо, что за погода —
Балует вас британская природа!
А вот Гайд-парк, подстрижены лужайки,
Народа тьма, среди толпы, поди, узнай-ка,
Ровесников своих, но Вы, милорд, сидите,

Они вас знают. Вон, смотрите,
 К Вам по дорожке от больших ворот
 Бежит подросток, Ваш ровесник,
 Он Вам купил журнал «Британский вестник»,
 Свежайший номер за позапрошлый год.
 - Привет, милорд!
 - Привет, тиджей, привет!
 Скажи мой ангел, сколько тебе лет?
 - Вчера исполнилось двенадцать...
 - А мне давным-давно исполнится сто двадцать,
 Я буду юн и сед, и я давно влюблён
 В двух англичанок, юных бонн.
 Я – лорд-колясочник, напудрен и покрашен...
 -Скажите, сэ, Вы родом не из «рашен»?
 -Увы, оттуда я. Там быт угрюм и страшен,
 Там у людей звериный взгляд,
 Они друг друга поедом едят...
 Живут там осквернители могил,
 Там одарённым людям свет не мил...

Мелькнула мысль: «Напиться вдрызг,
 На шее затянуть гитарную струну...».
 Ослабли пальцы, чашка кофе вниз
 Упала в лужу, о Луну разбилась,
 И вся Ходынка-Сити осветилась
 Салютом жёлтых брызг...

Москва. Ходынка-Сити. Бар –
 Приют для однополых пар
 И тех, кто СПИДом болен...
 Здесь бармен мною недоволен:
 -Чего торчишь? Чего хотел?
 Ты кофе чёрным надоел!
 А может виски? Есть «Бурбон»...
 Под горлом боль – я вышел вон,
 На урну сел – мне негде быть,
 Нет ничего страшней, чем жить.
 Вдруг голос свыше: «Слушай, брат:
 На вариации история щедра –
 Любой поступок можно оправдать –
 Ведь если твой мирок взорвать,
 То где-то чуть добавится добра...»

ОГОНЬ

В огне всегда всему итог сокрыт:
Наступит час – оплавится гранит.
В большой идее – будущая драма:
Наступит час и возгорится пламя
Из-за пучка чуть тлеющей соломки –
Бумажный лист горит по кромке...

Сгорает всё. Огонь неумолим,
С живой природой он не совместим,
Непредсказуем, страшен и капризен,
Но он, увы, такой же, как и жизнь,
Она всегда – губительный пожар,
В ней жар любви и ненависти жар,
Сгоревшие закаты и восходы,
И вулканические огненные воды,
И жаркий пепел, и горячий смог,
И стопроцентный старости ожог...

Невдалеке горит бензоколонка,
А рядом с ней в огне ракетный склад:
Через минуту искры полетят
К далёкому созвездию Плеяд.
А может дальше – в те края,
Где было... укрощение Огня,
Где жизнь ещё возникнет...
Без меня...

РАНА

Какая боль
И здесь и там...
В ушах прибой
Ревёт тревожно,
На сердце шрам -
Жить невозможно...

Вот Храм забытый,
В нём Глюк играет.
А для кого,
Он сам не знает.
Реальность – Мокошь,
Убогий шарж,
В ней гимном служит
Бесовский марш.
Жизель танцует
С маркизом Садам,
Как стриптизёрша
Крутит задом,
К себе маня.
Чужие песни...
Тоска — моя.

Учитель жизни
Двуликий Янус
Уйдёт в банкиры,
А я останусь
В доме скорби
Читать в постели
«Записки Горби».
Врачи, медбраты,
Какая боль...

Жизнь – это рана,
Не сыпьте соль.

«Денег много,
А ставок нет.
Жизнь – это бизнес» -
Сказал поэт,
Не тот, советский,
Из «Моссельпрома»,
А наш, российский,
Он из «Газпрома».
Затылков бритых
Довольно много,
На дно колодца
Ведёт дорога,
Что будет с ними
Мне всё равно...
Какая боль!
Гроб в казино:
Сократ в осадке,
Цикуту пьёт.
Здесь самый умный
Всегда банкрот...

Итожа путь,
Скажу вам прямо:
Ожоги жизни
Ещё не рана.
До главной Раны
Всегда нам рано;
Всегда зацепка
Есть у надежды,
Что будет лучше,
Чем было прежде...
Но беспощаден
Процесс распада,
И здесь иллюзий
Питать не надо.
И пусть дымится
Над миром Свалка –
Не ёкнет сердце
Не возмутится.
Одно волнует:
Младенцев жалко,
Младенцев жалко,

Младенцев жалко...

.....

В глазах мутится,

Душа тоскует...

Лепет листьев,

Шуршанье гальки,

Шум океана

Заглушат боль,

Затянут рану.

ГОЛОС

Когда роса осоку к долу клонит,
Когда плывёт в туманах старый скит,
Я слышу, как душа над сердцем стонет,
И Голос мне в затылок говорит:

- Не миновать грядущие напасти
И не найти ночлег в конце пути,
Не испытать надуманного счастья
И от утрат грядущих не уйти.

Тебе бояться мира не пристало:
Тебя уже никто не победит.
Иди вперёд, во что бы то ни стало,
Как гриб расти, раскалывай гранит.

Пойдут в помол базальтовые скалы
Под жерновами духа твоего –
Иди вперёд, во что бы то ни стало,
Иди вперёд, и больше – ничего!

Когда твоё дыханье прекратится,
Исчезнет плоть, ты все равно иди!
Душа взлетит как раненая птица –
То будет смерть, но не конец пути...

А вы? Вы стали Именем Моим
 кормиться.
 Я дал вам землю, небо,
 все красоты мира,
 А вы устроили
 чуму во время пира.
 Кто вам внушил,
 что пурпурная тога
 Есть символ власти,
 что она от Бога?
 Я не учил вас
 верой торговать,
 Друг друга мучить,
 грабить, убивать.
 Не Я сказал:
 «Динарии копите,
 Насилуйте, воюйте
 и хитрите».
 Я – Тот, Кто
 Кем угодно
 может быть,
 Но и Меня порой
 от вас тошнит,
 От ваших жертв,
 стенаний и молитв
 В огне «священных» войн
 и «величайших» битв...
 В дурных делах
 Я не пособник вам,
 И Мне отмщенье
 и Аз вельми воздам
 Не по молитвам вашим,
 По делам,
 Я дал Завет пророкам,
 мудрецам:
 «Творите больше дел,
 дабы без воплей громких,
 Достойно отойти...
 и пережить потомков.
 -Но я же не пророк
 и не мудрец,
 Я был никем, сейчас никто,
 никем и был отец.
 Моя семья
 Не разрушала храмы

Не затевала войн
и мировые драмы...

Но были плотские грехи.
Они, как боль

И стыд.
Доколь
на раны сыпать соль?

Да и к чему вся эта...
круговерть,
Где день рожденья
завершает смерть?

Устал я.
Дайте мне покой,
Я переполнен болью
и тоской.

Меж двух миров
лежу без сил я:

Меняю нимб
и ангельские крылья
Я на покой...
божественного Света...

- Спектакль не кончен,
песня не пропета.

Вернись к своим...

- Избави, Боже!
Сердцем чую,
Что не поймут меня
и четвертуют...

- Я шифр жизни дам тебе
и силу,

И станет так, как будет
и как было.

Коснусь тебя
и страх пройдёт,
Душа твоя свободу
обретёт.

Огонь зажжённый Мной
не загоняй в трубу.

Спектакль закончится,
и снова Я приду.

Иди в народ - есть время
до финала.

Тебя распнут.
Я всё начну сначала.

.....

Очнувшись, я авторучку взял,
раскрыл тетрадь
И написал в ознобе
творческого жара:
«Завет Новейший
дан вам от Макара,
Который не гонял
за горизонт телят...
...И Тьма была.
И Тьмой был мир объят.
В начале было То,
Что захотело
Передвигаться,
жить и делать Дело.
Не нами сказано,
что без Труда и Дела
Из Ничего
не возникает тело...».

БУДЕМ ЖИТЬ

Кто я? Что я?

Полубожок
или киборг?

А может атом,

не залетевший
в наноморг,

И чудом, избежавший

расщепленья?

Возникший задолго

до своего рожденья?

Я воплотился?

Жив я или нет?

По паспорту

мне... триста тысяч лет;

Новейших технологий

славный образец,

Я износить успел

три тысячи сердец.

Я призван Богом,

или Им наказан

За веру зыбкую

и за излишний разум?

Кто скажет мне,

где в бездне
верх, где низ?

Куда лечу?

А может я во тьме

навек завис,

Самодостаточный,

свободный,

совершенный,

И что из этого?

Каков итог?

Я слышу двух врачей

невнятный диалог:

- Что ж, будем жить,

хоть путь

довольно труден...

- Возможно, будем,

если пить не будем...

- Был момент, –

я думал, он

умрёт...

- Железный организм...

Пускай живёт.

- Однако, я устал,

уже не держат ноги.

Пошли. Там у меня есть

в соусе миноги...

А в сейфе спирт...

Нам стол накроет дама...

ОЦЕНЩИКИ

Вся жизнь моя –
 сплошной вопрос.
Не злобный, не завистливый,
Я перед всеми
 странно унижался,
Раздавленный их
 мнимым превосходством,
А может явным...
Ведь были среди них
Суггесторы, антропофаги,
Строптивая овца
 у них идёт под нож...

Как проросло зерно гнилое,
 росток тщедушный,
Как пророс среди репейника,
 чертополоха?
Вот вопрос! В итоге:
Для кого чем именно хорош
 И плох я,
Распятый временем
 меж двух эпох?

Причудлива моя судьба:
 о многом *верно* знать,
 Но *точно* – ничего ;
 Знать – *что произойдёт*,
 не знать при этом – *где*,
 Не зная частное,
 единое познать
 И сокрушаться от противоречий,
 Дабы узнать
 хоть что-нибудь о мире...

Как муравей я полз по кругу,
 пробуя его на вкус,
 На прочность, на изгиб –
 чуть было не погиб,
 А оказалось – это Колесо,
 Круг Мира, вечная машина...
 Серебряные спицы
 слились в круг
 От быстрого вращения.
 Что жизнь моя?
 Изломы бытия,
 каприз фортуны?
 Борьба за то,
 За что не следует бороться,
 осталась втуне.
 Я никому не должен,
 Мне не за что платить.
 Я не хочу платить
 налоги палачам...
 Я кто? Я – отщепенец,
 гонимый ветром перемен?
 Щепка истории,
 от старой скрипки дека?
 Иль аноним
 шестнадцатого века,
 На клиросе поющий «Херувим»,
 А может добровольный
 плакальщик России?
 Повременю с поминками...
 Пусть мёртвые
 хоронят мёртвых...

Как сжался в точку
 круг любимых мною.

Почти не стало
 любящих меня.
 И не вернуть долги,
 Не попросить прощенья,
 не замолить грехов...
 И только мысль:
 «Я скоро буду с вами»
 Даёт дышать,
 И в путь, без маяты,
 готовить сборы...

Та комнатка была чуть
 больше склепа.
 Полу-подвальчик.
 У окошка за столом
 сидели двое.
 Двое в чёрном,
 Рогатый и Бородатый,
 играли в карты
 и вяло спорили,
 И речь картёжников
 шла явно обо мне:
 - Смотри, очухался.
 Сейчас начнётся атаксия,
 Потом истерики,
 биенье в грудь,
 И бичевание властей
 Всех стран
 и всех народов....
 - Он кто у нас
 по Банку данных Мироздания?
 -Писака жалкий. Психопат.
 Ты слышал его бред,
 бред сумасшедшего
 перед кончиной мира?
 Он – балалаечник,
 играющий на лире.
 Он в прозе – эпигон,
 в поэзии – версификатор;
 размер стиха не соблюдает,
 и с рифмой не в ладах.
 Как многие, он скучен и зануден,
 Адаптер
 истин прописных,

Типичный архетип интеллигента
Из Пятой Расы

коренных людей.

Он – трансцендентный эсхатолог,
Таких сейчас,

как бешеных собак...

Типичное лицо

типичных обстоятельств,

Как он попал на этот кастинг?

Сегодня так нужны

безумцы-бунтари,

Чьи идеи

потрясали мир,

И чьи дела

вводили в трепет,

И леденили души

всех народов...

А этот так себе...

Поэт неактуальный...

А как себя он любит

и жалеет,

Винит в своих страданиях

других,

И даже мёртвых

беспокоит

Шумами в сердце...

Нет, он не Фауст,

далеко не Фауст...

Моя оценка:

Он – пирог ни с чем.

Аморфный весь: то согрешит,

то кается,

Потом опять грешит...

Он не способен

на Поступок инфернальный,

Типичный кандидат

В самосожженцы.

Он нам неинтересен.

Пусть живет...

.....

Здесь я не выдержал,

сел на кровать,

На пол спустил

босые ноги,
 спросил:
 - А вы, ребята, кто?
 Вы из «Пен-клуба»,
 Или ЛИТО
 при банке «Легион»,
 или оценщики
 подпольного ломбарда?
 Оценки ваши
 в духе дилетантов:
 Нет на свете «коренных людей»,
 А были только Коренные Расы,
 Их было Пять,
 Шестой же – не бывать.
 Разоблачён дешёвый ваш
 глобальный лохотрон.
 Вы, видимо, ребята
 из Давоса?

- Что за вопрос!
 Какой Давос?
 Мы – перестройщики
 дряхлеющего мира,
 Мы – из шестого Круга.
 Один из нас недавно
 с Пушкиным гулял,
 Другой беседовал
 с Сократом...
 Теперь твою
 судьбу решаем.
 Скажи, ты с нами,
 или против нас?
 - Я свой себе.
 Не «наш»,
 не «ваш»,
 Я презираю
 воровские шайки
 Из всех кругов,
 и вас, «шестёрок»,
 из шестого круга.
 А посему идите оба...
 в круг девятый,
 где бесов – целый легион,
 Где Люцифер сидит
 у озера Коцит,

Вода его черней,
чем антрацит...

- Иди ты сам,
парнокопытный,
Живи, как кабарга,
Ни богу свечка,
ни чёрту кочерга, –
со злом сказал Рогатый.

И я пошёл
в чём был,
В халате, в тапочках
на босу ногу,
Остановился у дверей
и заорал:

- Христос воскрес!
- Он опять воскрес, –
вздыхнул Рогатый:
И что из этого?
Он каждый год
напрасно воскресает:
Из года в год
становится всё хуже
Для тех, кто верит
в эту ерунду...

- Воистину воскрес!
Без доказательств и гипотез! –
ответил Бородатый
и веером метнул
колоду карт.

ВАРИАЦИЯ НА ЭЛЕКТРОМАГНИТНУЮ ТЕМУ

- Когда и как меня убили
 Помню смутно:
 В цветущем мае это было...
 Стена щербатая
 От слов и пуль...
 И лютый лай людей,
 Пригнавших нас, покорных, на убой...
 Потом хлопок
 Пастушьего кнута,
 Потом удар под левую лопатку
 И темнота...
 Потом, когда меня добились
 Конвоиры,
 Я очнулся...
 Сорок дней витал я
 Над могилой братской,
 Жалел друзей,
 Родных и близких,
 За слабодушие корил себя,
 Что перед смертью я,
 Довольно крепкий,
 Не выгрыз горло конвоиру...

.....

- Довольно!
 Перестаньте плакать,
 Умерьте амплитуду колебаний.
 Всё позади. Всё будет хорошо.
 Развеются как дым земные страсти,
 И беды и обиды,
 Всё будет по-иному
 В мире новом...
 Слезу сотрите
 И посмотрите
 На звезду Эвтерпу –
 Нашу Музу –
 Мы все, коллега, спутники её!
 За нею, видите,
 Краснеет Клио,
 Ей стыдно за людей,
 А Талия мигает и смеётся.
 В зените плачет Мельпомена.
 Смотрите, о любви поют Эрато

С Каллиопой,
 А Полигимния
 Слагает гимны нам,
 Танцует Терпсихора,
 А на парад планет и звёзд
 Внимательно взирает Урания...

.....

- Простите, мэтр, новичка,
 Скажите, Вы – философ?
 - Нет! Скорее я – поэт.
 Мой код: «D. K.»,
 А имя – Дмитрий,
 Я – электрон с устойчивой орбитой...
 - Вы узнаваемы за тысячу парсеков:
 Вы – автор драмы «Рембрандт»
 И поэмы «Конь»,
 Убиты были в сорок пятом
 Агентами НКВД
 Под маской хулиганов...
 - Я всё забыл. Я ничего не помню...
 Мне всё равно: когда, за что и где...
 Забудем всё. Себе оставим опыт
 Перевоплощений и метаморфоз.
 Отныне будет хорошо:
 Подует скоро звёздный ветер,
 Поток стремительных нейтрино
 Нас понесёт за горизонт событий
 В иную жизнь, в иные времена.
 У каждого из нас теперь своя орбита,
 Её никто не сможет изменить –
 Мы все здесь с отрицательным зарядом!
 Нам хватит места всем –
 Художникам, поэтам и певцам,
 Зодчим, музыкантам и актёрам.
 Мы друг от друга, как бы далеко,
 И в то же время мы, коллега, рядом.
 У нас у всех свой срок полураспада
 И распада. Забудем органоидов.
 Они хрупки, их связи быстро рвутся;
 По мировым часам их жизнь мгновенна,
 А память их чрезмерно коротка.
 И участь органоидов, увы, печальна,
 Она предсказана была в сатире Свифта
 И в книге бытия – «Корабль дураков».

КОНЕЦ

Es zu Ende!
Всему конец.
Вот главные слова,
И сердцу бы пора утомиться,
Остановиться...
Не нужно лишних слов,
Которые ни нигде не смогут проясниться
Ни здесь, ни «там»,
Где нет ни горечи, ни счастья,
А лишь покой, шалаш, шатёр, вигвам...
Когда мы выпьем на двоих по двести грамм
Нам нужно больше не общаться...
Не нужно лишних слов.
Давай в тиши смотреть на жизнь муравьёв:
Учись у них не думать о грядущем,
Не знать о том, что есть всему конец.

ОККУПАЦИЯ

Независимо от желаний,
Независимо от всего
Лабиринт – юдоль испытаний
Для характера твоего.
Погрузиться в себя как в пучину,
На смертельную глубину,
Отыскать роковую причину
И признать за собой вину
За то, что такое случилось,
За то, что врагам на милость
Ты отдал себя и Страну.

Лабиринт – вертоград блужданий
Строил царь, сошедший с ума.
После тысячей лет страданий
Не нужна человеку Тьма
В лабиринте жизни и смерти –
Минотавр Тесеем убит ...

Верховодят в России черти,
Избран кесарем Вечный Жид.

ТЕОСОФИЯ

Любовь Христа не только чувство,
 Любовь – великое искусство,
 И дар Небес, и Крест земной,
 Как Иго жизни бытовой.
 Но я хочу любви иной,
 Хочу любить весь мир живой –
 От валуна до муравья,
 Я знаю в них Судьба моя!

У ТИХИХ ВОД

У тихих вод поток времён
 Струит по лунным фазам,
 И нет фамилий, нет имён
 И не вмещает всех нас Разум.
 Мы безымянные. Нам нет
 Во тьме Вселенной места:
 Пусть гаснет животворный свет,
 И возникает Продолжатель чести
 Былых мифических времён.
 А мы останемся на месте
 Своих условленных надежд,
 Своих условленных понятий
 Среди торжествующих невежд
 И обнаглевших автократий.
 Мы – русские. У тихих вод
 Уходит в ил простой народ...

У КАМИНА ВРЕМЁН

Шёпот пламени в старом камине.
 А вокруг только холод и тьма,
 Ледяная, глухая пустыня
 Как реальность безумного дня.

Среди гор ледяных и торосов,
 Среди ангелов, впавших во Тьму,
 Не возникнет ненужных вопросов:
 «Кто виновен? За что? Почему?»

Всё изжито и всё пережито,
 Переварено всё так давно,
 Как шумерское древнее жито,
 Как прокисшее в чане вино.

Как вчера, так и ныне и присно,
 И навечно, во веки веков,
 Не познать нам божественных истин, □
 И не сбросить телесных оков.

Мы как в битум в Материю впали,
 Закоsnели, застыли и нам
 Никогда не изведать печали,
 Той печали, присущей Богам.

На одной из Вселенских окраин,
 Где в Материи гибнут Огни,
 У камина отверженный Каин
 Греет дряблые руки свои...

Мир жестокий и ужасный,
 В никуда уводит дверь –
 Не кощунствуй понапрасну
 И фанатикам не верь.

Верь лишь сердцу, только сердцу
 Интуиции своей.
 Слышишь, как играет скерцо
 Под застрехой бог Борей?

ДВОЙНОЙ АКРОСТИХ

ХОочу заверить: всё будет.... **ХО**...
РОссия рыкнет ещё нам.... **РО**...
ШОк станет всем нам последним **ШО**...

ДОКТРИНА БЕЗСМЕРТНЫХ

Когда мой бог
 В Материю упал,
 Он встал с колен, зевнул
 и улыбнулся,
 И я, который в мезозое
 спал,
 С улыбкой бога
 личностью проснулся.

Ещё клубится
 нереальный сон,
 Ещё размыты контуры
 предметов,
 И жизнь химер
 как нездоровый сон,
 Но мысль уже витает
 над планетой.

Дракон и Змий,
 семь Тайн,
 три вида Света,

Земной оси
 чудовищный наклон,
 Разумный план,
 горит огонь духовный,
 Творец-Создатель,
 Демон и Брамин,

И богочеловек пока
 в животной форме –
 Полулатентный, вялый
 андрогин...

Когда в предметно-разделённый

мир
 Мой дух попал как муха
 в паутину,
 Предстала вдруг нелепая
 картина:
 Поют хвалу
 тупому бабуину
 Кентавр и Сфинкс,
 Русалка и Сатир;
 Чудовища ворочаются
 в тине,
 Драконы реют
 грозно в небесах,
 Тираннозавр в кустах
 сжирает сына,
 В сердцах зверей
 растерянность и страх...
 Прообразы рождающего
 Мира,
 Потоки лавы,
 искры и огни,
 Рождённые на Лемносе
 кабиры,
 Рождённые утробой
 Земли.

Эфирный образ
 человеком стал,
 Когда резец в руке своей
 зажал
 И в первый раз Материи
 коснулся
 Полмиллиарда лет тому
 назад,
 В эпоху зарождения
 монад,
 Частичек Духа, отданных
 богам,
 Правителям-создателям,
 жрецам...
 Ещё в раю не возлежал
 Адам,

Адам-Кадмон
на битву с миром встал,
И от души впервые...

прослезился.

А бог войны всё чаще
хмурил брови,
И люди снова брались
за своё,

Земля глотала
океаны крови,
От сладкой крови
корчило её...

Когда мой бог
вital среди светил,
У чёрных дыр,
где свет печально гибнет,
Я на Земле культ личности
творил,

Ещё не зная,
что меня постигнет...

Я жизнь творил,
законам вопреки,
Как хрупкий лёд,
ломал материки

И раздвигал
базальтовые плиты.

Я всюду строил
Храмы-мегалиты,

Я Сущим стал,
который был везде,

Константой стал
в космической среде...

Я изменял природу тьмы
и света,

Я замедлял вращение
Планеты,

Фотон свободный стал
послушен мне,

Я расщепил неразделимый
атом,

Шпицберген сделал я
цветущим садом,

Гиперборею раем

на Земле.
 Я породил
 арийцев-великанов,
 Я бросил вызов
 Солнцу и Луне,
 Я стал царём,
 Отцом великих ванов,
 Сыны богов прислуживали
 Мне.
 В эпоху камня
 Я родил вождей,
 В эпоху бронзы
 доблестных мужей,
 А в беспощадный век
 железный
 Я породил
 душевные болезни...
 Я бросил вызов
 Солнцу и Природе.
 Когда я сам
 в Материю упал,
 Я под собой
 разрушил пьедестал,
 Когда родил
 лукавые народы
 И стал таким
 как демон Велиал.
 Я сам себя лишил
 волшебной силы,
 Когда свой дух
 с материей связал
 И лёг на дно
 медлительного Нила.
 Остались на Земле
 мои следы,
 Творения, овеянные
 славой;
 Как памятник
 безжалостной судьбы
 За мною вьётся лентой
 след кровавый.

Я говорю:
 «Фанатикам не верьте,

 Фанатиков пестуют
 злые черти,
 Фанатиков рождает
 главный бес,
 Душу убивающий
 Прогресс.
 Я не алкал в Материи
 бессмертья,
 И буду жить всегда,
 Но я сегодня мертв.
 Не будем говорить сейчас
 о смерти,
 И тех напрасных
 мириадах жертв.

Пронзив пространство
 радиоволной,
 Творец забросил сети
 в бесконечность.
 Он смотрит в даль,
 в таинственную вечность,
 На горизонт
 за Черною Стеной.
 За той Стеной
 все могут разместиться,
 Там души наши
 будут робко ждать,
 Тот час, когда сумеют
 воплотиться
 И получить от Бога
 благодать...

ДЕДУШКА КРАСИВЫЙ и полеты над самим собой

В стране маленьких человек

У каждого из нас свой мир. Каждый из нас имеет свою дверь в этот мир. Это может быть мир детства; это может быть мир души юноши, зрелого и старого человека. В таком мире сны, воображение и творчество порождают новые видения, где между явью и фантазией теряются четкие границы.

Многие из нас имеют несколько дверей в эти миры, но не каждый желает открыть хотя бы одну из них – одни из обычной боязни, другие из-за великого Страха и Заточения, остальные из-за врожденной лени души или своего неразумия.

Мне повезло. А может, нет, я этого не знаю, для меня это до сих пор тайна. Но я до сих пор чаще других открываю свою заветную дверь, а иногда, как повезет, и двери в другие миры. Это помогает мне относительно осмысленно и интересно жить. Там, за дверью, всё не так, как здесь, в скучном сумраке повседневности серых мышей. Иногда одна дверь становится для тебя вратами ада, другая – звездными вратами в сады Эдема.

Там, за моей дверью, начинается дорога, ведущая к перепутью. Налево пойдешь – обретешь вечное забвение; направо – обретешь истину в доме скорби; прямо пойдешь – одновременно станешь великим и малым, могучим и бессильным полубогом, созидающим и в тот час разрушающим только что созданное.

Откроешь другую, чужую, дверь – там тоже свой «крутой маршрут» начинается с дороги к рискованной развилке. Свернешь налево – пойдешь этапом на Княж-Погост, где и уляжешься, словно мамонт, в вечную мерзлоту; пойдешь направо станешь вечным «честным рабом» и добросовестным бедняком-батраком, работающим на благо паразитов и их потомства; пойдешь прямо – обретешь на час все блага мира: деньги, власть и тщетную славу.

Я редко открываю чужие двери, чаще предпочитаю открывать свою дверь. За ней намного лучше, знакомей, интересней, а также познавательней. Там имеются такие возможности, которые мне никогда не снились здесь, в этой земной жизни. Там есть волшебные зеркала, в которых ты можешь увидеть отражение своей особой исключительности и превосходства над окружающими и сказать гордо самому себе: я не такой как все! Но чаще всего там ты можешь посмотреть на себя с высоты птичьего полета, увидеть себя издали, сверху, удивиться своей жалкой никчемности и воскликнуть жалобно: "Господи, Боже мой, неужели это я, Твое творение!" И тогда сладкая, томная, неизбывная, жгучая жалость к себе сожмет сердце, к несправедливостям своей судьбы, к себе страдающему.

Там можно увидеть многое, ибо там открывается третий Глаз и там можно летать. Летать не как летают все пернатые, а как плавают в невесомости космонавты, лениво, медлительно и торжественно. Там не нужен воздушный шар, вертолет и самолет. Там вообще не нужны никаких крыльев. Там только нужно сжать всего себя до боли в висках, во всех суставах и мышцах, уплотнить себя до предела, до страшной тяжести в голове, сделать невесомым всего себя и, плотно закрыв глаза, в необъяснимом страхе оттолкнуться от земли. И тогда гравитация отпустит тебя, и время изменит свой бег.

О таком тихом полёте-плавании в густом воздухе другого мира я мечтал еще в детстве. Именно тогда, когда я в шесть лет, в 1949 году, в июне в день третий, открыл впервые свою волшебную

дверь и увидел за нею мир маленьких человечков (малчелов), именно тогда с их помощью, благодаря их вере в меня, я стал плавно парить над миром.

Это был удивительный мир. Меня поражало то, что в нём не было никаких шумов нашей земной жизни – гудков автомобилей, протяжного рёва паровозов, мычания коров, бляенья овец и человеческой речи, там была благостная тишина. Только шум ветра в траве, да шум летнего ливня и писклявые крики малчелов нарушали покой этого безмолвного мира. Он был как бы внутри нашего большого мира, как некая коробка, стоящая в глубине шкафа...

Малчелы, эти маленькие человечки, когда я впервые их увидел, показались мне удивительно дружными, миролюбивыми и трудолюбивыми существами. Они напоминали мне двуногих муравьев, которые, как и настоящие муравьи трудились от восхода и до заката, не поднимая глаз к небу. Взрослый малчел был в пять раз больше обычного муравья, не больше. Их малые дети, которые ползали на четвереньках, были чуть меньше муравья. Внешне малчелы были даже немного похожи на муравьев из-за большой головы и тонкой талии. От муравьев их отличало только то, что они ходили на двух ножках и носили одежды из лепестков различных полевых цветов, а то, что они имели свою культуру, обычаи и досуг.

Открывая двери в их мир, я долго, целыми часами, наблюдал за их жизнью. Я заметил, что все мужчины одеты в зеленые комбинезоны, сшитые из листьев мягких трав на подземных швейных фабриках, а женщины щеголяли в разноцветных платьицах.

Вся жизнь малчелов проходила в труде – в добывании пищи и питьевой воды, в строительстве новых подземных жилищ для каждой новой семьи. Когда шли обильные дожди, проблем с водой у них не было, но когда стояли ясные, сухие дни, то малчелам приходилось вместе с детьми носить воду в ведерках из озера, которое находилось на дне большой воронки из-под взорвавшейся когда-то пятисоткилограммовой авиабомбы. Воду им приходилось носить далеко вверх, туда, где у крутого края воронки, под тенью громадного лопуха ютился их подземный город.

В то время, когда я стал часто открывать дверь в мир маленьких людей, стояла страшная засуха. Их озеро стало быстро высыхать, и вскоре на дне озера образовалась маленькая, ядовитая, зеленая лужица. Ночи были длинные, сухие и душные, и утренняя роса больше не выступала на шершавых листьях лопухов.

К жажде добавился голод, трава стала сухой и жесткой, исчезли цветы, а с ними сладкий нектар. Стебли могучих лопухов, в сердцевине которых находится такая нежная, сочная и сладкая

мякоть, стали твердыми, как железо. Топорики малчелов отскакивали от них, как от бетонных столбов.

Малчелы стали слабеть, болеть и умирать. Сначала дети и старики, а потом и молодежь. Численность маленького народца стала стремительно сокращаться.

Настал момент, когда я не мог оставаться любопытным, сторонним наблюдателем. Мое сердце сжалось от нестерпимой жалости к маленьким человечкам, точнее сказать, я весь сжался в одну болезненную точку от глубокого сострадания к этим людям, и может быть, кто знает, с этого момента я и обрел способность парить над миром. Мне мучительно захотелось стать человеческим, быть добрым, быть спасителем, вождем...

Когда отчаяние маленького народа достигло высшего предела, я решил тайно от него оказать ему посильную гуманитарную помощь. В тот же день я нашел на мусорной свалке три консервных банки из-под килек в томате и тщательно вымыл их. На кухне взял, точнее, украл, большой кусок сахара-рафинада и насыпал из льняного мешочка в бумажный кулек немного манной крупы.

Когда свечерело, и обездоленный народец уснул тревожным сном, я тихо прокрался к подземному городу. Вкопал в землю консервные банки, наполнил их из ведра колодезной водой, растворил в отдельной плошке сахар и поставил её у главных городских ворот, а манную крупу рассыпал посередине главной улицы города так, чтобы она досталась всем жителям: у каждого входа лежала отдельная куча крупы. Так, чтобы всем было поровну и справедливо.

На следующий вечер я снова навел на подземный город. Его жители уже спали. Вода в цистернах была почти выпита, плошка с сахарным сиропом была пустой, манная крупа так же полностью исчезла.

Было тихо, и лишь в полушаге от лопуха, там, где предположительно располагался главный тоннель и дворец Матушки-Госпожи Великого Города, слышался едва различимый писк. Я лег на сухую, пыльную траву, прижал ухо к теплой земле.

То, что воспринималось всего лишь невнятным писком, оказалось оживленным совещанием правительства подземного города-государства. Высокое собрание вела сама Матушка-Госпожа.

-Я же не раз говорила вам, что Бог есть, что Он обязательно поможет нам, спасет нас от гибели. Это Он послал нам манну небесную, наполнил сосуды наши удивительно чистой водой и чудесным медом, это Он, Всемогущий, заложил основу Новому городу – прорыл тоннели и сделал Большую дорогу, - величественно пропищала она.

-Слава Всемогущему Богу, слава нашей Матушке-Госпоже! – дружно пискнули члены Государственного совета.

-Бог не только милосерден, Он еще и строг, Он страшен в своем гневе. Это Он послал нам страшную засуху, голод и болезни. Он наказал нас за грехи наши, за то, что мы нарушаем Его законы, за неискреннюю и двуличную нашу веру, - раздался чей-то назидательный и строгий писк. Но я узнал его. Это был голос Великого и Непогрешимого Вероначальника города-государства.

-К сожалению и глубокому моему прискорбию, многие из нас, - продолжал строго пищать Вероначальник, - оправдывают свою слабую веру тем, что Бог незрим для нас, а раз так, то очень трудно, заявляют такие маловеры, искренне поверить в незримого Бога. Это опасное заблуждение! Бог является во плоти только тем, кто в него безгранично и беззаветно верит. И это не просто красивые слова, а самая, что ни на есть, сущая правда. Вчера, на исходе заката, когда ушло прочь злое, палящее светило, я... я... я... видел своими очами самого Бога!

Зал совещаний огласился удивленными возгласами и писками восторга. Когда волнение высокого собрания улеглось, Матушка-Госпожа, не скрывая своего жгучего любопытства, нетерпеливо спросила:

-В каком образе явился тебе Бог? На кого Он был похож?

-В образе громадного, гигантского человека, о, моя великая Госпожа! - воскликнул Вероначальник и торжественно продолжил, - это говорит о том, все мы, люди, были созданы Богом по Его образу и подобию. Это еще раз говорит о том, что все мы – Его дети, что мы совершенны, как и Он, являемся высшим творением в этом мире!

-Мы совершенны! Мы - венец Божьего творенья! Мы – божий народ! – наперебой загалдели члены государственного совета. Казалось, что их тщеславным восторгам не будет конца, но они были вскоре прерваны властным писком Матушки-Госпожи:

-Довольно! Прекратите! Пусть наш Вероначальник продолжит свой рассказ о встрече с Богом. Итак, внимание, мы слушаем.

-В тот вечер, о, моя великая Госпожа, - торжественно продолжил святой отец, - когда уже зажглись на небосводе первые звезды, я решил вознести свою молитву к Богу милосердному не в нашем храме, а под открытым небом. Я молил Бога о нашем спасении неистово и страстно, я молился и рыдал, отчаянно раздирал на себе одежды и рвал волосы на голове. Взор мой обращен был к звездам, я знал, что Он, Всемогущий и Великий, находится среди них и увенчан ими. Не знаю, как долго длилась моя молитва, но когда мои силы почти покинули меня, а душа уже готова была расстаться с телом, вот тогда я узрел Его.

Он возник на фоне звездного неба как огромное белое облако, как белый смерч возник Он из-за нашего великого Древа Жизни. Он был во много раз выше его! Глава Бога упиралась в небосвод, а ноги Его были двумя необъятными колоннами. Бог был весь белый, а волосы на Его голове были белее снега. Бог был обнаженным по пояс, Его бедра покрывали багровые одежды. Бог был босым. Мне слышно было, как под Его стопами тяжело скрипела от громадной тяжести земля; послушно прогибались высокие, зеленые деревья и трещали, рассыпаясь в прах, сухие стволы. В одной руке Он держал длинный меч – символ Его Гнева, в другой – наполненный через край живительной влагой огромный сосуд как символ Его Жизни и Любви. Чистейшая, небесная вода обильно проливалась из сосуда на мертвую сухую землю...

Бог был настолько велик и могуч, что я в ужасе и в страхе великом упал ниц и потерял сознание. Не помню, сколько я лежал без чувств, но когда очнулся, то Бога уже не было. Я встал и при свете звезд увидел, что главная улица города преобразилась: на ней чудесным образом оказалось много питья и пищи. Там я утолил свою жажду и голод, после чего отправился в храм, чтобы воздать хвалу нашему Милосердному и Человеколюбивому Всевышнему за Его бесконечную любовь ко всем нам и нашему народу. Я славил нашего Бога до самого утра, пока обессиленный не рухнул в глубокий сон прямо у Святого жертвенника. Вот и всё, что я могу вам поведать, дорогие братья и сестры о явлении мне Всемогущего Бога. Плоды Божьего милосердия вы видели сами. Следы Его пришествия к нам, грешным, налицо: Его богатые дары, новая дорога Жизни и Новый город, который мы с Его помощью благоустроим и назовем этот новый город в честь нашего единого Бога – Богоградом. Этот город будет неприступен для всех этих бездушных особей рода человеческого, для этих примитивных варваров, наших вечных врагов – муравьев. С нами Бог! С Ним мы скоро построим новую счастливую жизнь!

Страстный и велеречивый рассказ Святого и Непогрешимого Вероначальника произвел на всех участников Государственного совета большое впечатление, несколько минут среди них царил глубокое молчание. Меня же в это время раздирал смех, я с трудом удерживал себя, чтобы громко не расхохотаться и своим громоподобным смехом не разбудить всех жителей подземного города. Ещё бы! И как тут не рассмеяться, когда я в подробном и красочном описании внешности Бога... узнал самого себя! Ну, конечно же, это был я! Всё совпадало, за исключением «одежд Бога Милосердного» – моих трусов из красного сатина, сшитого из старого флага, а в ином - всё точно до мелочей: и «меч карающий» – ржавый, трехгранный штык от винтовки- трехлинейки; и семилитровое, цинковое ведро с водой; и мои выгоревшие на

солнце светлые волосы! И не так важно, думал я тогда, какого цвета были мои трусы, вполне возможно, что старый вероучитель слаб на зрение, и в страхе мог ошибиться. Такое с каждым случается, когда он попадает в необычные условия. Но я тогда ошибался, был очень мал и многого не знал. Тогда я не мог знать, что в густеющих сумерках наступающей ночи почти все цвета, кроме черного и белого, изменяются: алый становится сначала бордовым с переходом в ультрамарин, а потом черным, желтый – белым...

Я тогда, к сожалению, многого чего не знал. Многие научные слова малчелов мне тогда вообще были непонятны, особенно язык их Главного Ученого-Строителя-Инженера, того самого умного, который изобрел сезонный водопровод для дворца Матушки-Госпожи Великого Города и для усадеб её приближенных. Именно он, в последнее, перед засухой, время изобрел механизм по подъему воды из озера вверх в город. Как тогда я понимал, Главный Ученый имел такой же высокий авторитет в обществе, как и Главный Вероначальник. Он оказался единственным, кто усомнился во мне как в Боге. Только он один имел мужество подвергнуть сомнению рассказ Вероначальника о встрече с Богом.

-Святой отец, а может, все-таки это был не Бог, а просто-напросто человек-великан, забредший из других земель в наши края?

Не хочу описывать реакцию большинства членов Государственного совета. Это было что-то ужасное. Почти все они набросились, как злые псы, на несчастного ученого и стали обвинять его в безбожии. Что это такое, я тогда не знал. Помню, что только три члена высокого собрания вступились за Ученого, но их голоса потонули в писке всеобщего возмущения...

Что касается меня, то я, конечно, был на стороне большинства. Мне, честно говоря, тоже не понравились сомнения Главного Ученого. И в самом деле, почему «Я» по отношению к маленькому народу не могу быть Богом? Ну, ладно, не Богом, но я же могу быть в данный момент, а может быть, и навсегда, стать его великим Вождем, каким сегодня является для нас великий дедушка Сталин? Вполне могу, ибо сегодня меня великий народ малчелов признал Богом, а значит и вождем! Вождь и Бог тогда для меня были равными понятиями. А жаль. Плохо, что я этого различия не осознавал. Но жизнь текла по своему руслу, и ничего нельзя уже было изменить, я взял шефство над маленьким народом.

Главным, что для меня в тот момент было, так это незнакомое ранее, необычно сладкое ощущение власти, сам народ утверждал меня одновременно и Вождем и Богом. И когда члены Государственного совета стали обсуждать проблемы новой

религиозной реформы, а потом в связи с этим затеяли между собой яростные споры о том, кто из них больше верит в Бога и в Его пришествие, мне стало скучно.

Я приподнялся с земли, небрежно отряхнулся, сжался всем телом в один кулак, а может быть в одну точку, не знаю, но мне стало нестерпимо больно во всем теле, особенно в голове...

И вот тогда я подпрыгнул и медленно, точно во сне, воспарил над низкими крышами домов, над пирамидальными тополями, над амбарами элеватора, над этой самой воронкой, где жили и трудились мои новые друзья, славные малчелы. Хорошо ощущать себя Богом и, как Бог, витать над своим миром!

Так неожиданно для себя я стал Богом. Приятно ли мне было ощущать себя Всемогущим? Да. Но я тогда не понимал, что такое власть Бога и что такое власть царя; мне тогда казалось, что быть Великим Вождем своего народа намного приятнее, чем быть каким-то и чьим-то Богом. Уже тогда мне говорили, что всеми нами правит на земле Мудрый и Добрый на земле дедушка Сталин. Став Богом над маленькими людьми, я захотел стать для них не Богом, а добрым и заботливым отцом, как великий дедушка Сталин.

В те часы, когда маленький народ сделал меня своим Богом, я долго витал над пространствами своего основного обиталища. Конечно, мои полеты были непохожи на полеты птиц. Если те же самые жаворонки, ястребы и ласточки носились по небосводу быстрее молнии, я плыл в густом, воздушном пространстве, как жирный кит, медленно, плавно и размеренно. Иногда, чтобы набрать нормальную скорость, мне приходилось ногами и руками отталкиваться от верхушек деревьев или от дымовых труб домов. На первый взгляд это кажется легким делом, – оттолкнулся и плыви дальше в воздушном пространстве. О, нет, теряется скорость, ты повисаешь над землей, и тогда она притягивает тебя, ты начинаешь медленно падать на какую-нибудь грязь, гадость, и тогда начинает болеть сердце. Тогда тебе не до полета.

Но все равно, каким бы ни был странным мой полет, но он был первым в моей жизни, а значит и прекрасным.

С того дня, как я стал осознавать себя Великим Вождем маленького народа, я очень изменился. Для своих родных и друзей по играм я стал замкнутым, скрытым, немного надменным мальчиком, имеющим свою особую тайну и власть. Ещё бы, я имел то, чего они не имели! Я имел Власть, а они, мои друзья по играм, сражались между собой лишь за какое-то личное первенство во дворе или на улице. Какая мелочь! А кто я? Я – великий Вождь целого народа! И в моей воле – жить ему или не жить!

После того как маленький народ официально признал меня своим Богом, я решил взять над ним постоянное шефство. Однако быть постоянным благодетелем оказалось нелегким делом. Засуха затянулась. Кроме большого количества воды, малчелам необходимы были продукты питания. С колодезной водой у меня не было проблем, а вот с пищей – нектаром, сахаром и арбузным мёдом - дела в начале лета обстояли плохо. Поэтому продукты для малчелов мне приходилось воровать из домашнего буфета. Вскоре убыток продуктов был обнаружен моей мамой. Однажды, во время обеда, она сказала с укоризной: "Сегодня я обнаружила, что в нашем доме завелась мышь рукастая". Когда я услышал эти слова, то обильно покраснел, чем и выдал себя с головой.

После этого я твердо решил больше никогда воровать. И в самом деле, где можно увидеть бога-воришку? С этих пор я решил экономить продукты за счет своего желудка – украдкой оставлять от своего стола часть продуктов для маленького, голодного народа. Сначала мне это удавалось, но через неделю строгого воздержания от пищи я стал слабеть. Это сразу же заметила мама. Однажды она сказала: "Питаться мы стали лучше, а ты всё худеешь и худеешь, одни кости остались. Рахитик ты наш несчастный. Видно, не в коня корм!" Не мог я тогда признаться, что с некоторого времени стал Отцом-благодетелем и кормильцем целого народа!

Но зато за месяц полуголодного существования я очень много сделал для удобной жизни малчелов. Я построил им новую ступенчатую дорогу от озера до столицы. Я проложил им в Новом городе широкие улицы, осветив их керосиновыми светильниками из патронных гильз, обустроил им аэродром, из которого через день взлетали мои бумажные самолеты и доставляли избранных малчелов в отдаленные края их империи, на реку Сал, приток великой реки Маныч. Многие из них узнали, что их мир обширен и что в нем живет множество народов, ничуть не хуже малчелов. Особенно поразил Главного Ученого подводный мир, когда я его с учениками в стеклянной банке на деревянном плотике внутри погрузил в реку на глубину чуть более метра у самого берега реки, чтобы они увидели своими глазами жирных карпов, сазанов и раков. Конечно, от увиденных речных чудовищ они были в ужасе, но когда пришли в себя, стали спрашивать меня, какими средствами можно этих чудовищ убить и можно ли их мясо употреблять в пищу. Я дипломатично ушел от ответа, сказав им, что каждый народ должен питаться только тем, к чему он давно привык, что резкий переход на новые продукты испортит им желудки. Еще тогда я понял намек малчелов: продуктов, которые я приносил, им явно не хватало для нормальной, здоровой жизни. Чтобы улучшить

снабжение своего города-государства, я на его новой окраине соорудил громадный склад, на который приносил охапки полевых цветов и уже очищенные от кожуры стебли молодых и сочных лопухов. Лепестки и нежные листья растений шли на пошив одежды, а сочная и сладкая мякоть лопухов после переработки шла в пищу. Когда созревал паслен, я собирал его зеленовато-черные ягоды в кепку и вываливал их в специальные, решетчатые закрома. На приемном пункте элеватора собирал для маленького народа рассыпанные по земле зерна овса, ячменя, пшеницы. Когда вызревали яблоки, груши и сливы, а вслед за ними арбузы и дыни, склад малчелов был битком забит продуктами питания и сырьем для разных подземных мастерских. Умышленных и трудолюбивых малчелов всё шло в дело, от сырья и продуктов почти не оставалось отходов, из семечек подсолнечника, арбуза и дыни они делали домашнюю утварь и боевые щиты, из мякоти семян научились делать халву, ореховое молоко и масло. Я был рад за свой маленький народ и был твердо убежден, что сделал его жизнь беззаботной, сытой и веселой. Теперь можно было снабжать город-государство через три, а то и четыре дня, запасы малчелов были огромны. Однажды, в конце июля, с одной из машин на большой ухабине свалилось несколько арбузов и дынь. Часть из них разбилась вдребезги, но некоторые раскололись надвое. Я подобрал всё, что можно было употребить в пищу. Часть съел сам, но большую часть отнес на Главный склад маленьких человечков. Такого изобилия пищи у них никогда не было. Запасов сырья для швейных мастерских и продуктов для приготовления сиропа, по моим расчетам, должно было хватить как минимум на два месяца. А это очень много! Теперь, думал я тогда, можно и передохнуть от своих тяжких обязанностей Вождя и Бога. Притом приближалось первое сентября, родители уже стали меня готовить к школе – «первый раз в первый класс»...

Тогда мне нравилось учить маленький народ всей житейской премудрости. Тогда я не знал, что чем больше я открывал народу свои знания и мудрость, тем больше я ронял в его глазах авторитет Бога. Многие из малчелов стали считать меня чуть ли не своим другом и пособником. Некоторые из них, такие как Главный Ученый, стали считать себя даже выше Бога. Один из них обнаглел и заявил однажды: "Будем как Боги!"

Чем больше я расширял жизненное пространство их мира, чем больше они узнавали о нем, тем хуже в человеческом плане они становились. В некоторых больших начальниках стала вдруг проявляться непомерная жадность и злая зависть. Так, например, главный Военачальник, и он же – Главный Герой, уничтоживший во всей округе всех врагов-муравьев, стал просить меня, оказать ему помощь в завоевании соседнего, чужеземного подземного

города, который находился в «благодатном месте», около бахчи и водокачки, а заодно разорить и тамошний, громадный муравейник. Другой важный начальник стал просить меня перенести весь город с его населением в такой край, где нет засух, холода и ненастья, где все время цветут цветы, где много пищи и воды, где нет никак забот об одежде и хлебе, где нет изнурительного труда и тревог о завтрашнем дне. Третий вообще стал, чуть ли, не требовать от меня изменить их жизнь коренным образом, да так, чтобы малчелы стали великим народом, которому бы подчинялись все народы мира. При этом, все без исключения, спрашивали меня, почему они и их народ должны жить хуже других?

Я не сразу заметил такое ухудшение нравов своих подопечных, а если что-нибудь и замечал, то не придавал этому особого значения. Меня даже забавляли такие новые черты в характере некоторых маленьких человечков, как зазнайство, напыщенная гордость, высокомерие и чувство превосходства над другими. А жаль. Если бы я вовремя спохватился и сразу же, как Бог, решительно пресек это властительное чванство, то подземное государство существовало бы долго. Мне надо было бы таких типов всех до одного уничтожить, но...

Это сейчас я такой опытный и предусмотрительный, а тогда, в то время, я не мог быть Богом карающим и прозорливым...

Тогда я, как смог, объяснил всем членам Государственного совета, что жить за счет других людей – нехорошо, что плохо быть иждивенцами, бездельниками и паразитами, и при этом жить лучше тех, кто трудится. Поскольку высокое собрание проходило на улице при большом стечении народа, то мои доводы признали только простые граждане, рабочие малчелы.

После этого неприятного события, я не посещал жителей подземного города свыше двух недель. Нет, я не обиделся на маленьких человечков, просто я заболел какой-то болезнью, то ли корью, то ли скарлатиной, то ли желтухой – уже не помню какой, давно это было...

Помню, что во все дни моей болезни тревожное беспокойство о судьбе маленького народа не оставляло меня ни на минуту. Я даже забыл о школе, о том, что скоро стану большим, и буду учиться. Только одна мысль билась в голове: жив ли мой народ? Каково ему теперь приходится без меня? Помнит ли он меня? Продолжает ли он уважать и любить меня, или забыл, медленно и мучительно вымирая от голода, жажды и болезней? Если он жив, то как ему объяснить моё столь длительное отсутствие? Ведь я – Бог, а боги, как известно, не болеют и не умирают. Я искал сотни причин своего отсутствия, и ни одна не годилась, чтобы быть достойной Бога. Когда, на шестой день второй недели я пошел на

поправку, стал выздоравливать, прошло два сильных ливня, засуха прекратилась. Обильные дожди успокоили меня: у маленьких человечков теперь есть вода в цистернах и в озере на дне воронки! Конечно, ливень мог разрушить их город, мог нанести большой убыток всему народу, но главное не в этом, главное в жизни – это вода, она основа всему живому...

Наконец наступил день, когда я смог набраться сил для очередного полета в мир малчелов. Это был тяжелый перелет для меня, исхудавшего и ослабленного болезнью. И это было, как оказалось, моим одним из последних, воздушных путешествий в страну малчелов того времени, поры детства.

То, что я увидел, успокоило меня, но и в то же время насторожило. Всё было почти так же, как и прежде. Город не пострадал от дождей, все осталось на прежнем месте, но какое-то запустение царило вокруг.

Только центральная улица была чистой и ухоженной, да и то не вся – только у главного тоннеля, да чистой была городская площадь – место для городских гуляний. Зато около других тоннелей было грязно. На улицах Нового города, Богограда, повсюду валялся мусор, на главном складе тоже было много всякого хлама и отбросов. Было такое впечатление, что маленький народ вымер, или почти вымер, но когда я внимательней пригляделся, то увидел несколько десятков вооруженных малчелов, на вид весьма упитанных, а также несколько пузатеньких начальников.

Вооруженные охранники стояли также около главного склада, около главного тоннеля и около емкостей с питьевой, дождевой водой. Несколько десятков изнуренных рабочих малчелов таскали воду из цистерн в глубину главного тоннеля, другие рабочие заносили под землю продукты питания, пузатенькие начальники вели учет уносимого в город сырья, воды и пищи. Я заметил также, что число начальников и охранников было почти таким же, как и число рабочих. Меня это страшно удивило, раньше было не так, раньше охраны не было вообще, а начальников было мало, на сто человек один, да и тот помогал иногда какому-нибудь ослабевшему товарищу. Сейчас же город был похож на какой-то военный лагерь.

На грязных окраинах города я заметил бесцельно шатающихся, опухших от голода изможденных детей и стариков. Они чем-то напоминали мне некоторых моих знакомых в мире взрослых. Так точно выглядели несколько переселенцев из Белоруссии, которые бежали от послевоенного голода сюда, в донские, южные степи, многие из которых и здесь, в благодатном испокон веков крае, продолжали вести полуголодное существование. Такими вечно голодными были знакомые мне тетя Фрося, молодая белоруска,

мать-одиночка и её сын, мой ровесник Алесь; сторож лесозащитной станции № 3, уроженец Полесья, дедушка Красивый, так прозванный мною из-за тех чудесных сказок, которые он мне рассказывал, а также и обитатели детского дома, расположенного у самой станции Пролетарская...

Все эти изможденные печальные образы прошли перед моими глазами, когда я смотрел на тонкие, сухие фигурки облаченных в какие-то лохмотья маленьких, ставших никому не нужными маленьких человечков.

Ах, мамочка, моя родненькая, что же здесь произошло? Какая беда приключилась с моим народом? Почему в городе полного изобилия одни голодают, а другие жиреют? Притом голодают даже те, кто трудится?

Стараясь быть незаметным для охранников, я спрятался за громадным лопухом, и продолжил свои наблюдения. Я заметил, что автомобильная дорога и аэродром были разрушены, кругом валялась разбитая техника. Новый Город со всех сторон был огорожен колючей проволокой и строго охранялся вооруженными солдатами. Судя по всему, он был мертвым городом, в нем никто не жил. Потом я перевел свой взгляд еще раз на главную улицу и там тоже увидел колючую паутинку и солдат. Неужели Матушка-Госпожа, её приближенные и всякие начальники отгородились колючей изгородью от своего народа? Но зачем? Почему так много охранников у Главных ворот и Главного тоннеля, ведущего к подземному Дворцу и Главному Храму?

Я снова посмотрел на цистерны с водой. Рабочие уже успели вычерпать их почти до дна. Потом мой взгляд упал на озеро, в нем много было дождевой, свежей воды, она была отстоявшейся и чистой. Но механизм для её подъема был разрушен. Очевидно, подумал я, он стал не нужен маленьким людям, иначе бы они занялись ремонтом. Неужели за время моего отсутствия маленькие люди наполовину вымерли, а оставшимся в живых вполне достаточно той воды, которая была заготовлена мною, и той, что накопилась в емкостях после обильных ливней. Может быть, малчелы ввели жестокую экономию воды, и теперь перестали мыться и стирать одежду? А может это оккупация? Что такое «оккупация», мне тогда уже было известно: наша семья была в оккупации. Неужели мой маленький народ стал жертвой жирных и злых оккупантов?

И вдруг мои печальные размышления прервал чуть слышный знакомый писк. Я насторожился и прислушался. Писк повторился снова. Он доносился из-под лопуха, Древа Жизни. Я сразу приподнял несколько широких листьев, и обнаружил под ними группу изможденных, в обтрепанных одеждах, отчаянно пищущих малчелов. В основном это были старики, а также инвалиды,

увечные ветераны жестоких войн с муравьями. Они были крайне истощены и находились на грани голодной смерти. Среди них я с трудом узнал Непогрешимого Вероначальника и вероучителя...

Увидев меня, они стали из последних сил издавать хором восторженный писк. Это были вопли отчаяния, радости и надежды на спасение. Скоро этот, несколько разнобойный, писк плавно перешел в торжественную мелодию, малчелы-старики пели гимн в мою честь. Маленькие люди славили меня как Бога бесконечно милосердного и человеколюбивого...

Из нагрудного кармана своей сатиновой рубашонки я достал кулёк с вареной, сладкой кукурузой и высыпал почти всё содержимое на землю перед коленопреклонёнными малчелами. Пение гимна сразу же прекратилось, и голодные человечки молча набросились на пищу. Только один старый малчел не притронулся к сладкой кукурузе и продолжал стоять на коленях. Это был Вероучитель.

Я молча опустил левую руку на землю ладонью кверху прямо у колен Вероучителя. Старик на удивление быстро взобрался на мою узкую ладошку. Правой рукой я насыпал перед Вероучителем остатки вареной кукурузы, поднес левую ладонь к уху и тихо, печально произнес:

-Ешь, мой верный Пастух, и рассказывай, что случилось, какая беда приключилась с нашим народом? Почему так мало у тебя соратников, почему не уберег ты своё стадо и растерял своих овец?

Сначала его речь была невнятна и сбивчива, как какое-то бормотание и урчание, и это понятно – трудно быть красноречивым с туго набитым ртом. Но скоро старик насытился, несколько успокоился и вошел в разум. Только тогда я стал кое-что улавливать в его бурном словесном потоке. Старик тараторил, как мамина швейная машинка «Зингер». Многих слов я тогда не понимал, многие понятия мне были тогда неизвестны, но я старался не прерывать старого Вероучителя, не переспрашивал его, пытаюсь самостоятельно схватить главную суть. И это понятно. Ведь сейчас я слушал не белорусского беженца дедушку Красивого, а своего ставленника, посредника между Мной и маленьким народом, своего подчиненного, перед которым я ни в коей мере не должен был обнаружить своё невежество. Это было бы для меня, как Бога, величайшим позором.

Нет, старый Вероучитель не оправдывался, не взвалил свои ошибки и промахи на других, не винил во всём свой народ, не печалился и не сетовал на то, почему я так долго не посещал мир малчелов, нет, он рассказывал обо всём, что произошло подробно, честно, без всякой утайки.

Но даже то, что я смог понять из рассказа велеречивого старика, повергло меня тогда в глубокую печаль и задумчивость, оставило глубокий след в моей душе на всю жизнь.

Так я узнал, что где-то в один из дней второй половины первой недели моей болезни умерла от старости Матушка-Госпожа. Сразу же после её пышных похорон члены Государственного совета во главе с Главным Военачальником объявили всему народу о том, что самому Богу угодно, чтобы теперь и навечно малчелы жили по Новому Основному Правилу.

Новое Правило делало всех жителей Великого Города равными и освобождало взрослых и детей от всякой работы и учебы. Хочешь работать и учиться - пожалуйста! А не хочешь работать и учиться – тоже, пожалуйста, гуляй себе на здоровье целыми днями с друзьями! Новое Правило освобождало от службы в армии. А зачем нужна армия, когда все враги-муравьи уничтожены? А если кому-то хочется носить оружие – пусть идет служить в милицию или в охрану.

Новое Правило объявило подземный город Великой Народной Республикой, в которой всё, что раньше принадлежало Матушке-Госпоже и её Правительству, стало принадлежать всему народу и каждому малчелу в отдельности. Таким образом, каждый малчел по новому закону имел право на бесплатные продукты, воду и одежду.

Такое Новое Правило жизни очень понравилось почти всем гражданам народной республики, за исключением родственников и близкого окружения покойной Матушки-Госпожи, Главного Вероучителя и служителей Большого Храма...

По желанию большинства малчелов было образовано Новое Правительство, а при нем Комитет Счастливой Жизни во главе с Главным Военачальником, которого стали называть Главным Отцом.

Принцесса Альма, дочь Матушки-Госпожи, была арестована и опущена вместе с родственниками в тюрьму-колодец.

Большой Храм превратился в Дом Совещаний с Богом, где стали проходить заседания Комитета Счастливой Жизни.

Непогрешимый Вероучитель и его служители были объявлены злостными обманщиками, мошенниками, бездельниками, паразитами, «лишними ртами» и изгнаны за пределы города-государства. Отныне общаться с Богом мог только один Главный Отец и Великий Герой.

Вскоре наступили Времена Великих Перемен (времена реформ). Они начались с того, что Новый Город был превращен по решению нового правительства в Главный Склад Неприкосновенных Запасов. Народ поддержал это решение с большой радостью и нашел его мудрым – действительно, с

удобным жильем можно было подождать до лучших времен, главное, чтобы всегда была в изобилии пища и вода, чтобы больше не думать о завтрашнем дне. Притом надо было куда-то девать излишки продуктов и сырья для пошива одежды. Все подземные хранилища старого Великого Города были забиты битком...

Когда же и хранилища Нового Города, Богограда, также были загружены готовой продукцией, то был учрежден Комитет Жизненных Благ во главе которого стал Главный Распределитель жизненных благ, сын Главного Отца и Великого Героя, которого стали называть Великий Благодетель.

Комитет Жизненных Благ оказался самым мощным министерством нового государства – в самое короткое время численность его служащих, охранников и разных начальников превысила численность прежней армии. Попасть на службу в этот Комитет стало желанной мечтой каждого малчела и малчелки. Юноши стремились стать охранниками (сторожами), а девушки раздатчицами на пунктах распределения благ.

Вслед за этим Комитетом появилось еще одно министерство – Главный Учет и Контроль. Это ведомство разбило всё население нового государства на три основных группы: высшее начальство (руководители-кормильцы), среднее начальство (уважаемые граждане), простые люди (граждане-иждивенцы).

Гражданами-иждивенцами считались те малчелы, которые не состояли на государственной службе, не работали по найму у среднего начальства и не были прислугой руководителей-кормильцев, а также ветераны всех войн, инвалиды, старики и дети.

Тех же, кто продолжал придерживаться порядков прежней жизни стали презрительно называть «старорежимными», «матушкиными выродками», трутнями, «лишними ртами». Таких малчелов Главный Учет и Контроль отслеживал с помощью ябед и доносчиков, а потом изгонял из города на вечные времена.

В целях «улучшения санитарии и чистого образа жизни» гражданам-иждивенцам было запрещено хранить большие запасы воды и продуктов в своих жилищах. Все излишки продовольствия было велено хранить в многочисленных, вновь построенных ларьках при пунктах распределения жизненных благ или же в частных хранилищах среднего начальства и брать там продукты по мере надобности.

Когда послушные иждивенцы снесли свои излишки в частные ларьки и склады, прошел первый сильный ливень. Этим сразу же воспользовались хитрые хозяева-граждане и руководители-кормильцы. Они тайком присвоили себе продукты доверчивых иждивенцев, а потом объявили всему народу, что наводнение причинило большой урон, что все ларьки и мелкие склады были залиты водой и все продукты иждивенцев испортились. Великое

отчаяние охватило несчастных, многие стали сходить с ума. Видя такое, Комитет Жизненных Благ и Комитет Счастливой Жизни объявили вскоре, что Главный Отец и его Сын, по имени Главный Благодетель, решили «из-за своей безграничной любви к людям» кормить иждивенцев из своих центральных распределителей. Ограбленные иждивенцы воспрянули духом и всерьез поверили в то, что не народ кормит правительство, а, наоборот, Комитет Счастливой Жизни вместе с Комитетом Жизненных Благ являются истинными кормильцами и благодетелями народа.

Но пайки иждивенцев были маленькими, иногда продукты питания им заменяли дешевым арбузным вином. Большая часть населения стала спиваться. На улицах появилось много пьяных и нищих иждивенцев, которые грязно ругались, и устраивали драки. Поэтому было решено центр Великого Города оградить от окраин колючей проволокой и поставить охрану. Центральная площадь скоро превратилась в место постоянного веселья, праздности и чревоугодия. Жить беззаботно, сытно и весело стало нормой существования всех преуспевающих граждан, численность которых к началу второго ливня составила почти треть всего оставшегося населения Великого города-государства. Счастливая жизнь была только у граждан-начальников, руководителей-кормильцев, у генералов и охранников. Ещё бы! Рядовой охранник частного склада лично получал десять пайков иждивенца! Кладовщик – двадцать пайков, а хозяин склада и бесплатного магазина-распределителя имел по закону – все сто, а на самом деле даже больше! Из граждан-иждивенцев получали по два пайка только «трудовые армейцы», которые работали на Главном складе по переработке сырья.

Тяжелый физический труд стал презираться и считался уделом неудачников. При таком отношении к труду работать не имело никакого смысла, многие рабочие трудились больше по привычке, чем по необходимости. А между тем в Новом Правительстве и в Комитете Счастливой Жизни уже стали поговаривать о приручении рабочих муравьев к добыче и переработке сырья, чтобы заменить ими, этими «трудолюбивыми и неприхотливыми тварями», рабочих малчелов. Недавно прошли слухи, что Главный Отец и его Сын – Главный Благодетель решили сократить численность своего народа еще наполовину, чтобы избавиться таким путем от «лишних ртов»...

В последнее время Главный Отец все чаще якобы беседует с Богом, перестал показываться народу, объявил свое государство «закрытой зоной», ведет себя как настоящий узурпатор, тиран и диктатор. Он спрятался в своем дворце, и главным его любимым делом стало уничтожение своего народа...

Конечно, я тогда не знал, что означают такие слова как «узурпатор», «диктатор» и «тиран». Я слышал их от своего старшего брата, который вслух заучивал какие-то стихотворения из школьного учебника, и считал эти слова ругательными. Но когда Вероучитель в последней фразе раскрыл их истинный смысл, то я очень опечалился. Мне было непонятно, как вождь народа, тем более, его Главный Отец может уничтожать свой народ? Это же безумие!

А между тем старый вероучитель продолжал пискляво тараторить, но я уже не слышал его, я целиком погрузился в свои печальные мысли.

"Хорошим был когда-то маленький народец, а выходит так, что я его сам испортил! – с горечью размышлял я. – И какой же я после всего этого Бог, если ничтожный маленький человечек в течение двух недель убедил весь народ в том, что он не только его Вождь, но еще и его Главный Отец, то есть Бог".

Чувство незнакомой прежде зависти как-то неожиданно охватило меня к этому жалкому ничтожеству, но вскоре погасло, ибо я вдруг увидел себя со стороны. В самом деле, кто я такой? Да просто жалкий, тщедушный, белобрысый заморыш, ребенок-рахитик. И, конечно же, малчелы давным-давно поняли, кто я есть на самом деле – ну, конечно же, не Бог, а просто обыкновенный ребенок из семьи великанов, случайно забредший в их пределы! Многие это поняли, только делают вид, что не поняли...

От этого мне стало еще горше на душе. Что делать? Как быть дальше? Признать себя самозванцем, бросить всё и не мучиться больше? Жить как все? Но как это скучно и неинтересно! Но в то же время мне понравилось быть вождем и Богом! Мне захотелось ещё немного ну, хоть чуть-чуть побыть Всемогушим. Я уже знал, это трудно, но в то же время так чертовски интересно!

В состоянии таких противоречивых чувств и желаний, склоняясь, к ставшей уже приятной и сладостной гордыне, я тихо произнес:

-Прошло всего то две недели, а вы все забыли меня как вчерашний дождь.

Вероучитель замолчал, уставился на меня, удивленно спросил:

-Что такое «две недели»?

-Это половина месяца, а четыре недели –это месяц, - ответил я, вспоминая недавние пояснения отца к отрывному календарю.

-Один месяц – это долго? – спросил вероучитель.

-Долго. Но ещё дольше шесть месяцев, а еще дольше двенадцать. Они составляют год. Это очень долго, а десять лет – очень, очень долго. Но дольше всего –это сто лет или век, это почти как вечность. Это страшно долго!

-Вечность. Вечность. Не так всё просто. Легко сказать, - пробормотал старик и продолжил печально, - я всю жизнь пытался понять, что это такое, да так и не понял.

Я испугался, что вероучитель станет меня подробно расспрашивать о счете времени, о вечности и многих других вещах, о которых я не знаю. Притом я сам не любил время. Оно представлялось мне тогда нудным, скучным и текло страшно медленно. Иногда мне казалось, что никогда не вырасту, всегда буду маленьким ребенком-рахитом, никогда не избавлюсь от клички «Рахит». Надо было уйти от этой темы, и я, скрывая усталость затекшей руки и дрожь ладони, спокойно и важно, как это и подобает большому начальнику, сказал:

-Хочешь, я их всех убью?

-Кого?

-Всех плохих людей, а тебя сделаю Вождем и Главным Вероучителем всех хороших граждан.

-Ты не можешь такое сделать, о, великий наш Бог, ибо Ты милосерден и человеколюбив. Если Ты это сделаешь, Ты перестанешь быть истинным Богом, - укоризненно пропищал вероучитель, но я, словно чуткий, умный кот, уловил в его словах иронию и плохо скрываемую насмешку. "Вероучитель не верит в Меня как во всемогущего Бога", - мелькнула мысль, я опустил голову и глубоко задумался, точнее, сделал вид, что думаю о чем-то другом, более важном для меня. Уже тогда я стал понимать, что иногда молчание красноречивее многих слов, что молчание может в трудную минуту стать надежной маскировкой невежества.

Но как назло старик завелся, его стала раздражать неуёмная любознательность:

-О, великий Бог, поведай мне, жалкому рабу Твоему, о своём Божественном Мире. Как он выглядит, из чего и кого состоит? Как я понял, там другое время, другие просторы, иные сферы...

Я понял, что на этот раз мне уже не отделаться глубокомысленным молчанием. Я понял, что этим вопросом я загнан в угол. Если я снова промолчу, то тем самым разоблачу себя как самозванца, но и если всё честно расскажу старику, то также перестану в его глазах быть Богом. А мне так не хотелось признаваться во лжи, мне так не хотелось расставаться с «должностью бога», мне не хотелось быть разоблаченным и с позором уйти из этого мира! Что я мог сказать старику о своем мире? Очень даже немногое.

В сущности, думал я, мой мир почти ничем не отличается от мира малчелов. Пожалуй, одним – величиной, масштабом. А в остальном, – то же самое: начальники, служащие, рабочие, военные, сытые и голодные, инвалиды войны, играющие на

гармошках и собирающие милостыню на привокзальной площади у пивнушек.

Всё так, как у малчелов, только техники у нас много и оружие другое. Тут мне, почему-то вспомнился сошедший с ума от голода белорусский мальчик Алесь, который часто взбирался на крышу старого барака, вздымал к небу тонкие ручонки и пронзительно кричал: "Милай Бозе, спамогни мне, дай краецек хлебца, дай варёной бульбы! Милай Бозе, дай мне зьести махонько хлебца!"

И как только вспомнился мне этот сумасшедший Алесь, так сразу же и пришел на ум нужный ответ:

-Тебе не нужно ничего знать о моём мире, мой добрый, славный Вероучитель.

-Почему?

-Ты можешь сойти с ума, - тихо ответил я.

Эти слова опечалили Вероучителя, он долго молчал и вздыхал, а потом, после долгих раздумий, чуть слышно, робко пропищал:

-Как давно Ты нас создал, о, великий Бог?

-Шесть месяцев назад, когда начиналась весна, и распустились первые одуванчики.

-Полгода назад! Это почти вся моя жизнь! – воскликнул старик.

-Не совсем так, - медленно произнес я, и тут меня неожиданно озарила великолепная мысль, точнее, догадка, её подсказал мне сам вопрос Вероучителя. Да! Да! Какой я глупый, как я до этого сам не догадался?! Мир малчелов – другой мир, в нем другое время и, как это сказать, странно обособленный, загадочно изолированный кем-то. Как это, кем? Ну, конечно же, мной! А раз так, то я – Бог! Я, и никто иной, являюсь создателем мира маленьких людей. А ещё я летаю, а это не каждому дано. Значит я – настоящий Бог, не чета каким-то там главным вождям и главным отцам. А раз так, то именно сейчас я должен проявить все качества настоящего Бога – всемогущество, справедливость, милосердие.

Видимо, мудрый старик заметил, как резко изменилось выражение моего лица.

-О, великий Бог, Ты уже принял свое решение?

-Да! – ответил я, - нужно спешить, здесь время летит быстро, вот уже солнце село за горизонт, а у меня так много дел.

Я опустил доброго старика на землю и принялся осуществлять задуманное.

Сначала я уничтожил Новый Город, то есть Главный склад неприкосновенных запасов и цех по переработке сырья, а потом разрушил главную улицу и площадь, огражденную колючей паутиной, зарывая живьем в землю разных начальников, солдат и их командиров. После этого я заткнул влажной землей вход в

Главный тоннель, ведущий во дворцы и в Большой Храм, плотно утрамбовал завал, оставив, правда, узкую щель для прохода воздуха, чтобы высшие правители не задохнулись и имели возможность собственными усилиями раскопать завал и выбраться на свободу. Я надеялся, что кто-нибудь из них обязательно останется в живых, найдет своих собратьев и расскажет им о том, как страшен Бог карающий.

Напоследок я до конца разрушил всё то, что частично разрушили своим попустительством и нерадением сами малчелы. Я оставил после себя пустыню, чтобы те, кто выйдет на свободу, всё начинали с начала.

Уже был поздний вечер, когда я переселил группу малчелов во главе с Вероучителем в другое, самое «благодатное место» близ водокачки и огорода-бахчи, около разбитого немецкого танка, на край другой глубокой воронки, под большим лопухом, новым Древом Жизни. Я снабдил их всем, что имел и смог найти – пищей и водой, сырьем для одежды, инструментом и емкостями для воды, я сделал им новые жилища-тоннели. Я спешил, мне надо было срочно уходить домой готовиться к школе. До начала учебного оставалось два дня...

Умные малчелы и их предводитель, старый вероучитель каким-то неизвестным мне образом почувствовали, что я ухожу от них надолго, а может быть, и навсегда.

-О, великий Бог, всемогущий и милосердный, не покидай надолго нас! - жалобно запищали, - мы умрем без Тебя!

-Нет, вы не умрете, вы будете жить всегда! – бодро и весело ответил я им, и чтобы успокоить их, в утешение добавил: - Я буду всегда помнить вас и никогда вас не забуду...

Я стал медленно пятиться, отступил на полметра, а может больше, и маленькие человечки бросились мне вслед, стали кричать отчаянно, жалобно, безнадежно:

-Не покидай нас, Боже! Не покидай нас! Оставайся с нами! Без Тебя наша жизнь будет скучной и напрасной!

Я сделал еще два шага, но они продолжали бежать за мной, падали, вставали и снова бежали, жалобно пищали, плакали. А вслед за здоровыми человечками ковыляли калеки, увечные, инвалиды, больные...

Чтобы не видеть всего этого и чтобы маленькие человечки не узнали, через какую дверь я ухожу из их мира, я зажмурился, сжался в маленький комочек, оттолкнулся легко от земли и взлетел...

В стране физических лиц.

С тех пор прошел год. За это время я многое узнал о том суровом мире, в котором мне предстояло жить.

Уже в первом классе я узнал, как огромен наш мир, как много в нем разных стран и народов. Но самой великой среди множества стран является СССР! Здесь, в школе, я впервые узнал, что в нашей огромной стране живет самый великий, самый могучий и самый счастливый народ на Земле. Здесь мне впервые рассказали подробную биографию нашего Вождя и Учителя Иосифа Виссарионовича Сталина, дедушки Сталина.

Еще не были твердо закреплены в моей памяти азбука, таблица умножения и азы простых арифметических действий, но уже были наизусть заучены и неоднократно исполнены хором на уроках пения несколько главных песен Великой Страны.

«Сидели на дереве два сокола ясных:

Один сокол – Ленин, другой сокол – Сталин»...

Протяжно, с «чувством и выражением» поочередно и все вместе читали мы эту «народную» былинку, не зная еще и не догадываясь, что её героями по своей сути являются далеко не гордые птицы светлого дня...

Чем больше я узнавал о делах и подвигах Великих Вождей, тем чаще и чаще вспоминал Матушку-Госпожу, Непогрешимого Вероучителя, Главного Отца и его сына – Великого благодетеля, а также многих великих и мелких начальников Великого Города малчелов. На фоне величественного образа товарища Сталина все вожди малчелов выглядели жалкими ничтожествами, и вовсе не из-за их маленького роста, а потому, что уж слишком ничтожны были их дела и цели. А самое главное, маленькие человечки жили одним днем, узкими интересами и не обладали тем даром предвидения, которым обладает гениальный дедушка Сталин. Каждый раз, вспоминая страну малчелов, своё шефство над её народцем, мне становилось не по себе, мне было мучительно стыдно за себя как вождя и Бога. В такие минуты я говорил себе: "Ты просто дурачок и больше никто! Рахитик несчастный, возомнил из себя, черт знает что! Да если честно признаться, то ты не стоишь и мизинца самого маленького начальника подземного города! Кто тебе сказал, что ты лучше других? Подумаешь, он умеет летать! А кто сказал, что другие не умеют? Может, другие люди не только могут летать, но многое другое умеют, такое, что тебе вовек не суметь. Умеешь летать? Так возьми и прыгни с крыши водонапорной башни, а лучше всего с самолета без парашюта. Что, слабо? Да и какой из тебя Вождь и Бог? Ты это высокое звание за жратву купил, воспользовался засухой и голодом. Да за кусок хлеба голодный человек тебя кем угодно признает – богом и чертом, Солнцем и Луной и золотой кочергой! Согласись, тебя же малчелы ни о чем не просили, ты сам им

навязался со своей жалостью. Ты был тогда лживым вождем, самозванцем. Вместо того, чтобы рассказать маленькому народцу всю правду о себе и о боге, о том, что ты обычный мальчик и что никакого бога нет, что бога выдумали сами люди, что всё это – сказки хитрых попов и темных старух, ты стал темнить, хитрить и врать. Какой стыд! Какой позор!"

Вопреки радужным ожиданиям родителей учеба в школе мне с первых дней не задалась. Нет, я не был умственно отсталым дошкольником, кое-что я уже знал и умел, неплохо рисовал, мог считать до ста, знал алфавит и мог прочесть любую вывеску. Но, как выяснилось позже, общая дошкольная подготовка (чтение и счет) еще ничего не значит, большое значение имеют навыки. Это вскоре проявилось на уроках чистописания, где обнаружилась отравившая всю мою дальнейшую жизнь моя леворукость, на которую я сам и мои родители не обращали раньше никакого внимания и не придавали ей никакого значения. Именно на уроках чистописания я впервые узнал, что этот мир создан для праворуких людей.

Помню, моя первая учительница Прасковья Ивановна, окончательно выяснив, что я «полный левша», строго сказала мне:

-Тебе нужно, во что бы то ни стало, перестать быть левшой. Тебе нужно срочно научиться писать правой рукой. Если останешься левшой, у тебя никогда не будет красивого, разборчивого почерка, ты будешь всегда писать медленно и неряшливо. И вообще, человек, пишущий левой рукой, выглядит со стороны нелепым, нескладным, неуклюжим, несуразным, а иногда даже отталкивающим. Такому человеку всегда будет трудно в жизни.

И я стал переучиваться, точнее меня стали переучивать в школе и дома. В школе на уроках чистописания учительница надевала на мою левую руку варежку, дома же, на время занятий, левую руку мне привязывали к туловищу бельевой веревкой. Глотая слезы, я старательно выводил вместо прописных букв какие-то страшные, уродливые каракули, а старший брат Сашка сидел рядом в роли надзирателя и напевал уличную песенку: "Матрос молодой в руку раненый, а на рынке торгует рыбой жареной!"

Скоро уроки чистописания стали вызывать во мне отвращение и страх. И в школе и дома мне приходилось переписывать одно и то же десятки раз, и чем больше я переписывал, тем хуже у меня получалось – правая рука не хотела слушаться меня, быстро уставала, немели пальцы, стальное перо цеплялось за бумагу, разбрызгивая чернила.

Прошло уже много времени с начала моих школьных мучений, а почерк не улучшался, а становился ещё хуже, чем был в начале переучивания. Кроме того, у меня стали дрожать мелкой дрожью руки, и правая и левая. Я стал раздражительным и плаксивым. Все думали, что я капризничаю и «вредничаю». У меня ухудшился сон, появились ночные страхи, потом страх одиночества и даже страх смерти. Ничего меня уже не интересовало и не увлекало. Даже рисование, которым я так страстно увлекался прежде, до школы.

К ночным страхам добавилось тревожное ожидание неудачи. Мне стало казаться, что любое дело, за которое я берусь, будет сделано мною не так как нужно, то есть плохо.

Вслед за страхами наступило заикание, сначала легкое, а потом сильное. Иногда напряженные упражнения по правописанию приводили к полной немоте на два-три дня. Некоторые взрослые считали, что я притворяюсь немым. Мне было обидно и горько это слышать. Я стал замкнутым, общение с взрослыми и сверстниками стало меня тяготить, я страшно уставал от него. Я стал не только панически бояться школы, но и люто возненавидел всё, что с ней было связано. Я окончательно почувствовал себя изгоем и полностью ушел в себя.

Окружающий меня мир стал чужим и жестоким, я потерял к нему всякий интерес, утратил свою прежнюю, пытливую любознательность. Мне стало казаться, что наступили вечные сумерки – хмарь и непогода. Будни стали бесконечно длинными, превратились в бесконечную череду черных дней, лишенных всякой надежды на просветление.

В один из таких черных дней я впервые решил пропустить занятия, вышел как обычно из дому, но на середине пути к школе свернул направо, к железнодорожным тупикам, где еще со времен войны стояли двухосные, крытые вагоны, истерзанные и продырявленные осколками бомб и снарядов. В один из них, относительно целый, я вскарабкался, забился, как загнанный псами в темный угол котёнок, и стал, чуть слышно поскуливая, плакать.

Я плакал не только от обиды на мир взрослых, но ещё и от неведомой, тоскливой жалости к себе. Холодный ветер жалобно подвывал мне в смятых, ржавых листах кровельного железа. Мое горе казалось мне огромным, беспредельным, безысходным. Не помню, как долго я оплакивал своё прощание с беззаботным детством, помню только тупую боль в солнечном сплетении, «под ложечкой», и удушающие спазмы в горле и то тревожное ожидание беды, тоскливое жжение в левом стороне груди, то, что называется в народе «подсердечной тоской».

Обрывки бессвязных мыслей роились в моей голове, постепенно выстраиваясь в нечто похожее на логическую цепочку

рассуждений, которые перемежались цветными и черно-белыми картинками, причем прошлое проходило перед глазами в радужном цвете, а настоящее только в серых, мрачных тонах. В прошлом я находил только одно хорошее, в настоящем нагло лезло в глаза только плохое.

"Как хорошо мне было раньше, - тоскливо неслись мои мысли, - раньше всё было лучше! Раньше всё было по-другому, раньше все были другими, другими были друзья, иными были взрослые, они были добрее, нежнее, ближе. Раньше даже осень и зима были другими, не такими... не такими хмурыми и тоскливыми... И праздник Седьмого ноября тоже был другим! Раньше на этот праздник папе выдавались в пайке для иждивенцев, для меня и брата, конфеты-подушечки. А сейчас? Держи карман шире! А сейчас перед праздником – торжественная линейка в школе, выступление перед учениками школьного бога – директора школы, неестественно громкие и проникновенные речи учителей, старшей пионервожатой, шумные поздравления с днем Великой революции. И никаких тебе конфет. И кто придумал устраивать в такое ненастное время года великий праздник? Другое дело Первомай – тепло, солнечно, синее небо и зеленая земля, в степи буйно цветут красные и желтые тюльпаны...

Раньше было интересней жить, раньше была свобода – делай, что хочешь, только не хулигань и не лазай по чужим огородам и садам...

Раньше я мог летать, куда захочу, а сегодня мне даже лететь некуда. А как хорошо раньше я рисовал левой рукой! Даже такой требовательный и взыскательный ценитель искусства, дотошный и въедливый, как линейный связист дядя Чернухин, и тот однажды похвалил один мой рисунок! Чернухин был первым, кто доступно и ясно объяснил мне, что такое «перспектива» и «глубина пространства», почему поезд на горизонте не сходит с рельсов и не падает под откос...

Раньше... Раньше было то, чего нет и никогда не будет сегодня... Раньше я был хоть и не великим, но всё-таки вождем и богом целого народа... Он, этот народец, хоть и по-своему, но любил и уважал меня... А сегодня? Кто я есть сегодня? Сегодня я – белобрысый рахит, неуклюжий левша, неумеха, тупой двоечник и заика. Сегодня я такой же убогий и никчемный мальчик, как безумный Алесь, а может даже и хуже! И что из того, что сегодня я – правша, то есть праворукий? Что мне с этого? Одни муки и страдания! Лучше бы я был левшой...

Вот возьму и умру всем назло! Пусть все поплачут, пусть пожалеют, как они невинного пацана сгубили...

Вы хотели, чтобы я стал таким как все? Получите! Вот вам! Выкусите! Возьму и умру...

Прыгну вниз головой с водонапорной башни, и каюк мне! Или... или... возьму и убегу от всех! Уйду в степь к калмыкам пасти овец, или уеду на крыше вагона... Куда? Да хоть в Сальск к дедушке Алексею Анисимовичу, или в Кугоейку к дедушке Ивану, а можно и к дяде Грише в Ростов..."

Мысль убежать отсюда далеко-далеко мне понравилась больше, чем смертельный прыжок с водонапорной башни, но, хорошо подумав, я решил, что побег – это малодушие слабаков, а добровольная смерть – это удел сильных и смелых, притом смерть – это самый быстрый способ решения неразрешимых проблем, а главное, не нужно будет учиться, переучиваться, соревноваться...

Я вытер рукавом слезы и посмотрел в щелку вагонной стены на водонапорную башню. Она показалась мне еще выше, чем была раньше: если с её крыши броситься вниз головой, то смерть неминуема. Но как забраться на крышу? Башня не имела наружной пожарной лестницы, а входная дверь была заперта на громадный висячий замок. Что делать? Как быть?

На минуту я задумался, а потом с досадой хлопнул себя ладонью по лбу: какой же я все-таки болван – я же умею летать! Зачем мне какие-то лестницы? Зачем мне они, когда раньше я летал над крышами домов, над самыми высокими тополями в округе? Вот сейчас возьму и взлечу на крышу водонапорной башни, а оттуда...

Оттуда соскользну вниз головой, оттолкнусь от водостока ногами и скажу сам себе: "Падай и разбейся!" Вот как всё просто!

А если не разобьюсь? Если земля меня от себя оттолкнет? Что тогда? А тогда...

Тогда убегу, как убегает часто из детского дома мой друг Димка Хлыст, убегу из дома на крыше вагона пассажирского состава!

Ах, была, не была! Я решительно вышел из разбитого вагона, присел на корточки близ ушедшей в землю по самую ось колесной пары, зажмурился, сжался, как бывало, в маленький комочек, в незримую точку, и насколько хватало сил, оттолкнулся от земли. Но земля на этот раз не отпустила от себя моё хиленькое тело, наоборот, она, как магнит, притянула меня. Я не взлетел, а просто взбрыкнул, подпрыгнул и плюхнулся на землю, как сонный лягушонок. Земля не хотела отдавать меня небу, она как бы вытягивала мое тельце в себя. Она не позволяла мне больше летать! Но, как это ни странно, я не очень огорчился этим, как будто заранее знал, что чудесный дар парить в небе обязательно будет когда-то у меня отнят. Кем же? Да что гадать, ну, конечно же, праворукими людьми! За что? Почему? Почему они все, желая мне добра, причиняют мне только боль? Кто может мне ответить на эти вопросы? И тут я вспомнил дедушку Красивого из Белоруссии...

Я вспомнил дедушку Красивого, и мне стало стыдно за себя, за то, что забыл его – я так давно у него не был! С того дня, как пошел первый раз в школу. Проклятая школа, это из-за неё я забыл о маленьких человечках и о добром дедушке Красивом! Пойду сейчас к нему, и, кто его знает, может он и пустит меня жить с ним в его уютной, теплой сторожке...

Я осторожно открыл дверь и робко вошел. Как и прежде, здесь пахло сосновой смолой, масляными красками и натуральной олифой. Под маленьким верстаком белела грудка свежей стружки. Дедушка Красивый как всегда что-то мастерил. Увидев меня, он приветливо улыбнулся, отложил в сторону рубанок и произнес ласково и певуче:

-Заходи, свет мой ясный, заходи, голубок мой беленький! Ой, как давно я тебя, дружок мой не видел, ой как давненько! Ой, как я соскучился по тебе, дружба моя вечная! Без тебя мне так скучно, не с кем даже добрым словечком обмолвиться, некому умную сказку рассказать...

Ни слова не говоря, я подошел к дедушке, уткнулся ему в живот, спрятал голову в левую полу ватной телогрейки и заплакал.

-Ты что так горько плачешь? – склонился надо мной дедушка и стал гладить шершавой рукой мой затылок. – Не плачь, дружба вечная! Ты, как помню, никогда раньше не плакал, а сегодня из тебя слезы ручьями текут. Кто тебя, ангел мой, обидел?

-Л-л-люди, - сквозь слезы простонал я.

-Это понятное дело. Только люди и могут обидеть, но не все же люди плохие...

-В-в-все! В-в-все п-п-плохие!

-Да ты, я вижу, стал заикаться. Ты, почему заикаешься?

-П-п-потому...

-Эх, брат, голубь ты мой ясный, садись вот сюда, к печке, рядом со мной, и расскажи всё-всё дедушке без утайки.

И я, как мог, запинаясь и заикаясь, рассказал дедушке Красивому о своих школьных злоключениях, о плохом самочувствии, о тоске и одиночестве, о желании умереть или убежать из дому. Я рассказал ему о своих утратах и потерях, и только об утраченной способности парить над землей почему-то стыдливо умолчал. Может, мне не хотелось выдавать тайну маленьких человечков? А может, я побоялся стать в глазах дедушки ненормальным мальчиком, чем-то похожим на безумного Алеся. Не знаю, да это не столь уж и важно. Главное в том, что тогда только один дедушка Красивый оказался единственным человеком, который глубоко понял моё горе и всем сердцем разделил его. Помню, как дрожащими от волнения руками он ловко

свернул сигарку, глубоко затянулся, громко выдохнул сизую струю дыма, а потом тихо и зло произнес:

-Левый наклон, правый уклон. Левши, правши. Левые, правые, центристы, уклонисты, оппортунисты, махисты, троцкисты... Черт бы их, всех побрал! Голова идет кругом...

-Т-т-ты к-к-кого ругаешь? – удивленно спросил я, утирая слезы.

-Кого ругаю? – рассеяно спросил дедушка, выходя из глубокой задумчивости. Потом, как бы, очнулся, взглянул на меня лукаво и прошептал, - Как кого? Известное дело, тараканов! Развелись тут, в тепле, усатые разбойники, спасу от них нет...

Помню, как бурно возмущался дедушка Красивый суждениями о леворуких людях парторга лесозащитного участка Язынина, особенно о детях-левшах, из которых якобы никогда не могут вырасти нормальные граждане. Это он, Язынин, сказал моему отцу, что левша негоден к строевой службе в армии, что мне никогда не стать летчиком и даже танкистом и что левши вообще-то люди ненормальные, строптивные и вздорные, среди них много сумасшедших...

-Кто такой Язынин? Он, что врач? Нет! Он – парторг, он кроме газет и партийных журналов ничего не читает! Он, что лётчик? Нет! Он – бывший армейский политрук, где-то при штабе служил! – негодовал дедушка Красивый и пыхтел сигаркой как паровоз. - Да где же это написано, что левшу в армию не возьмут? В армии, скажу я тебе, любому солдату всегда дело найдется! У нас, помню, в партизанском отряде всякие были: и левши, и косые, и хромые, и одноглазые. А воевали, скажу я тебе, они не хуже нормальных людей, некоторые даже к наградам были представлены. Дело тут не в физических недостатках, а в уме. Всюду, брат мой, нужна, прежде всего, умная, светлая голова, в армии тоже. Взять хотя бы инженерные войска, или саперные, или железнодорожные. Там без умных голов не обойтись. Так же и в авиации, там без толкового механика ни один самолет не взлетит! Героем на войне может стать любой, даже инвалид! Вон, летчик Маресьев, остался без обеих ног, встал на протезы и продолжал воевать с фрицами в небе! А возьми нашего героя Александра Матросова.

Небось, слышал о таком? Он грудью лег на амбразуру. Но кому теперь интересно знать, кем он был – левшой или правшой. Подумаешь, какой изъян в ребенке – он рисует и пишет левой рукой! Ну и что из этого?! Ах ты, Господи, прости меня и помилуй, как же у нас еще много глупых людей! «Будь как все! Будь как все!»! Даже животное, скотина, и та разная, все птицы и рыбы разные, и характер у любой живой твари тоже разный! Ах ты, господи...

Посетовав несколько минут на человеческую глупость и невежество людей, которые, к сожалению, правят миром, дедушка Красивый немного успокоился и велел мне показать ему тетрадки по чистописанию. Просмотрев бегло несколько моих письменных упражнений, он печально вздохнул:

-Эх, ангел мой, видать, тебя не переучивают, а заучивают. искорёжили тебя, брат мой, вконец испортили, погубили. Здесь и дураку видно, что раньше ты левой рукой писал лучше, чем сейчас правой. Посмотри, сколько ты стал пропускать букв, а тут посмотри: одна буква выше другой, одна написана влево, другая падает вправо, да они, как пьяные, у тебя из стороны в сторону шатаются и друг на дружку наезжают. А тут, вообще непонятно что написано, какой-то китайский иероглиф у тебя, брат, получился. Ай, ай! Тут буквы у тебя в кучу сбились, как стриженные овцы от холода дрожат, и друг к дружке льнут, чтобы согреться! Такие письма, голубь мой ясный, сам аллах не разберет! Ну да ладно, не падай духом, постараемся, брат мой, вместе исправить такое, я скажу, прямо аховое положение. Будем трудиться, бороться и побеждать. Как говорит товарищ Сталин, в мире нет таких крепостей, которых бы не взяли большевики. Гм! А здесь разве крепость, здесь так себе, какой-то маленький острог. Какое-то там чистописание. Одолеем, не бойся!

Дедушка Красивый отложил в сторону мои тетрадки, не вставая, развернулся на табуретке по кругу и стал рыться в углу, где стояли фанерные листы из-под разобранных магазинных ящичков. Он долго и придирчиво искал нужный лист и не находил – то его не устраивала поверхность фанеры, то множество сучков, то её формат. Наконец, он остановился на днище фанерного ящика из-под махорки и удовлетворенно заметил:

-Вот эта фанерка, друг мой вечный, заменит нам с тобой школьную доску и лист бумаги, на ней мы и будем с тобой чертить свои письма. Вместо мела и чернил у нас будет с тобой обычный простой карандаш. Им легче писать.

Дедушка снова взял тетрадки по чистописанию и стал внимательно изучать одно за другим все письменные упражнения. Над одними буквами он ставил карандашом галочки, над другими крестики, а над прочими черточки. При этом дедушка кряхтел, тяжело вздыхал, а иногда удовлетворенно похмыкивал, роняя короткие замечания: "Гм! Так! Так! Ага! Вон как! А если так? Ясно! Итак, что мы имеем? А вот что: почти все заглавные буквы написаны тобой как печатные. Маленькие буквы «г», «к», «а», «р», «п» – тоже как печатные. Буквы, написанные с левым наклоном, лучше, красивей, чем с правым наклоном. Вот теперь всё ясно!"

Дедушка Красивый решительно отложил тетрадки с моими каракулями, положил себе на колени уже разлинованный

фанерный лист, взял в правую руку мягкий графитовый карандаш и спросил:

-Скажи мне, голубь мой ясный, при каком наклоне тебе легче писать буквы правой рукой?

-П-п-при левом, - не задумываясь, ответил я.

-Я так и знал! – воскликнул дедушка, перекрестился и старательно написал с левым наклоном какие-то непонятные мне слова:

« В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков».

Какой-то нездешней тайной веяло от этих мелодичных и торжественных строк. Я дважды перечитал про себя этот текст и, уловив в нём ритм былины, без запинки произнес вслух. Еще не веря в свершившееся чудо, я еще раз «пропел» странные слова и снова нигде, ни на одном слове, не запнулся! Это поразило меня, обрадовало, приободрило, вселило надежду. Но еще больше обрадовался дедушка:

-Эти слова – волшебные Слова! Это – великие стихи из Святого Писания. Заучи их наизусть и читай вслух в полном уединении, и тогда, честное партизанское, ты забудешь, что такое – заикание. Вот увидишь! А пока бери, дружба вечная, в правую ручку карандашик и срисовывай волшебные Слова с левым наклоном. Садись сюда на топчан и трудись, трудись, сколько хватит сил, свет мой ясный...

И я стал трудиться так, как никогда раньше не трудился. Сначала просто срисовывал буквы, потом стал писать, связывая их соединительной линией в слова. Я трудился, а дедушка Красивый при появлении на фанере удачно написанной буквы ободрял меня, ласково шептал:

-Это уже лучше, голубь ясный! Это намного лучше! А вот эту каракатицу давай я сотру, перепиши её быстрее, светик! Она нам весь вид портит! Еще разочек, родимый! Еще разок! Вот хорошо! Теперь я сотру всю твою писанину, и начинай, братец, всё сначала. Как говорят, лыко да мочало –начинай сначала!

Уже не помню, сколько раз мне пришлось переписывать одно и то же, может раз десять, а может больше. Помню, что на дворе уже стало темнеть, когда дедушка зажег керосиновую лампу, вывернул до предела фитиль и сказал ободряюще:

-Думаю, что нам пора учиться писать волшебные Слова пером на бумаге, вот хотя бы на полях этой газетки. Ах, какие широкие, хорошие поля! Кой где, правда, чернила у нас будут расходиться, бумага дюже тонкая, так это не беда! Нам главное с тобой, свет ясный, набить руку, навык приобрести. Без навыка во всяком деле не обойтись. Навык мастера ставит! Не навыкший и лаптя не сплетет!

Пока я смело исписывал поля имевшихся в сторожке газет, дедушка Красивый сварил «чай с цикорием», то есть черный кофе, который, как он объяснил, нужен для бодрости перед последним марш-броском – выполнением письменного домашнего задания в тетрадке.

Наскоро перекусив краюшкой хлеба, луковицей с солью и запив всё это «чаем с цикорием», каждый из нас занялся своим делом: дедушка пошел делать вечерний обход, а я принялся за домашнее задание. Здесь текст был другой, из букваря, переписывать его было сложнее, встречались другие буквы, другими были слова, а самое главное – у меня не было образца с левым наклоном. Но я старался изо всех сил, чтобы не убить веру дедушки в мои возможности. Однако первый вариант меня не устроил: в тексте было много помарок, нажим пера был неравномерным, отчего одни буквы смотрелись очень жирными, а другие худосочными рахитами.

Дедушка Красивый задерживался. Я не знал тогда, что после обхода он зашел ко мне домой, чтобы успокоить моих родителей, сказать им, что со мной все в порядке, что я скоро вернусь. Конечно, я очень-очень устал, ныла спина, кружилась голова, но как ни странно, правая рука у меня не дрожала, и это тоже было великим чудом.

Второй вариант домашнего задания я переписывал с учетом всех ошибок, имевшихся в первом: оставлял между буквами одинаковое расстояние для соединительных линий, уделяя при этом особое внимание нажиму пера. Когда всё было закончено, я бережно промокнул чернила и впервые посмотрел на свою работу со стороны, критически. Сравнил её с прежними своими работами и остался доволен: все буквы были четкими и понятными, текст легко читался, он даже по-своему был красивым. Вот только левый наклон букв, будь он неладен!..

Но вернулся с обхода дедушка и вмиг развеял мои сомнения.

-Вот дался тебе, душа моя, этот левый наклон! Не так уж он и важен, главное, что букочки ясные и красивые получились! Посмотри, посмотри, радость моя, какие они толстенькие, кругленькие, как крендельки, как бублики. Читаешь, и кушать хочется! Главное теперь – отработать свой почерк, закрепить его, так сказать. А за левый наклон тебе нужно бороться насмерть! Или ты будешь писать правой рукой с левым наклоном и красиво, или ты вообще отказываешься учиться в школе! Только так! Стой на этом твердо, прояви свой мужской характер, и все будет в порядке. Ты у меня ещё станешь отличником! Вот увидишь! А пока, душа моя, иди домой и отдыхай. О волшебных Словах из Священного Писания и о Боге никому ни слова, даже папке с мамкой. Носи их в себе всю жизнь, как свою, особую тайну, пока не станешь взрослым, а там видно будет. Ты понял меня, радость моя?

-Нет, - честно признался я.

-Как тебе объяснить, - замялся дедушка Красивый, и лицо его опечалилось, - время сейчас такое, люди пережили страшную войну, стали жить мирной жизнью, успокоились, стали жить лучше и... забыли Бога. Так часто бывает, поверь мне. Мы все вспоминаем Бога, когда нам становится очень плохо. Когда вырастешь – поймешь! Еще раз прошу, молчи, как партизан на допросе, никому не рассказывай о нашей дружбе и вообще... Я же знаю, что обо мне люди говорят, что, мол, чудик я, дурачок старорежимный, болтун, бахарь, «философ», пустобрех. Малым детям сказками голову морочу... Да ладно уж, пусть говорят, на чужой роток не накинешь платок. Иди с Богом, радость моя, не забывай своего дедушку, пусть изредка, но заглядывай ко мне. Да хранит тебя Господь...

С этими словами он вышел проводить меня на улицу. Я с любовью и благоговением смотрел на него, кряжистого, могучего, на его приталенный армейский полушубок, седую окладистую бороду, и почему-то подумал, что именно так и должен выглядеть настоящий, могучий и добрый Бог. И тотчас вспомнил я малчелов, своих маленьких человечков. Как им там сейчас живется? Живы ли они, здоровы, есть ли у них пища? Хорошо ли им? Надеюсь, что хорошо. Если мне сейчас хорошо, то им должно быть тоже хорошо.

С той поры я стал писать только правой рукой. Остался на всю жизнь левый наклон и эти красивые, четкие кругленькие буквы. С той поры прекратилась дрожь правой руки, вернулся крепкий сон, не мучили меня больше ночные кошмары. Но приходят иногда из детства старые сны и бередают мою душу. Осталось легкое заикание, задержка дыхания, учащенный пульс, частое мигание, нервная потливость, неуверенность в своих силах, тревожность и беспокойство при любом начинании, при выполнении любой работы – умственной или физической: сумею ли я это сделать так, как надо, хорошо и добротнo? Отличником учебы я так и не стал, но сумел все-таки к концу учебного года догнать по успеваемости своих «нормальных» одноклассников и закончил первый класс «хорошистом». И на том, слава Богу, и низкий благодарный поклон дедушке Красивому. Без него я никогда бы не стал таким же «как все».

Уже тогда в первом классе понял я истину: желание индивида «быть таким как все» иногда требует от него больших жертв и потерь, что оставаться самим собой чревато для него большими осложнениями во всей последующей жизни.

По правде сказать, вторая половина учебного года далась мне ничуть не легче, чем первая. Тогда у меня, как помню, не было времени для досуга, все выходные дни у меня проходили в постоянных занятиях, у меня не было даже времени вспомнить о маленьких жителях Подземного города. Честно говоря, в тревогах

тех дней, в постоянном стремлении догнать в учебе своих друзей, я попросту забыл о малчелах, как часто забывается порой странный мимолетный, легкий сон. Я забыл о них, забыл основательно, не вспоминая о них и даже не догадываясь о том, что маленькие люди продолжали помнить меня, любить и ждать.

Это случилось в конце летних каникул, где-то в середине августа. Стояла страшная жара. По желтой, выжженной солнцем целине мчались под натиском суховея перекасти-поле. Воздух был пыльным и душным, он нагнетал тревогу и тоску. Тихо ныли на ветру тонкие, как струны, телефонные провода, да шелестели, как сухие листья, за окном, у открытой форточки, нанизанные через глаза на леску распластанные, вяленые сазаны и лещи.

Дома в тот день, кроме меня, никого не было. Отец был на работе, старший брат ушел с ребятами рыбачить на речку Маныч, мама пошла к жене парторга Язынина. От нечего делать я стал читать вслух былинку об Илье Муромце, но на этот раз она показалась мне скучной. Взял стихотворения Лермонтова, но они все были очень грустными и печальными, особенно одно – «В полдневный жар в долине Дагестана...». Прочитал его вслух, но мне почему-то захотелось плакать, было жалко умирающего героя и стало жалко себя, слабака и уроды, на душе сделалось тошно. В голову поползли ставшие уже навязчивыми мрачные мысли: "Нет, никогда, никогда мне не стать таким, как все. Так и останусь рахитом-заикой на всю жизнь. Никогда не служить мне в армии, не быть летчиком и танкистом! Даже сторожем меня никто не возьмет, не доверит мне двуствольное ружьё. Вот уже и лето почти прошло, сколько хороших дней я провел в уединении, читая нараспев стихи и былины, а заикание не проходит. Когда разговариваю вслух наедине с самим собой, я даже не запинаюсь, говорю чисто и красиво, но когда начинаю общаться с людьми, то сильно, неизвестно отчего, волнуюсь, начинаю, прежде чем что-то сказать, подыскивать в уме «легкие» для произношения слова, как правило, неудачные, и тогда речь моя становится нескладной, странной. Тогда мне становится стыдно за себя, язык делается тяжелым, неповоротливым, я покрываюсь испариной, мозг не успевает искать замену «трудным» словам, и вот приходит ОНО, заикание, страшное, как проклятие колдуньи. Можно ли избавиться от этой болезни? Взрослые говорят, что нет, что она на всю жизнь. Только один дедушка Красивый с этим не согласен. А он что – врач? Нет, он – сторож. Я пробовал по его совету говорить в школе напевно, ну и что? Был сразу же высмеян ребятами. Они всем классом передразнивали меня, кричали: "Эй, дьячок юродивый, прогундось молитву! Эй, пономарь – церковная крыса!" Уж лучше быть безногим инвалидом, разъезжать на самодельной тележке по рынку

и вокзальной площади, звенеть медалями, играть на гармошке и петь жалостные песни; лучше быть весёлым пьяницей, таким, как безногий нищий, дядя Петя, чем заикой! Никогда мне не иметь настоящих друзей, которые бы понимали меня и не морщились, выслушивая мое мерзкое мычание..."

Тяжелые мысли, как пряжа из кудели, текли и текли, превращались в черные нити и наматывались на жужжащее веретено. Неизвестно, сколько бы еще времени таким вот образом, я «накручивал» себя, презирал, жалел и одновременно ненавидел, если бы не раздался громкий стук в дверь и не послышались за нею знакомые голоса:

-Эй, Рахит, выходи!

-Рахит! Дело есть!

-Рахит, ты еще живой? Айда в степь!

Нехотя я вышел в темный коридор барака. У дверей топтались трое моих одноклассников – Вовчик Беличенко, единственный сын главного ветврача конного завода имени маршала Буденного, Леха Крахмальный, сын начальника нефтебазы, и Димка Хлыстов, детдомовский хулиган, гроза всего Железнодорожного поселка, по кличке Хлыст.

Вовчик Беличенко держал в руках маленький столярный топорик, у Лёхи Крахмального была толстая пеньковая веревка и длинный железный штырь, а рослый, поджарый Хлыст небрежно опирался одной рукой на саперную лопату.

-Привет, Рахит! – от имени всех поздоровался Хлыст.

-Привет...

-Хочешь быть сапером?

-Каким сапером?

-Настоящим...

-Хочу...

-Тогда закрывай свою халабуду, и пойдём в степь взрывать бомбу, - тоном, не терпящим возражений, приказал Хлыст.

-Какую бомбу?

-Хватит дурачка из себя корчить, как будто сам не знаешь какую! Немецкую авиабомбу. Она одна у нас осталась еще не взорванная. Она за бугром лежит, около фашистского танка.

-Безполезняк! Она не взорвется. Её два раза весной семиклассники пробовали взорвать. Ничего не вышло у них. Там мой брат был, рассказывал... Пустая она, в ней нет взрывчатки...

-Тоже мне – семиклассники, пионеры умные – головы чугунные, сами оловянные, ноги деревянные! У них не вышло, а мы рванём бомбу! В такую жару их как раз и взрывают!

-Откуда ты знаешь? – любопытствовал я.

-Будь спок, не от верблюда! От бывшего сапера, безногого дяди Пети. Он на одной хитрой мине обе ноги потерял. У него большой

опыт. Уж он-то знает, когда лучше всего бомбы взрываются! И еще он посоветовал мне сделать подкоп под бомбой. Вот я и лопату с собой прихватил...

-Ну, если дядя Петя сказал, то тогда пойдем, - вяло произнес я, с сомнением посмотрел на лопату и добавил: - Земля сейчас как камень, даже эта лопата её не возьмет...

-Скажи уж честно, Рахит, что трусишь, и мы тогда без тебя в степь пойдем, на кой ляд ты нам нужен.

-Нет, я не боюсь, просто мне лень. Чего мне трусить, когда я знаю, что она не взорвется! – твердо возразил я. Мне действительно было лень тащиться в такую жару в сухую степь взрывать какую-то там бомбу. Но страх оказаться в глазах одноклассников жалким трусом и тем самым потерять друзей, которые наконец-то проявили ко мне хоть какое-то внимание, пересилил лень и я безвольно, в знак согласия, махнув рукой, с тяжелым сердцем закрыл дверь квартиры и положил ключ под коврик.

Сначала мы пошли к разбитым товарным вагонам за дровами, а потом с вязанкой вагонных досок двинулись на край поселка, за бугор, к разбитому танку.

Бомба примерно на одну треть своей длины с большим наклоном лежала в земле. Вокруг неё валялись, прибитые дождями старые кучи пепла и углей. Рыть землю, действительно, было трудно. Даже под самым сильным нажимом саперная лопата входила в грунт не глубже трёх сантиметров. При этом выяснилось, что трое из нас не могли быть полноценными землекопами, так как на ногах у нас не было обуви. Поэтому делать подкоп пришлось самому Хлысту: только он был обут в «казенные», детдомовские, грубые ботинки. Пока Хлыст возился с подкопом, мы разбежались по степи собирать курай, верблюжью колючку и перекати-поле.

Вскоре около бомбы образовалась солидная копна бурьяна. Ловкий и сильный Хлыст сделал глубокий подкоп. Казалось, всё сделано, пора разводить костер. Но не тут-то было. Между нами зашел спор, куда класть дрова – поверх копны или под низ? Хлыст хотел, чтобы дрова лежали сверху, чтобы было большое, сильное, высокое пламя. Я же, опираясь на опыт в этом деле своего старшего брата Саши, предлагал положить дрова вниз, в подкоп и по бокам бомбы, а сверху положить курай. Тогда доски будут плотно лежать около бомбы и сгорят все, до одной. А если раскладывать костер, как предложил Хлыст, то во время горения доски будут сползать с копны во все стороны на землю, далеко от бомбы. Конечно, мы оба, я и Хлыст, тогда не знали даже азов физики, не знали, что температура древесных углей намного выше температуры самого высокого и мощного пламени! Мои доводы

показались Лёхе и Вовчику неубедительными, и был принят вариант Хлыста. Сначала я считал, что они предпочли более эффектное зрелище, чтобы «костер был аж до самого неба», потом, подумав, сделал первое в жизни открытие: прав тот, кто сильнее, вождь всегда прав, он никогда не ошибается!

Поджигал костер сам Хлыст. Курай вспыхнул мгновенно, и взвился вверх громадный желтовато-белый столб дыма, превращаясь высоко в небе в громадный гриб, а потом в отдельные облака, уносимые астраханским ветром в сторону станицы Пролетарской...

-Бежим! Сейчас рванёт! – дурашливо заорал Хлыст, и мы с восторженным визгом бросились к разбитому танку, с хохотом повалились в воронку и стали любоваться грандиозным зрелищем. Костер бушевал, белые клубы дыма сменились зловещими, зеленовато-черными грибами – это загорелась краска на вагонных досках.

-Ух, ты! Вот это да! Небось, всему нашему поселку видно! – восхищался Лёха Крахмальный.

-Ха! Поселок... Бери шире! Сейчас на наш костерок вся станица смотрит!- поправил Лёху Хлыст.

-Вряд ли, все от жары в хаты спрятались, - предположил Вовчик.

-И не все. На базаре народ толчётся, около вокзала много людей. А вот когда эта железная чушка рванет, так все из хат повыскакивают. Вот все тогда испугаются: в чем дело? Неужели опять война началась?! Вот будет здорово! – веселился Хлыст...

Время шло, а бомба не спешила взрываться. Над нею уже не валил густой дым, вагонные доски горели ровным, едва заметным на солнце пламенем, сквозь который хорошо просматривался пляшущий, зыбкий горизонт. А вскоре исчезли из виду слабые язычки пламени, и только горячее марево колыхалось над костром, создавая вдали призрачные голубые озера, то исчезающие, то вновь возникающие...

А солнце нещадно жгло наши головы, плечи и спины, и хотелось пить. Мы вконец истомились в напрасном ожидании. Первым не выдержал Вовчик:

-Пожалуй, Рахит прав – бомба не взорвется. Айда, пацаны, на речку.

-Подождет твоя речка, успеем еще искупнуться! – командирским голосом заорал на него Хлыст, - эта штука должна взорваться, надо еще немного подождать, не всё так просто!

-Видно, дрова не все сгорели, - робко заметил я, пытаюсь отстоять в глазах друзей свой вариант закладки костра.

-Может быть, и так, - согласился неохотно Хлыст и добавил, - а если так, то надо посмотреть на костер: что там? Пододвинуть несгоревшие доски лопатой, добавить еще курай...

-Надоела мне эта возня, пацаны! Может, в самом деле, бомба пустая? – сказал Лёха.

-Сам ты пустой! – скривился в ухмылке Хлыст, - Можно подумать, что немцам в войну делать было нечего, как учебные бомбы на нас сбрасывать! Дядя Петя мне сказал, что не было еще такого случая, чтобы не взорвавшаяся бомба оказалась вдруг пустой, просто иногда в них боёк до взрывателя не доходит...

-А может, в ней взрывателя нет? – предположил Вовчик.

-Хватит болтать, гниды ползучие! Идем лучше посмотрим! – заорал во всю глотку Хлыст, резко поднялся, взял саперную лопату и побежал к затухающему костру. Вовчик и Лёха бросились за ним. Я тоже стал подниматься, мне тоже захотелось самому убедиться в том, что бомба пустая, что я был прав и прав был мой брат и его одноклассники.

Я уже стоял на коленях, уже начал вставать на ноги, как вдруг услышал до боли знакомый писк. Я прислушался. Писк раздавался из-под лопуха. Я осторожно поднял несколько нижних листьев и увидел... малчелов! Они стояли передо мной на коленях и громко пищали:

-Бог! О, великий Бог! Слава Тебе! Ты не забыл нас! Ты вернулся к нам, великий и добрый Бог!

Стоя на коленях, я низко склонился над ними и сразу же узнал в толпе Главного Вероучителя. Он тоже что-то кричал и делал мне какие-то знаки. Наконец, до меня дошло: старик хотел, чтобы я положил свою левую ладонь перед ним, старик спешил сообщить что-то очень важное мне лично на ухо.

Я уже опустил ладонь на землю, как вдруг сзади, из-за танка налетел горячий порыв ветра-астраханца. Воздух вокруг меня стал уплотняться и кружиться, закручиваться. Несколько секунд вихрь стоял на месте, потом, набирая силу, как безумный, стремительно помчался туда, где лежала бомба, а около неё стояли мои пацаны. Через мгновенье вихрь достиг костра, завис над ним, жадно вбирая в свой водоворот горячую золу и мелкие раскаленные угли...

И тут земля вздрогнула, над костром взметнулся громадный черный веер, оглушающий грохот ударил по ушам, что-то зловеще прожужжало над головой, и посыпались сверху мелкие комья земли.

Потом наступила абсолютная тишина. Такой тишины не бывает на белом свете. Наверное, я потерял сознание. Не знаю. Не помню. Помню, что когда я встал на ноги, меня охватил страх и непреодолимое желание бежать, но ноги не слушались меня и противно дрожали в коленках. Мне понадобилось некоторое

время, чтобы прийти в себя, осознать случившееся. На месте бывшего костра дымился черный кратер, вокруг которого на десятки метров были разбросаны груды чернозема. Я стал тревожно озираться: а где пацаны? Где? Куда они делись? Почему я один?

С трудом, подавляя страх, на непослушных ватных ногах я побрел к месту взрыва искать своих товарищей. До моего сознания стало доходить, что ребята, скорее всего, как-то пострадали от взрыва. Я ведь уже знал, что такие вещи не проходят без тяжелых последствий. Но кто знает, может быть, они не убиты, а всего лишь ранены и им нужна моя помощь? Отойдя в сторону от воронки, я стал медленно ходить по кругу. Через некоторое время, среди черных глыб выброшенной взрывом земли, я обнаружил ботинок. Это был ботинок Хлыста! Я попытался взять его одной рукой, но он почему-то оказался очень тяжелым, схватил его двумя руками, рванул на себя и... вытащил из рыхлого чернозема ботинок вместе с ногой. В ужасе я отбросил от себя страшную находку, и уже было собрался бежать, но тут недалеко заметил синие трусы Вовчика. Крадучись, осторожно, на цыпочках, приблизился к лежащему вниз животом телу и позвал шепотом: "Вовчик! Вовчик! Ты живой?" Но мальчик молчал. Я подошел к нему еще ближе, присел рядом на корточки и сразу понял, почему молчал Вовчик. У Вовчика не было... головы! Я вскочил и бросился бежать сломя голову, перепрыгивая через груды земли, но вскоре чуть было не угодил во что-то мягкое, мокрое и скользкое, в какие-то красно-белые лохмотья, и это меня остановило. Я застыл на месте, оцепенел, странный холодок пробежал по спине, дробно застучали зубы. То, что предстало перед моими глазами, было страшно похоже на разделанную тушу забитого перед Новым Годом начальником узла связи Гвоздиковым кабанчика Ваську, только тогда внутри Васьки дымилась на холоде в цинковом корыте, а здесь они валялись под немилосердным солнцем на земле и еще... шевелились. Это меня добило окончательно: живот свела судорога, меня стало тошнить. Но это была особая тошнота, сладковато-приторная, как будто только сейчас я съел много-много топленого сала вместе с... сахаром! У меня едва хватило сил отойти от страшного места, кружилась голова, ноги меня уже не держали, и я присел на корточки. Было тихо, душно, запах гари смешивался с горьким запахом полыни. Дул горячий ветер, по степи, обгоняя друг друга, мчались перекасти-поле. Всё шло слепо и неудержимо своим чередом, не замечая в упор беду и смерть. Не было никакой реакции на только что случившееся. Никакого знака внимания и участия, ни одного вопля сострадания и жалости. Не застонала скорбно земля, не померкло от горя солнце и не стих виновато ветер! Как будто так и надо, так и положено, так нужно и даже, черт возьми, необходимо!

Мир продолжал жить так же, как и прежде до взрыва, как будто ничего в нём не изменилось, не убавилось и не прибавилось. Как так? Убавилось три жизни, прибавилось три смерти. Не прибавилось? Как так не прибавилось?! Еще как прибавилось! А это - что? Там, невдалеке, над бездыханным телом Вовчика, летала небывалой красоты громадная стрекоза. Стекланный шарик махал прозрачными, стрекозьими, перепончатыми крыльями, которые переливались под солнцем всеми цветами радуги. Откуда она прилетела? Разве могут жить стрекозы в сухой, безводной степи, вдалеке от прохлады водной глади? Вскоре к ней присоединились еще две, точно такие же. И вот они вьются и вьются над тем местом, где разбросано на земле то, что совсем недавно было Лёхой, Вовчиком и Хлыстом, Димой Хлыстовым...

И почему-то мне было мучительно грустно смотреть на этих странных, бестелесных стрекоз, как часто бывает до слез жалко стонущих в небе птиц, потерявших после пожара своих птенцов. А «стеклянные», прозрачные стрекозы сиротливо кружились и кружились, взмывали вверх и снова снижались к земле, но никому не было до них дела. "Какой страшно равнодушный этот мир!" – мелькнула в мозгу, как озарение, как новое открытие, мысль. И вспомнились слова дедушки Красивого: "Жизнь ужасна сама по себе". Именно в эту минуту меня снова стало тошнить. Было так тошно и по-настоящему страшно, что страстно захотелось покинуть как можно скорей это жуткое место. Я присел на корточки, сжался в комочек, подпрыгнул и взлетел резко, как сигнальная ракета. На этот раз это был совсем другой полет, это было не спокойное воздушное плавание, а стремительный полет, земля как бы выстрелила меня в небо, и я летел, как камень, выпущенный из праща.

Я взлетел плашмя, спиной к солнцу. Земля стремительно уходила вниз, громадная черная воронка превратилась в обычную кляксу, к ней бежали люди, размером чуть больше муравья. Вскоре клякса превратилась в жирную, черную точку. Подбитый танк стал похож на раздавленного жучка. Телеграфные столбы, бегущие в Сальск, Башанту и далее, через солончаки, в Элисту, превратились в тонкие, сухие, хвойные иголки, воткнутые в землю. Громадные цистерны нефтебазы стали похожими на мамины наперстки, элеватор, двухэтажный детский дом, школа, вокзал, водонапорная башня и другие самые крупные строения на глазах превращались в жалкие, разноцветные, игрушечные кубики. И совсем уж жалкими и крохотными выглядели частные хаты, щитовые домики лесозащитного участка и конного завода. К элеватору и от него по белесым от пыли дорогам медленно пылили грузовые машины; по железной дороге черной, блестящей гусеницей в сторону Сальска почти незаметно полз грузовой, нефтеналивной состав, паровоз

пускал белые клубочки пара, старательно изо всех сил тужился, надрывно пыхтел, но почти не двигался.

Маленький мирок под названием станица Пролетарская, в котором я жил и который так страшно напугал меня, уходил вниз, уменьшался, сжимался в белое пятнышко, в капельки молока, разлитые на не совсем свежей скатерти земли.

Чем выше поднимала меня в небо неведомая сила, тем шире и величественнее становился горизонт, открывая мне неведомые, туманные просторы. Вот ослепительно сверкнуло на солнце длинным, острым, зеркальным осколком озеро Маныч-Гудило, сверкнули никелевыми ниточками речки Маныч и Егорлык, сверкнули и погасли, как будто их и не было. А там, а там, дальше, у седого края земли, как манная крупа на полу, широко рассыпался большой город Сальск.

-Страна малчелов! – раздался рядом со мной чей-то четкий, спокойный, красивый голос, и страшная сила перевернула меня как перышко. Земля вдруг оказался где-то вверху, за спиной, и я стал падать лицом вниз, в небо, прямо на Солнце!

-Камни падают в небо! - произнес торжественно и назидательно тот же самый неведомый голос. Что Он, этот Голос, хотел мне этим сказать, какую великую тайну мира поведать, какой новый секрет бытия мне открыть?

Падение на Солнце продолжалось. Но уже не свистел ветер в ушах, казалось, что кто-то плотно заложил их ватой, в них булькала вода и неприятно до боли давила на барабанную перепонку. Вскоре моё падение на Солнце стало замедляться и замедляться, я стал падать медленно, как пушинка тополя в тихую погоду. Я падал и падал, пока совсем не остановился и повис в пустоте. Не знаю, можно ли висеть в пустоте, никуда не падая. А может, мне казалось, что я недвижимо завис? Ведь вокруг были только бесчисленные звезды, и они тоже висели в пустоте и не двигались. А внизу, подо мной, сияло Солнце. Оно оставалось единственной точкой отсчета всего и вся, единственным моим ориентиром. На него было невозможно смотреть даже через плотно сомкнутые веки и сквозь пальцы, прижатые к глазам.

Чьи-то теплые, влажные губы прикоснулись к темени и нежно, успокоительно прошептали:

-Малое притягивает к себе Большое, а движение кажется покоем...

И тут я сквозь красные, плотно сжатые пальцы заметил, а точнее, почувствовал своим, вдруг открывшимся третьим Глазом, что ослепительно яркий кружочек Солнца стал быстро расти в размерах, в его сиянии стали исчезать звезды. Почти мгновенно Солнце заполнило весь небосвод, исчезла тьма. Вокруг неистово бушевал только яркий-яркий свет! Нечто похожее на гигантскую

паровозную топку с кипящим адским огнем стало всасывать меня, и я закричал смертельным криком:

-Мамочка-а-а-а, родненькая-я-я-я, спаси-и-и-и! Мамочка-а-а-а, спаси-и-и-и!

.....
.....

Помню, и до конца жизни не забуду выжженную суховеем целинную степь, телегу, которую понуро тащит старый мерин, ветеран великой войны Воронок, а на телеге лежат прикрытые зеленым, армейским брезентом останки моих друзей-одноклассников. До сих пор слышу вой убитых горем матерей, и вижу их идущих рядом с телегой и отчаянно цепляющихся за дуги её кузова. До сих пор стоит перед глазами одиноко выступающий из-под брезента, ботинок Димы Хлыста. До сих пор слышу надсадный, тоскливый скрип правого переднего колеса: "Спи-и-и – усни-и-и-и! Спи-и-и – усни-и-и-и!"; и как дядя Костя тихо материт за лень и нерадивость ведущего под уздцы коня конюха дядю Пахома: "Эх, Пахом, Пахом! Мать твою задери! Что ж, ты, сволочь ленивая, не смажешь ступицу! Сил уже больше нет слышать этот скрип!" – и слышу до сих пор, как дядя Пахом виновато оправдывается: "Дак, ступица вконец износилась, Костик. Бесплезно её смазывать, нужно колесо менять. А где сейчас купишь новое колесо? Да нигде... Кто их нынче делает? Да никто... Перевелись колесных дел мастера... Кто помер давным-давно, а кто на войне сгинул..." - "А ты втулку на ось насади!" - "Дак, где же я эту втулку найду?" – " Где! Где!... На земле! Искать надо, а не в носу ковыряться! Сколько всякого добра под ногами валяется, сколько разбитой техники вокруг"...

Помню, как приходил к нам домой молодой и строгий дядя милиционер и дотошно расспрашивал меня о подрыве бомбы. Он что-то медленно писал на планшете, потел и задумчиво чесал затылок. Его интересовал мельчайшие подробности, буквально каждый мой шаг накануне взрыва: "Значит, они побежали к костру, а ты, значит, остался лежать около танка в старой воронке? Так?" – "Так", - отвечал я. – "Почему?" – допытывался милиционер. И я, уже в который раз, чтобы не прослыть сумасшедшим, чтобы не выдать тайну маленьких человечков, соврал: "Потому что у меня тогда заболел живот". – "Вот как? А может, ты струсил? Скажи честно!" – "Нет, - возражал я, - не мог я струснуть. Не мог. Я же... Я говорил уже вам, дяденька, что знал давно, что бомба пустая, её весной пробовали старшеклассники взорвать, и у них ничего не получилось. Так чего мне было бояться?" – "Ну что ж, резонно, - согласился милиционер и задал мне совсем неожиданный вопрос:

"Скажи мальчик, а что ты ел в тот день?" – "Точно не помню. Кажется, вяленую рыбу, - неуверенно прошептал я, но видимо мой ответ удовлетворил любопытство участкового, и он хмыкнул: "Хм! Гм! Скажи спасибо тухлой рыбе! Это она спасла тебе жизнь, а то ты уже давно бы играл на небе в прятки со своими дружками".

С болью в сердце вспоминаю случайно подслушанный разговор нескольких женщин, собравшихся в комнате тёти Раи Гвоздиковой. Женщины горячо обсуждали печальное событие, всколыхнувшее всех жителей станицы, жалели зря погибших «красивых, здоровых хлопчиков, маленьких казачат и бедную сиротку Диму», сетовали на несправедливость судьбы, на злую волю, которая «уводит из жизни раньше времени не тех, кого надо». Помню, как одна из теток сокрушенно заметила: "Это ж надо, бабаньки, такие крепкие, здоровые деточки сгнули, а этот белобрысый рахит, дохляк и заика остался жить! Ну, скажите мне, есть в этой жизни справедливость?!" – " Да, уж о чем гутарить! Не было, нет и не будет! – поддакнула другая тетка, - под серп всегда идет первым хороший колос. И на войне так же: гибнут самые лучше, а кто похуже, те остаются!" Лучше бы мне никогда не слышать этих обидных, злых слов! Но, как говорил мне дедушка Красивый, на чужой роток не набросишь платок...

А жаль...

Помню, как начальник моего отца, дядя Гвоздиков, встретив меня в коридоре барака, строго посмотрел на меня, и сказал наставительно: "Ты сейчас должен жить и трудиться за четверых, за себя и за тех, кто в могиле! Ты должен хорошо учиться, ты должен, ты обязан стать примерным гражданином нашей великой Родины"! С тех пор слово «должен» стало преследовать меня на каждом шагу. И сколько я живу, столько и слышу одно и то же: "должен, должен, должен"... С тех пор я постоянно кому-то что-то обязательно должен – стране, партии, народу, всем, всем, даже тем, кого не знаю, кто живет в какой-то далекой Африке, где много слонов и обезьян.

Став, как и многие другие, не по своей воле хроническим должником, я постоянно был должен и даже обязан вносить в какие-то организации и мероприятия какие-то взносы, пожертвования, работать «за тех парней», ходить на субботники, собирать металлом, заниматься общественной работой, кому-то помогать. Но в основном тем, кто за свою «руководящую работу» получал неплохие деньги и имел блага. Все, кому не лень, всю жизнь помыкали мною, спекулируя на этом проклятом слове «должен».

Здоровые мужики и молодцы всю жизнь всячески пытались всучить в мои хилые, слабые руки самую большую совковую лопату вместо авторучки и блокнота...

А мне никто ничего никогда не был должен, и никто не должен сегодня. И ни разу мне жизнь не шепнула ласково на ухо, как шептала и шепчет сегодня некоторым своим баловням: "На, бери! Мало? Возьми еще, мне не жалко! У меня много всякого добра, всем хватит! Прошу тебя, бери, бери, сколько влезет!"

Помню, четко помню жуткую явь и все страшные сны той поры. Запомнился один сон, который особенно мучил меня, изводил до изнеможения. Совершенно пустая, голая, заброшенная, грязная комната, без окон и дверей, а над засиженным мухами серым потолком мигает грязная лампочка. А на полу, разбрызгивая алую кровь, мечется из угла в угол и пронзительно пищит... безголовый цыпленок – ищет свою голову. Мне безумно жалко цыпленка, я тоже ищу его голову, но не нахожу. Эта длится долго-долго, и, наконец, я не выдерживаю и кричу кому-то, скорее всего Тому Кто Всё Может: "Верни цыпленку голову!", и просыпаюсь в холодном поту...

Потом этот сон не раз повторялся и, как правило, накануне смерти кого-нибудь из близких родственников. Последний раз я видел его совсем недавно и надеюсь, что он больше никогда не повторится, потому что иным было его завершение, другим был его тайный смысл. Снилось мне та же комната, тот же самый пронзительно пищущий цыпленок без головы, разбрызганная по стенам и на полу кровь, та же самая острая жалость к бедному, крохотному существу, и то же долгое томление духом, которое становится невыносимым. И вот уже готов вырваться мой крик-мольба. Но в этот миг в глухую без окон и дверей комнату каким-то образом вошел товарищ Сталин, посмотрел на меня желтыми, немигающими, кошачьими глазами и с укоризной произнес: "Нэ надо мучить себя, нэ надо мучит цыпленка!" Сказал, а потом легко и ловко наступил красивым, хромовым сапогом на цыпленка, расплющил его и ушел прочь через стену. И в комнате наступила тишина, спокойно и тихо стало и у меня на душе. Ах, как хорошо...

Но были и другие сны. В них я всё время кого-то спасал. В этих снах я преодолевал непреодолимые для меня трудности: проходил над бездной по тонкой, гнилой и скользкой доске, прыгал на большой высоте с крыши на крышу, держался одной рукой за карниз, а другой удерживал от падения товарища, падал вместе с ним, погибал, воскресал, а потом снова умирал. И так до бесконечности...

Позже, по мере взросления, к ним добавились другие, не менее мучительные сны. В одном сне меня опять переучивали: заставляли красиво писать левой рукой. В другом сне – я никак не мог перейти в седьмой класс.

В третьем – мне почему-то не хотели выдать на руки аттестат зрелости, в четвертом – мне не выдавали диплом об окончании вуза и заставляли учиться в нем снова с первого курса, в пятом – я сижу в тюрьме, из которой выпустили всех моих сокамерников, а обо мне почему-то забыли...

В шестом сие я освободился из лагеря, но только на малое время, а потом должен не известно за что опять вернуться в него и пробыть там еще год, а может, и два...

И во всех снах одно и то же – подсердечная тоска, тревожное беспокойство и неопределенность, ожидание беды и боязнь завтрашнего дня, чувство вины перед всеми...

Но что сны! Сны – это чепуха, это, так сказать, цветочки. Самое тяжелое испытание духа ждало меня в школе. Искать его истоки следует, видимо, в той психологии, которая сложилась у детей и подростков в первые послевоенные годы, во взглядах «детей войны» на жизнь и смерть. Жизнь, считали тогда они, должна быть полна подвигов и бесстрашных поступков, смерть тоже должна быть героической и желательна на поле битвы. Смерть человека от какой-либо болезни и, тем более, от старости воспринималась тогда детьми спокойно, без особых эмоций. Война давно закончилась, но несколько поколений людей продолжали жить по её нравственным законам. Мальчишкам было интересно всё, что было так или иначе связано с войной, многие из них искали себе подвига и находили его в опасных играх. Гибель Вовчика, Лёхи и Хлыста была отмечена всей школой особо: впервые за всю историю самодеятельного подрывного дела была взорвана бомба не кем-либо из поднаторевших в этом старшеклассников, а совсем маленькими пацанами. В глазах учащихся начальных классов они погибли бесстрашными героями, а я, поскольку остался неизвестно почему в живых, выглядел как жалкий трус. Только один из нашего класса, отличник учебы и примерного поведения, сын высокого партийного начальника, обладатель легковой, педальной машины, Миша Морозов иронически отозвался о погибших мальчишках: "Дураки! Делать им было нечего"! Но эта фраза еще не означала, что Миша тогда ни в чём не осуждал меня, не считал трусом.

Остальные одноклассники стали сторониться меня, никто не хотел водиться со мной. Кто-то даже пустил слух, что цыганка-колдунья навела на меня порчу, что я приношу людям одни неприятности, несчастья и беды. Никто не хотел сидеть со мной за одной партой. Даже Люда Карноухова, тоненькая, хрупкая, стриженная наголо, с большими, острыми, кошачьими ушами детдомовская девочка, в которую я был тогда тайно влюблен! Даже она, которая проявляла ко мне до этого некоторую симпатию...

Оказавшись в полном одиночестве, я стал искать друзей вне школы, в среде мне подобных или младших по возрасту. Дело дошло до того, что я стал подлизываться к сумасшедшему Алесю, втягивать его в свои нехитрые игры через подкуп. Платой за дружбу служила горячая пышка, смазанная сметаной, вареная, сладкая кукуруза, вяленый лещ с отварной картошкой. Но вскоре эта купленная дружба стала тяготить меня, мне надоело все время играть с Алесем укладкой, тайком от взрослых. Притом Алесь был до крайности примитивен и туп.

Тогда я решил предложить свою дружбу Валерке Язынину, рахитику и впечатлительному плаксе, мечтателю и фантазёру. Валерка был не по годам развитым мальчиком. В шесть лет он свободно читал букварь и сносно изображал на бумаге прописи. Я очень дорожил дружбой с ним, всегда шел ему на уступки и даже отдал ему, младшему, право на лидерство. Помню, он принял его как должное. А я наивно полагал, что новый друг высоко оценил мой щедрый жест! Откуда мне тогда было знать, что в этом случае четко «сработал» закон социального неравенства: преимуществом на лидерство должен обладать в первую очередь сын начальника, а роль подчиненного должен исполнять сын простого рабочего, рядового связиста или колхозника. Так коллектива, а потом уж как жизнь распорядится, кому из них быть лидером...

Я очень дорожил этой единственной в то тяжелое для меня время дружбой и не жалел ради её сохранения ничего, даже самых лучших своих игрушек. Я даже отдал Валерке, точнее подарил, игрушечный пароход, который действительно был как всамделишный: если его котел залить водой, а под котлом зажечь керосиновую горелку, то он будет сам плыть по реке и пускать клубы пара! Этот пароход нашел где-то дядя Костя, отремонтировал его и подарил мне на Новый Год. Этот пароход якобы был давным-давно подарен великим князем сыну местного коннозаводчика, тем великим князем, который потом стал последним русским царем, в честь которого и была названа наша станция Великокняжеской, сегодня – Пролетарская. С болью в сердце я расставался и с деревянным грузовым автомобилем, «полуторкой», которую мне на праздник 1 Мая подарил тот же самый весельчак, шутник и мастер на все руки дядя Костя. Я ничего не жалел, отдавал, отдавал и отдавал. А взамен этому я получил доступ в дом Языниных, в богатый, как оказалось, по тем временам жилой дом. Там я впервые в жизни увидел немецкие ковры со странным названием «гобелены», причудливую фарфоровую посуду, бронзовые статуэтки, большой глобус, политическую карту мира, карту Ростовской области, журналы «Огонек» и «Крокодил».

Как мне тогда подсказало моё чуть ли не животное чутьё, замполит Язынин был даже рад тому, что его сын-дошкольник дружит с второкласником. По крайней мере, он не раз в моем присутствии восхвалял необычные способности своего младшего сына и твердил: "Нет! Нет! Еще раз нет! Я Валеру обязательно отдам сразу же во второй класс! Что ему, при таких то способностях, делать в первом классе? Только зря драгоценное время терять!"

Как бы то ни было, но в доме Языниных, с помощью самого хозяина, я познал азы астрономии, географии и современной истории. От замполита лесозащитного участка я узнал многое о врагах советского народа Трумэне, Черчилле, генерале Франко, о кровавом палаче Тито, о предателе Чанкайши, а также и о друзьях и родных братьях самого товарища Сталина - Великом Мао, Великом Хошимине, Великом Ким-Ир-Сене и о других великих борцах за счастье всего человечества...

Через журнал «Огонёк» я познакомился с великой русской мировой живописью, с помощью журнала «Крокодил» смог воочию увидеть внешний облик врагов внутренних и внешних. У тех и у других были уж слишком отвратительные физиономии. И правильно! А почему всякие буржуи, паразиты и, тем более, враги народа должны выглядеть как небесные херувимчики? Дружба с Валеркой значительно расширила мой кругозор, только тогда я впервые понял, что мир огромен, и я в нем - самая, что ни на есть, ничтожная пылинка, то есть никто и ничто!

Всё было бы хорошо, если бы...

Если бы, кроме всего прочего, кроме простого общения, было бы еще при этом и взаимопонимание, сердечная доверительность. Но её не было между нами. Я по-прежнему боялся полностью открыться Валерке, рассказать ему всё-всё, что я видел, испытал и пережил за последнее время. Что-то удерживало меня от этого. Может, опять та же самая боязнь прослыть сумасшедшим, а может быть, и наставления старших: "Держи всегда свой язык за зубами! Не болтай лишнего на людях! Не болтай, а то худо будет"! Не знаю, но, видимо, уже тогда я смутно чувствовал, что сам Валерка, его отец и мать и старший брат не те люди, перед которыми можно безбоязненно открыть тайны своей души. А раз так, то что это за дружба такая, когда боишься насмешки и непонимания друга своего? А? Что на это можно сказать? И что можно ответить? Только одно – это не дружба, а игра в неё!

И когда я это осознал, то понял, что у меня нет и, по сути, не было настоящих друзей, кроме одного, старого и самого надежного друга – дедушки Красивого...

Только он, и никто другой, ответит на все мои вопросы, поймет меня, поймет и разъяснит причины томления моей души, и

эту постоянную тревогу и неизвестно отчего возникшее чувство вины перед теми людьми, с которыми связала меня жизнь. И я снова пошел к дедушке Красивому.

На этот раз я рассказал дедушке всё, открыл ему тайну маленьких человечков, рассказал подробно о своих полетах, о взрыве авиабомбы, о чуде своего спасения, о страшных снах и жестокой яви, о своем одиночестве, обо всем, о чем думал, что чувствовал и переживал в последние месяцы. Это была настоящая исповедь, но я тогда не знал, что вообще означает слово «исповедь».

И я не ошибся. Дедушка Красивый очень ясно, толково и доходчиво ответил мне на все мои вопросы, разъяснил, как мог, непонятное мне, успокоил, ободрил и направил меня на верный путь.

Так, например, когда я жаловался ему на одиночество, на нежелание одноклассников дружить со мной из-за того, что они считают меня трусом, дедушка простодушно заметил:

-Всему нужно свое время. Время - великий лекарь. Поверь мне, не пройдет и полгода как всё забудется. Люди быстро забывают всё хорошее и всё плохое, особенно дети. Они глупые еще, не знают жизни, в ней иной раз такие чудеса случаются, что диву даешься. Вон, на фронте, сколько таких случаев было: отошел солдатик по нужде в сторонку и остался жив, а других в сей момент всех тяжелым снарядом и разнесло в куски, а бывает и наоборот - отошел солдатик в кустики, а там его снайпер подстрелил, как куропатку. Это ещё что! А сколько раз такое было на войне: из всего батальона, и даже полка, в живых чудом оставалось два-три человека, а бывало и один. Но начальство в эти чудеса тогда не верило, одно твердило чудом уцелевшему: "Ах, ты, трус, эдакий, такой, сякой и пересякой! Почему все погибли, а ты - живой"? Вот и попробуй доказать, что ты не верблюд, что не струсил! Тяжело было таким, даже раненым! А если на солдатике не было даже царапинки, то вообще делу хана, считай, что он уже в штрафном батальоне! Вот так было! Но ты же, голубь мой, не на войне был, а так... шалил с дружками! Ну а то, что остался живой, так это, видно, самому Богу было так нужно. И неважно, что тебя спасло от гибели: понос или маленькие человечки! Это ни для кого не важно, это важно только для самого тебя! И не мучайся понапрасну, не кори себя, не вини. Ты вот давеча сказал, что если бы тогда не подсказал Хлысту пойти проверить костер, то все остались бы в живых, а я вот так не думаю, не разумею. Я хорошо знал Диму, он - упрямый, дерзкий мальчик, упрется рогами в одно и стоит на своём до конца - трактором его с места не своротишь!

Все равно он пошел бы к бомбе, а за ним и вы бы как овцы, и стал бы он шуровать угли, а тут и вихря не надо, слабенький порыв ветра – вот тебе и взрыв! Не вини себя, почём зря, свет мой ясный, побереги себя и своё сердце, оно тебе еще сгодится. И запомни: на похвалу наши люди скупы, а на хулу щедры...

Не удивился дедушка Красивый и моему рассказу о чудесных полетах и воспринял это чудо как самое обыденное дело. Посмотрел только как-то сочувственно на меня и, как бы жалея, пояснил:

-Это, голубь мой, не ты сам летаешь, а твоя душа. Как я уже понял, она у тебя очень пытливая и беспокойная, ищет, ищет для себя благодатное место и никак не находит. Тебе, брат, с такой душой будет трудно жить на белом свете...

-А что такое «душа»? – спросил я.

Видно, дедушка Красивый не ожидал такого вопроса, потому что как-то смутился, растерялся и, как всегда в таких случаях, стал кряхтеть, хмыкать и чересчур уж тщательно сворачивать из газеты сигарку.

-Душа –это суть любого человека, это жизненное существо человека, - после длительного молчания медленно произнес он, выпустив изо рта огромный клуб махорочного дыма. - Какая у человека душа, таков он и сам. Душа не имеет тела, она бесплотна, хотя и живет в теле. Понятно? Она невидима для простого глаза, но сама всё видит. Она болеет, выздоравливает, всё чувствует, радуется, страдает, любит. Душа с Богом беседует, душа душу видит! Вот она, какая душа! Бывает так, что мы человека видим, а его души не знаем и не видим: какая она у него – добрая или злая, светлая или тёмная? А душа всё видит, она не обманет тебя, и ты её не обманешь! Мы часто говорим, что чужая душа потёмки, что в чужую душу не влезешь. Да, не влезешь, но часто наша душа как бы шепчет нам: "не водись с этим человеком, а то тебе худо будет"! У некоторых людей от их смертных грехов очень тяжелые души бывают, тяжелей железа и свинца в тыщу раз! Так у нас в Белоруссии, люди сказывали, был один такой «чугунный грешник», говорят, лютым душегубцем был, много невинных душ он загубил до войны. Так вот, говорят, что этот грешник с каждым своим грехом, при каждом душегубстве в железного истукана превращался: сначала по колено, потом по пояс, а потом по самую грудь. Говорят, что в последние свои дни стоял он около сельсовета весь черный, как чугун, по колено в земле и день и ночь кричал: "Люди спасите меня! Возьмите на себя грехи мои!" А люди от него, как от заразного шарахались и в страхе осеняли себя крестным знаменем – кому охота такие страшные, смертные грехи на себя брать?! Так и ушел он по самую макушку в землю, а через сутки и макушки не стало видеть. Взяла его мать сыра земля в печь свою

огненную и расплавила там его! Там, глубоко под землей, огненная лава кипит, там всё плавится, там ад находится! Вот такая история, такая вот печальная быль. Хочешь, верь, хочешь, не верь...

-А может, это сказка? – предположил я дрогнувшим голосом.

-Может, и сказка, но с большим смыслом. По научному это называется сказ-гипербола, что значит - грандиозное преувеличение, - грустно заметил дедушка и продолжил: - Душа, друг мой, многое видит, такое, что и вооруженному глазу никогда не увидеть! Это относится и к тем, твоим большим, диковинным стрекозам – «стеклянным шарикам» с крыльями. Это не ты их видел, а твоя душа, дружба моя вечная! Она узрела, как метались бедные душеньки твоих мертвых дружков, как они кружили и кружили, не знали, куда им, бедолагам, деваться, уж очень рано они своих квартир лишились. Это твоя душа, а не ты, первой заметила маленьких человечков и подсказала тебе, кто из них хороший, а кто плохой. Она у тебя добрая, жалостливая. Это она для тебя старалась, нашла тебе маленький народец, чтобы ты мог любить его и заботиться о нем. А разум твой ещё не развит, душа твоя намного развитее его. Развитая душа многое чувствует, многое предугадывает и видит незримое. Об этом когда-то давным-давно хорошо сказал Жуковский, был такой поэт и хороший человек, старший друг и учитель великого поэта Пушкина. Знаешь такого?

-Пушкина? Знаю! Он написал сказку «О рыбаке и золотой рыбке», а еще – «Руслан и Людмила». Мне папа вслух их читал, давно, ещё до школы! – похвастался я.

-Это хорошо, что знаешь, кто такой Пушкин! - с одобрительной улыбкой отметил дедушка Красивый и продолжил, - так вот у Жуковского есть одно стихотворение, оно так и называется «Душа». Я смог запомнить из него только четыре строчки. Вот они: «Душе шепнул привет бывалый. Душе блеснул знакомый взор. И зримо ей в минуту стало. Незримое с давнишних пор»! Как прекрасно сказано, как точно: "...и зримо ей в минуту стало незримое с давнишних пор". Ах, как хорошо! Ты что-нибудь из этого понял, душа моя?

-Нет, не понял, - честно признался я.

-Да, да! Ты еще маленький, - покорно согласился дедушка.

-Дедушка, скажи, а где в человеке душа живет? – осторожно любопытствовал я, втайне боясь, что мой вопрос покажется дедушке глупым.

-Умные люди говорят, что у каждого человека душа имеет свой заветный уголок. Чаще всего, говорят они, душа пребывает вот здесь, в ямочке на шее, под кадыком, под «адамовым яблоком». У такого человека, когда душа страдает, то у него как бы комок в горле образуется и дышать мешает. О таких людях говорят: "его

слёзы душат". Такому человеку, если изо всей силы ткнуть в ямочку указательным пальцем, то из него душа – вон! У других же человеков душа близ сердца пребывает, тогда она другую душу знает, сердцем весть подает, а когда она скорбит, то ноет сердце, тогда человек душою мается от тоски подсердечной. У кого душа у сердца живет, у того сердце вещун: чувствует добро и зло. А есть еще люди, у которых душа находится около живота, под грудной клеткой, где «солнечное сплетение» находится, а иногда около желудка. Такая душа телу не спорница, такой душе плоть не враг, и грешное тело такую душу не съест. У таких людей абы-какая жизнь: наелся, напился, одеялом укрылся, так они и живут: абы как. Таких людей называют животолубивыми, так как у них чрезмерно развита привязанность к животным радостям земной жизни, и они чересчур боятся смерти. Люди с такой душой часто бывают жадными, завистливыми, злыми, такие одним брюхом живут и корыстью, им всегда всего мало. От них все беды и несчастья, горе и смерть...

-Тогда скажи, почему всемогущий Бог не сделал так, чтобы у всех людей были одинаковые души, светлые и хорошие?

-А затем, свет мой ясный, чтобы у каждого человека было право, была свобода выбора: каким он хочет стать: добрым или злым. Если злему хочется жить по злу, то тогда и воздастся ему по злым делам его, а если он хочет быть добрым всегда, то по добру и получит в конце земной жизни. Это нужно, прежде всего, самому человеку, чтобы он всё время думал, зачем живет, как живет – правильно или неправильно, и как нужно ему жить на самом деле в добре и мире...

-А у животных душа есть? – не унимался я, настолько интересной была тема нашей беседы.

-А как же! Есть! Недаром о той же самой овце говорят: хоть шуба овечья, да душа человеческая. Но это так, для красного словца, для выразительности, говорят, а на самом деле у них своя, особая, душа имеется и ум свой, вполне приличный, чтоб выживать и продолжать род свой, и законы жизни у них свои, нарушать которые они не вправе, а то все вмиг погибнут...

-Им тоже дана свобода выбора?

-А как же! – с досадой всплеснул руками дедушка, желая этим показать, что любые сомнения здесь неуместны: - Возьми, например, ту же самую собаку, у которой умер любимый хозяин, и она осталась на этом свете одна. Она поставлена перед выбором, ей дана свобода выбрать одно из двух: или умереть от голода и тоски на могиле хозяина, или повить над могильным холмиком денёк-другой, оплакать свою утрату чести по чести и убежать на помойку, питаться там отбросами и жить среди бездомных псов. Собака, подумав, хорошо взвесив, выбирает смерть на могиле хозяина, ей не нужна долгая жизнь на помойке! Разве это не

свобода выбора? Такие, брат, дела у братьев наших меньших. Это тебе не фунт изюму, жизнь – очень сложная штука, хитрейший механизм, я скажу тебе. Свобода выбора – это и дар Божий, и Его проклятие...

Пример с собакой, добровольно выбравшей себе смерть, произвел на меня большое впечатление. Я долго осмысливал услышанное и прогонял сквозь себя все трагедии, которые мне пришлось увидеть за последние два года, а потом, подытожив, вдруг выпалил:

-Скажи мне, а почему Бог такой злой? Чем Его обидели те, кого Он сам же и создал?

-Кто тебе это сказал? – опешил дедушка. - Эти бабы из твоего барака? Так они же полные, что ни на есть, дуры! Запомни навсегда: Бог не злой, Он – добрый и справедливый. И наказывает Он нас только за грехи наши, плохие поступки, за то, что не желаем мы жить по закону божьему и человеческому, и даже по законам Природы. По злым грехам нашим наказаны мы Господом.

-Значит, и звери, и птицы, и рыбы – тоже грешат?

-Они... они... не могут грешить, - вдруг смутился дедушка, но тут же быстро нашел нужный ответ и рассмеялся звонко, - дурачок, ты мой маленький, да разве можно сравнивать животных с человеком?! В Писании сказано: "...И сотворил Бог человека по образу и подобию Своему и вдохнул в него Свою душу". Ты это теперь хоть понимаешь или нет?! Пойми: " по образу и подобию Своему"! Вот что главное! А животные? Они всего лишь тварь Божия, бессловесная, как вода, воздух, растение! Хотя, как сказать... Ученые жизнь вселенскую разделяют на четыре царства. Животное царство в природе – это всё, что живет и дышит. Другое царство растительное – в нём тоже всё живет и дышит, но привязано к одному месту судьбой и Богом. Третье царство ископаемое, в нем есть много того, что называется животным веществом, в котором есть части взятые от какого либо, некогда живого или жившего существа. Четвертое царство – стихийное: огонь, вода и воздух; а есть ещё пятое – царство невесомых элементов: тепло, свет, электричество. И во всех пяти царствах своя, особенная жизнь, своя энергия, бесконечно крутящая вечное Колесо Жизни. А шестое царство – это царство Смерти, царство начала и конца всему сущему. Познать его человеку невозможно, никто еще не раскрывал Книги Смерти и Жизни, не срывал с неё **шестую и седьмую печати**. Вот так, брат мой! Вот как всё сложно и мудро устроено в этом мире.

-Но зачем Бог сделал так, что человек убивает человека и животных, животные убивают других животных, сжирают их, кошки убивают и сжирают птиц, а птицы сжирают бабочек и червячков?! Все сжирают друг друга! На это страшно и тошно

смотреть. Как можно, как можно на это всё смотреть и любить друг друга? Кругом смерть и зло! Почему все такие жестокие? – взволнованно, сквозь слезы, почти кричал я.

-Почему все?! – сердито перебил меня дедушка Красивый. - Мама с папой у тебя разве жестокие? Нет! Дядя Костя, дядя Чернухин и дядя Пахом? Разве они злые? А ты сам, а Валерка, твой новый друг, а я? А твоя учительница? Неужто все мы звери? Нет! А сколько еще можно найти хороших и добрых людей, которые любят тебя! Их много, ты просто еще мал, чтобы знать, сколько в этом мире добрых, а сколько жестоких. И не смей больше задавать мне **такие** вопросы, и, тем более, другим, чужим людям? Ты мал ещё, тебе ещё рано, тебе нельзя даже задумываться о таких вещах! Понятно?!

-Почему?

-Потому! Потому, что всякому овощу своё время! Что будет со всеми нами, если дети будут знать о законах жизни больше, нежели старики? Что будет, если старики будут такими, как дети? Что будет, если яйцо станет учить курицу? Но это еще не все! Тебе опасно в этом возрасте даже изредка задумываться о тайнах бытия! Думать о них можно только тогда, когда станешь взрослым, когда начнешь приближаться к Богу, когда Он, Сам, соизволит тебя приблизить к Себе... Только тогда, да и то... и то такое право дано немногим, только избранным, просветленным высоким божественным духом, с которыми целое облако свидетелей защиты добра и справедливости, пророков-заступников.

-Но почему? Почему об этом опасно думать? Разве думать грешно?

-Да! Если человек не познал Бога, то об **этом** думать грешно! В твоих вопросах звучит богохульство, это большой грех! За него многие миллионы людей уже наказаны! За него Бог наказывает людей разумом, лишает их рассудка...

Помню, что дедушка еще что-то говорил, убеждал меня, пугал всякими божьими карами, но я не слышал его, не понимал всего того, в чем он хотел меня убедить. Уловив мой недоумевающий, рассеянный взгляд, дедушка применил другую тактику воздействия на моё незрелое сознание:

-Послушай, свет мой ясный, тебе хочется когда-нибудь стать таким как Алесь, а может даже и хуже его? Тебе хочется всю жизнь провести в доме, очень похожим на тюрьму, где всюду решетки на окнах, а двери всегда на замке, где сидят в тесных, душных камерах одни сумасшедшие, и где врачи будут делать тебе каждый день укол?

-Нет! – испуганно ответил я.

-Вот и хорошо! – почему-то обрадовался дедушка. - Тогда дай мне слово, что ты больше никогда не будешь даже задумываться

о несправедливом устройстве этого мира! Сможешь ли ты с этого дня, уже сейчас, полностью отдать все свои силы учебе и найти себе какое-нибудь интересное дело?

-Пожалуй, смогу, - неуверенно произнес я.

-Без всяких «пожалуй»! Можешь ли ты ценою нашей с тобой дружбы в этом поклясться? - продолжал твердо настаивать дедушка.

-Могу!

-Вот и хорошо! Клянись теперь дружбой нашей вечной, здоровьем папы и мамы, что не будешь думать о порядке жизненного устройства людей, до самой старости не будешь ни с кем делиться этими думами.

-Клянусь!

-А теперь поклянись, что никому не будешь рассказывать об этом страшном сне с безголовым, живым цыпленком...

-Но почему?! Это же сон.

-Сон, сон. Заладил своё. Сон, - ворчал дедушка, - знаю, что сон. Нехороший это сон, **вещий он**, вот что я скажу, - дедушка приблизил ко мне своё лицо, - давай так: ты мне этот сон не рассказывал. А тебе он не снился. Понял?

-Понял.

-Ну?

-Что ну?

-Понял?

-Понял...

-Тогда всё!

-Всё?

-Ну, всё, всё! Никому?

-Никому! Клянусь, дедушка!

-А сейчас поклянись, что забудешь всё, что я говорил тебе о Боге и о душе, что забудешь меня навсегда, как будто меня и нет на белом свете, что ты никогда со мной ни о чем **таким** не разговаривал, а я тебе ничего **такого** не рассказывал...

-А разве это возможно? - попытался я таким образом уклониться от клятвы.

-Еще как возможно, если хорошо постараться, - горько усмехнулся дедушка Красивый. И тут я почувствовал, что дедушка испытывает на крепость нашу дружбу, на душе стало горько, и я сделал свой выбор.

-Тебя, дедушка, я никогда не забуду, - дрогнувшим голосом стал лепетать я, - ты самый лучший дедушка на свете, ты - самый лучший мой друг. Ты меня всегда понимал, поддерживал, помогал, мне без тебя не жить. Ты самый умный, ты самый Красивый... Я никогда не забуду тебя, твои были и сказы, твои сказки... Я тебя дедушка так люблю, так люблю... любее быть не может... я...

буду помнить тебя... любить больше всех на свете всю... жизнь. Вот увидишь...

Я стал тихо плакать, а дедушка, растроганно обняв меня левой рукой, стал шептать на ухо:

-Спасибо тебе, мой ласковый за память и любовь, спасибо, светик! Перегнул я палку, прости старика. И не плачь, ради Бога, утри слезки, улыбнись, мы же не на век с тобой расстаемся, а просто, как говорится, как партизаны на время уходим в глубокое подполье, переходим на конспирацию. Мы будем впредь с тобой не болтать, а делом заниматься – рисованием, рукоделием, игрушки и разные безделушки вместе мастерить будем, а «философию» оставим для других умных дядь. Мне тоже с тобой хорошо дружить, приятно, что ты мне доверяешь свои тайны. Это многого стоит, поверь мне. Я ведь на этом свете один-одинёшенек остался, всех родных у меня война забрала. Вот умру я скоро, и хоронить меня будет некому, одна надежда осталась на собеса, что уложит он меня в деревянный бушлат, в казенный гроб из гнилой березы, и зароет глубоко в землю, а над холмиком вместо креста и памятника будет табличка железная с инвентарным номером. Пройдет немного времени, и станет моя могилка безымянной, как будто не рождался я на белый свет, не жил и не мучился. И сколько, таких как я, одиноких и забытых еще при жизни? Не счесть! Ты уж, светик мой, не забывай меня, помни, вспоминай хоть изредка. А будет желание и охота, перепиши в отдельную тетрадку все сказки, которые я тебе раньше сказывал, может, когда-нибудь они тебе пригодятся. Кто знает, может, и сам научишься свои сказки складывать. Кто знает... А нет, так нет. На «нет» и суда нет! А может, и так случится, что придет время, возьмешь ты эту тетрадочку и будешь вслух читать эти сказки своим детям, а даст Бог, то и внукам, и вспомнишь ты тогда меня, дедушку-белоруса, и возрадуется тогда моя душенька. Ой, как будет тогда ей хорошо, светло и радостно: вспомнили, вспомнили, наконец, и меня, грешную!

Вдруг дедушка Красивый всполошился, вспомнил что-то, вскочил с лавки, подошел к стоящему в углу обитому узорчатым железом старинному сундучку, открыл его и стал торопливо рыться в его содержимом, чуть слышно бормоча себе под нос: "Ах ты, господи, чуть не забыл. Ах ты, господи"! Видно то, что он искал, было глубоко на дне, потому что долго звенели какие-то железки, скорее всего, мелкий слесарный и столярный инструмент, шуршала наждачная бумага и звенели стеклянные пузырьки. Наконец дедушка облегченно вздохнул, вынул из сундучка холстяной мешочек, развязал его и выложил на верстак губную гармонику, глиняный свисток в форме симпатичной бычьей головы

с «позолоченными» бронзовой краской рогами и что-то еще, длинное, завернутое в бумагу.

- Вот они родимые, светик мой, и дождались своего часа, нашли своего нового хозяина, - тихо произнес дедушка и добавил ласково: - Бери, владей, это всё твоё, играй от души и свисти, пока не надоест. Гармошку зовут Мартой, она – немка, а бык-свистун – это наш парень из Беларуси, это свисток-манок для птиц.

Но я не спешил брать в руки такое богатство, и тому были веские причины: в нашей семье увлечение народной музыкой не поощрялось, в доме не было даже самой примитивной, двухструнной балалайки, не говоря уже о семиструнной гитаре или гармонии-двухрядки. Даже в многочисленном круге близкой и дальней родни не было ни одного гармониста, считалось, что все музыканты – это непутёвые, ленивые люди, алкаши и лодыри, у которых одно на уме: что мне соха – была бы балалайка!

- Ты что? Ты не рад моим подаркам? - огорчился дедушка и стал совать мне в карманы свисток и гармонику. - Бери, родной, не стесняйся!

- Я не стесняюсь, дедушка, спасибо! Но я не смогу играть на гармонике, меня все засмеют... у меня, у меня, говорят, нет слуха...

- Кто говорит?

- Все говорят.

- Все! А среди этих всех есть хоть один музыкант? Нет! Что у нас за народ такой, а? Вместо того, чтобы развить ребятенка, они сразу же ему крылья ломают: слуха нет, сноровки нет, таланта нет... Слуха нет у глухих, зрения у слепых, а ума – у дураков! Пора бы знать, что в народной музыке главное – это чувство ритма, этим, прости Господи, владеют даже животные, тот же самый заяц серенький, а вот овцы любят слушать панову свирель, им от такой музыки веселее живется, и не так страшно пастись в степи. Не слушай ты, светик, никого, а играй себе для своей души, для пташек небесных, сусликов-свистунков, для тушканчиков-попрыгунчиков и всякой прочей живности.

- Свистеть в доме нехорошо! – заметил я. - Мама говорит, что там, где свищут, там долго достаток ищут, там голодно и пусто.

- А ты, голубь мой ясный, уходи в поле и свисти там от всей души! – посоветовал дедушка, развернул желтую бумагу и протянул мне похожую на нераспустившийся бутон тюльпана кисточку с длинной, тонкой синей ручкой, - это настоящая, беличья кисточка для акварели, для водяных красок! У знакомого, настоящего художника из Витебска взял, я с ним еще при царе дружил. Хороший был художник – оригинал, фантазёр! У него в голове фантазия бродила, как брага в чане. Он уже тогда в живописи впереди всех шагал, в авангарде, значит, шел. Шагал, шагал, шагал, пока не взлетел! Его душа очень любила летать. У него на одной

картине даже животные летают! О таких говорят: неповторимый. Не знаю, жив ли он. Он давно в Париж уехал, к французам жить. Когда уезжал, то вот эту кисточку мне на память и подарил. Мне она, как видишь, не пригодилась, а тебе стодится. Возьми ее себе, рисуй на здоровье, раз Бог тебе талант дал. Кто знает, пройдет время, и ты, дай Бог, увидишь в каком-нибудь музее картины этого художника, который впереди всех **шагал**, и вспомнишь меня, грешного, дедушку из Беларуси. Кто знает...

-Спасибо, дедушка, спасибо! А вот, скажи, мне можно рисовать левой рукой?

-Да хоть ногами, хоть зубами – лишь бы хорошо получалось! - рассмеялся дедушка, склонился к моему уху и зашептал таинственно: - Только к этой кисточке, свет мой ясный, нужны хорошие, медовые акварельные краски и специальная, плотная, белая бумага – ватман. Запомнил? А это всё богатство есть у парторга Язынина. Ты у него попроси краски и ватман, скажи ему, что вместе с его сыном Валерой учиться рисовать будете, он и даст! И еще запомни: акварель воду любит, прежде чем рисовать, ватман должен быть влажным, тогда краски будут прозрачными, через них бумага должна просвечивать. От воды бумага коробится, горбатится, ватман – тоже, а поэтому ватман надо на этюдник, на планшетку, на фанерку, кнопками приколоть, чтобы поверхность ровной была. А то краска сливаться в ямки будет. Ясно? Вот и хорошо! А пока этюдником-планшеткой тебе послужит вот эта ровненькая фанерка, на которой ты, ангел мой, когда-то учился писать правой рукой. Бери, пользуйся, эта фанерка волшебная! А когда разбогатеешь, купишь себе этюдник. А пока пользуйся этим! Ходи с Валерой на пленэр, то бишь на природу, а натюрморты, по-русски – это значит «мертвая природа», не рисуй, еще рано тебе, их надо масляными красками на холсте писать. Ясно? С Валерой дружи, тебе от этой дружбы только один прок будет! Я рад, что ты ему отдал все свои игрушки. Запомни мудрые слова, не мною они сказаны: чем больше отдаешь людям, тем больше получаешь! И если у Валеры вдруг проявится музыкальный слух, отдай ему губную гармонику, пусть себе играет. Ничего не жалеи! Понял? Вот и хорошо, что понял. А пока иди, пробуй, твори! Даю тебе на это полгода, приходи ко мне с самыми лучшими акварельками, мы их вместе обсудим, а там видно будет...

Но не прошло и полгода, как дедушки Красивого не стало. Люди говорили, что он умер легкой смертью, скончался на ходу, внезапно, от «разрыва сердца». Помню, как дядя Костя с какой-то злой обидой на кого-то тихо сказал тогда моему отцу: "Этот славный дед не от старости умер, а от жизни нашей паскудной, Иваныч! Этому дедку, как крепкому дубку, еще бы жить да жить, он ведь из той старой породы, из тех, кто гнется, да не ломается.

Говорят, что он, как и наш Чернухин, в свое время большим человеком был, что он из «бывших», старорежимных, из гонимых жизнью". – "Да, да, Костик, - тихо вздыхал отец, - пока шла война, мы все нужны были, каждому находилось свое дело, какие нам блага обещали после войны за награды, а что мы получили? Наступило мирное время, и выживай, как сможешь. Сейчас мы как овцы острижены жизнью". Помню, мне тогда захотелось узнать у взрослых, что значит: быть гонимым жизнью, но вовремя вспомнил клятву, данную недавно дедушке Красивому, и смолчал.

Но до сих пор не могу простить себе, что не узнал тогда имя, отчество и фамилию дедушки, не записал её в свою заветную тетраточку, на обложке которой детской рукой было написано: «Дедушка Красивый сказал». Эта пожелтевшая от времени, ветхая тетрадка и беличья кисть для акварели – вот и всё, что осталось у меня от дедушки Красивого. Уж не помню, куда подевались губная гармоника Марта и бык-свистун, панова свирель и дудочка-сопелка, но вот каким-то чудом сохранились эти записи живых, забавных и познавательных «лекций» дедушки «для ясного светика и бурьянка-несмыслёныша», и нет им цены! Да если бы не они, разве мог бы я вспомнить так подробно о своем детстве через полсотни лет?! Никогда! Чего здесь только нет! Вот несколько страшных сказов со счастливым концом, а вот еще три были-гиперболы, среди них самая страшная – «Быль о чугунном грешнике». Далее идет рецепт приготовления салата из одуванчиков с добавлением в него соевого жмыха или жмыха подсолнечного, за ним следуют несколько мудрых изречений дедушки Красивого, одно из них краткое и выразительное: «Случай – это рука Божья». А вот запись, которую я, и сегодня, не могу читать без улыбки: «А ещё дедушка Красивый сказал, что слово «оратор» происходит не от слова «орать», что это слово не наше, оратор – это тот, кто говорит красиво. Ораторами были дедушка Ленин и грек Демосфен. Сначала Демосфен был заикой, но переучился у моря и стал лучшим в мире оратором». Далее следует такая запись: «В стране Индии – всегда лето, там есть люди, которые едят только зерно, овощи и фрукты, они, когда ходят, всегда смотрят себе под ноги – боятся раздавить червячка или муравья, для них убить, даже нечаянно, муху – это большой грех». А вот ещё несколько мудрых изречений дедушки Красивого, записанные мною без всякой системы и последовательности: «Душа и мысль летят быстрее пули и быстрее света, но мир так огромен, что и они летят к Богу очень медленно. Человек должен смеяться в лицо дьяволу и всё время творить. Только снулая рыба плывет по течению. Трудно найти в этом мире человека, о котором можно сказать: "Он умер, чтобы жить вечно"! Судьба всех людей, и малчелов тоже, записана в Книге за семью печатями, кто сорвет

шестую печать, тот узнает самое главное. Солнце – это самый огромный арбуз, а Земля – маковое зернышко, которое лежит в сотню шагов от него. Солнце – жёлтенький желточек в жуткой жизни животворный»...

Дедушка Красивый! Дедушка, ты видишь меня, ты слышишь меня? Это – я, твой светик ясный! Прости меня, что обращаюсь к тебе не по имени, а по прозвищу, которое подсказала мне душа моя. Дедушка, я прочел Книгу Книг и узнал, что написано в Книге Жизни за шестой печатью. Я разочарован. Эти знамения-предупреждения уже были, повторялись много раз. Не раз, чуть ли не сотню раз люди прятались в пещеры, уходили в пустыни и глухие дебри ждать конца света и последнего пришествия Господа в величии Его. Дрожала земля, и солнце, умирая, становилось на время черным, но конец света не начинался. Небо не скрывалось, не сворачивалось, как свиток, и всякая гора и остров так и не сдвигались с мест своих. Знамения проходили, а с ними уходил из душ людей страх и ужас, всё забывалось, и всё начиналось сначала.

Дедушка Красивый, я прочел всё, что открыл Ангел через животных своих Иоанну Богослову. Я разочарован. Неужели жизнь каждого простодушного, доверчивого человека – это сплошная череда сладкого обмана, пустых посул и сплошного надувательства? Неужели этот великий Обман становится нашим крестным отцом уже в самом начале жизни? Неужели Кто-то с каким-то изуверским наслаждением изначально обманул нас ещё в нежном возрасте и продолжает всю жизнь лгать, обещать и обманывать? Неужели Ложь и Обман, Хитрость и Коварство изначально правят миром людей? А раз так, то тот, кто восстает против законов животной человеческой природы, обязательно должен погибнуть от рук тех, кто живет по её законам? Неужели вся наша жизнь – это Кем-то плененная жизнь, которая и является по-настоящему трагической прелюдией к Вечности? Неужели все мы, ныне живущие, являемся всего лишь экзотическим добавлением к мрачному меню мирового Падальщика, жадно пожирающим трупы своих детей? А как быть тогда с нашими бессмертными душами? Кому они нужны *здесь и там*?

Здесь всякая живая тварь Божья насыщается «от всей души» трупом своей жертвы и сама, вместе со своим «душевым миром», неизбежно становится чьим-то обедом. Здесь души являются некоторым добавлением, своеобразным соусом к бифштексу с кровью, как небесные звуки Сен-Санса и Грига в роскошном ресторане...

А *там*, в иных сферах бытия, как там используются наши души, среди новых, молодых звезд и умирающих, старых светил,

черных дыр и шаровых скоплений? Я разочарован. Не знаю почему, но мне не так уж и хочется услышать ответ. Пусть этот один из «вечных» вопросов останется еще на две тысячи лет без ответа и пусть продолжает он вечно испуганно тяготеть над миром. Я буду до конца спокойным и равнодушным, мне это уже не интересно. Почему? Не знаю. Может быть, потому что устал жить и перестал удивляться. Почему? Долго рассказывать. При встрече расскажу. Уверен, что ты меня поймешь, ведь ты всегда был и навсегда остался моим настоящим другом.

Дедушка Красивый, видишь, я иду к тебе, я уже вышел. Долог, ох, долог путь к тебе, а ещё длинней путь к Богу. Я вышел, я шагаю, шагаю, шагаю и скоро, скоро взлечу. Долог путь до маленького, вечного дома, до милого порога моей покойной мамы, всех родных и близких, всех которых помню и люблю.

И что это за свист и шорох, что за чудные звуки льются с небес и отовсюду? То ли это ветра свист, то ли падает осенний лист усталой акации, то ли суслик свистит, прощаясь с летом, то ли бык-свистун заманивает к себе, улетающих на юг птиц?

Я начал длинный путь, я буду бороться, надеяться, ждать, пока не наступит счастливое свидание с вами, мои родные: дядя Паша, дядя Ваня, дядя Костя, тетя Вера, дедушка Иван Алексеевич, дедушка Алексей Анисимович, бабушка Лена и бабушка Федора. Это вы, каждый из вас, по мере своих сил и скромных возможностей, помогли мне прочесть эту тяжелую, как свинец, Книгу Жизни.

Дедушка Красивый! Я начал свой стремительный долгий путь. Плавно, неслышно шагаю я по земле маленьких человечков, но стопы мои не оставляют на ней свой след. Я иду и плыву, как идет Христос к народу на знаменитой картине художника Иванова. Подо мною медленно проплывают станицы и города, озера и реки, бескрайний степной простор, правильно разделенный на квадраты лесозащитными полосами. Как быстро я лечу? Не знаю. Всё – относительно: и скорость, и время, и масса. Ты же сам мне когда-то говорил, что даже скорость света в бесконечных пределах Бога ничтожно мала! Но пока я доволен и этим полетом, видишь, как я легко обгоняю реактивные сверхзвуковые самолеты? Но это только начало, это всего лишь разгон на старте. Настоящий полет начнется там, между звездами...

А пока я люблю степь, вдыхаю её тревожные, осенние ароматы. Уже венул, венул ветер по полю, потянул холодом голомянистый ветер с Руси. Свеваёт русский ветер, как шелуху, последних, южных мух, перевевает пыль с места на место и поет жалобно в густом колючем терновнике: сею, вею, не посею. Срывает ветер с родного места дымчатые шары перекаати-поле и гонит их дальше на юго-восток, в астраханские степи. Веется ветер

на месте, завевает вихри, срывает сухое семя поздних трав, закручивает его вместе с пылью и несет зародыши новой жизни в другие края, в день завтрашний.

Воеет ветер в телеграфных проводах, завывает, обещает скорые перемены в мире: «ш-ш-шью, шью-ю-ю но-о-о-у, ноу-у-ю, но-о-овую, шью новую, новую шью-ю»!

Что он шьет, этот северный ветер? Новое теплое, ватное одеяло для усталой, озябшей земли? Но почему новое? Кто сказал, что оно новое? Та же самая кисея серого, осеннего дождя, тот же самый белый пух первой метели, то же самое сырьё и те же самые прядильщики, ткачи и швеи. Трудятся и трудятся они как бедняга Сизиф уже миллионы лет, каждый раз, выдавая свою продукцию за новое веянье моды. Ах, эти вечные обещания нового! Обещания нового, ожидания нового – вот он питательный бульон для Великого Обмана и чарующей Тоски. Старая, очередная, недобрая сказка, которой всегда суждено быть новой.

2003-03-01, в Родительскую поминальную субботу.

Посмертно взявшись за руки...

Быль

Я тебе рассказывал, как умерла моя мама? Как это – нет? Рассказывал! Ты просто забыл. Вы, нынешние все стали беспмятными – слушаете и не слышите, смотрите и не видите, а все потому, что каждый день думаете о деньгах, в "золотых снах" пребываете. Плохо это!..

А мою маму не то, чтобы вдруг схватило и она в одиночестве померла – нет! В ее душе что-то долго-долго назревало, накапливалось, а потом – раз! – и прорвалось, как первый удар молнии шарахнул в душный день...

Она как бы сама себе приказала уйти отсюда, не дожидаясь, когда ее туда сами возьмут.. Сегодня – год, как это случилось. Был точно такой же гадкий, осенний день, тучи брюхом по земле ползли, а в квартире сумеречно и сыро, как в землянке, – целый день во всех комнатах свет горел...

Я еще в постели суставчиками хрустел, а мама уже в магазин сходила, принесла две замороженных отечественных утки, чтобы их в духовке с антоновскими яблоками запечь. Это было ее коренное блюдо. А к нам в этот день должна была дочка с мужем приехать. Наши утки дешевые, но мороки с ними - уйма; сам знаешь, обработаны плохо, их нужно заново ощипывать, пушок на газе обжигать, тщательно обмывать соленой водой, а потом начинку делать, брюхо зашивать...

А старухе восемьдесят девять годков стукнуло. Раньше этим она вдвоем с женой занималась, а как супруга моя померла, вся кухня на маму свалилась. Но мама до последнего дня ловкой была... Не успел я умыться, побриться, как первая утка уже была готова, мама за вторую взялась: стала выдергивать пинцетом из тушки черные комли перьев. Видела она плохо, даже в самых сильных очках. Да! Хоть худенькая, как высохшая былинка – душа с телом расставалась, а работала быстро, четко и чисто.

Тут и я за дело взялся – готовить холодные венгерские закуски, в этом деле я – мастак! И так, каждый из нас своим делом занимался, сколько времени прошло – не помню...

Вдруг, мама, резко, так это, как вскочит, как разжавшаяся пружина, да как бросит необработанную тушу в мойку! И туда же

пинцет и нож. Очки сорвала, да как хряснет их об пол только брызги стеклянные во все стороны разлетелись! На потолок посмотрела, и то ли соседям наверху, то ли самому господу богу, громко-громко крикнула и ногой притопнула: "Хватит! Надоело!"

Пошла в свою комнату, легла в постель не раздеваясь и не сняв обуви, и больше до самой смерти с нее не вставала. Отказалась от пищи, только воду и соки пила. Никого не хотела видеть, не хотела ни с кем общаться, лежала отвернувшись к стене. Иногда мне казалось, что ей надоело жить, что она возненавидела весь мир, а вместе с ним и меня, всех родных и близких, за исключением может быть моей дочери, ее любимой внучки... Только из ее рук она принимала питье, только ее и хотела видеть подле себя. О чем они говорили, что рассказала старуха своей внучке, мне не известно до сих пор, но я догадываюсь...

На шестой день мама позвала меня. Я вошел к ней, внутренне готовым к этому страшному последнему расставанию. Сколько в нашей жизни было разлук, но после каждой из них наступала радость встреч. Эта же разлука исключала навечно даже слабую надежду на новое свидание. Мама долго и внимательно, как-то пристально посмотрела на меня, словно узнала обо мне что-то новое и нехорошее, а потом строго, как было в детстве, спросила: «Стас, ты зачем натаскал в наш двор такую громадную кучу мусора?» - «Ты о чём, мама? Какая гора мусора? Да в нашем дворе, чисто, как в больнице! У нас дворники лучшие в районе, нашем дворе утром фантика не найдешь!» – «Ты, Стас, знаешь, о какой горе Мусора я говорю. Сожги ее немедленно! Ты меня слышишь, сожги!».

Сказала, закрыла глаза, глубоко вздохнула и затихла... Тогда мне казалось, что она бредила перед смертью, а сейчас я так не думаю, и знаю, какой мусор она имела в виду. Мусор нашего прошлого. От него нам ещё долго придётся страдать, детям нашим и внукам.

Он на минуту смолк, достал дрожащими руками пачку "Беломора", закурил. Раньше, как я помню, он курил только "Герцоговину флор"... От Москва реки потянуло сыростью, запах прелых листьев и прелой коры лип накатил бодрящей волной и на миг перебил ядовитый дым дешевой папиросы.

- Жизнь мамы была сплошным выживанием, вечным ожиданием войны и голода. Ее годы прошли в очередях за дешевыми продуктами, солью и спичками. Наша квартира десятилетиями была добротным филиалом музея Министерства пищевой промышленности СССР - антресоли, встроенные стенные шкафы, туалет ванная, кухня и балкон были забиты ее запасами - приоткрываешь дверцу и на голову сыплется манная крупа или сахарный песок. Под ее диван-кроватью в мешочках годами

спекались в груды и в камень дешевая карамель мармелад и пряники... на каждом пакете, коробке, банке и мешочке она химическим карандашом писала свою девичью фамилию и дату приобретения каждого продукта.

Ее запасы отображали историю международных отношений нашей страны: войну в персидском заливе и Афганистане, в Никарагуа и Египте, Карибский кризис, события в Чехословакии и Венгрии. Из магазинов она приходила уже под вечер, измотанная, с еще не остывшей агрессией толпы, с зарядом горячей ненависти к торговцам, к властям и системе вообще.

Я пытался бороться с ее болезнью, но бесполезно.

- Мама, угомонись, прошу тебя, – неужели в доме жрать нечего?! Все холодильники, и углы забиты продуктами – всё гниет, плесневеет, пропадает»! – « Я, Стас, не могу жить, как скотина, одним днем! И дело даже не во мне и не в тебе. А в моей кровиночке-внучке, твоей дочке, я не хочу, чтобы она за кусок хлеба и шмат сала шла на панель»! - "Что за чушь ты говоришь, мама? Какая панель, какой голод? Такого уже никогда не будет, такого быть не может." - "Ах, перестань! Ты разве уже забыл голод и трупоедство на Украине в 33-ем? Тогда нас от смерти спас отец, взяв с собой в сытую Москву! Ты должен помнить: тебе тогда было одиннадцать лет!"

Я, конечно, многое помнил и помню даже то, о чем мама давно забыла ... Она никогда не любила моего отца и свое замужество связывала только с безысходными обстоятельствами, в которые ввергла ее гражданская война, с одиночеством нищетой, голодом.

Она никогда напрямую не винила отца, что он в тот страшный год воспользовался беспомощностью бедной девушки-сиротки. Нет, в ссорах с ним, она винила прежде всего саму себя, но это самобичевание еще более кололо сердце отца: "Я, как самая последняя вокзальная шлюха, продалась тебе за две воблы, шмат сала и краюху хлеба! И разве возможно было родить нормального ребенка от таких, как ты, и тебе подобных, наследников Каина и Хама, в тифозном голодном году, среди груд трупов и луж крови?" - язвительно выговаривала она ему, а он сидел молча уткнувшись в тарелку, багровел и играл желваками...

Она была из старинного дворянского рода Буруновых из Оренбургской губернии, а он из бедной еврейской семьи и Гомеля, гимназист-неудачник, которого новая власть сделала большим человеком в Поволжье. Там я и родился в 1922 году, когда был пик голода, когда красные отряды Наума Беспощадного и Феликса Свириного прогнали белых за Волгу...

Отец любил мать, многое ей прощал, понимал, что она психически больной человек. Она своим дворянством здорово подпортила ему анкету и во многом мешала его партийной карьере,

особенно в 30-е годы, во время партийных чисток. Из за нее он был на краю гибели несколько раз. Она была яркой антисоветчицей подстать нынешнему Солженицину, но надо отдать ей должное - свою ненависть к власти она выражала только дома, на кухне, когда не было гостей, и тем более детей...

Но бывало болезнь на время оставляла ее и это были времена семейного счастья и покоя. А когда жена родила мне дочку, то старуха всю свою не до конца растрченную любовь и нежность выплеснула на внучку, полностью взяв на себя ее воспитание.

Она панически боялась, что "крошка-кровиночка" может повторить страшную судьбу бабушки, а поэтому ее попытки обустроить внучке прекрасное будущее были, в основном, нелепы, а иногда трагичны. Но при всем этом, она, отдав, точнее, привив дочке свои лучшие качества, сумела подготовить ее к замужеству на вполне высоком уровне...

Моей супруге, увы, таких замечательных воспитательных и образовательно-культурных качеств не было дано. Старуха настолько вошла в роль мамки-воспитательницы, что принялась производить строжайший отбор потенциальных женихов для своей "крошки-кровинушки"! Притом, отбор был настолько жесткий, что реально назревала опасность увидеть нашу дочь старой девицей. Однажды я не выдержал и вмешался в этот, на любой взгляд, неестественный, дикий домостроевский отсев.

И для этого у меня была весьма веская причина: в ту пору за дочкой весьма активно и с серьезными намерениями ухаживал очень приятный из очень приличной семьи потомственных чекистов, сын моего приятеля-полковника КГБ...

Тайком от старухи я всячески способствовал сближению влюбленных и шел на все хитрости и тонкости, которыми овладел во время своей службы в органах. Дело уже шло к свадьбе, но прозорливая мама вмешалась провела разведку, изобличив и разоблачив мое вмешательство в это молодое щекотливое дело и ... все расстроила!

Это был самый крупный мой скандал с мамой. Психически больная женщина, притом неизлечимо больная, она все перевернула с ног на голову: "Стас, не пытайся путем династического брака, через семейственность, продлить карьеру. Во-первых, это подло, во-вторых, тебе уже надо, наконец понять, что большего тебе твоя Система уже не может - она выпила из тебя всю кровь! Ты ей больше не нужен! И перестань, ради Бога, морочить голову нашей девочке сказками о благополучных отпрысках "славных" рыцарей щита и меча. Прошу тебя - живи этой ложью сам, но девочке не ломай судьбу! Не угомонишься - пеняй а себя. Я расскажу о подвигах твоих "мужественных" соратников, как они ночами, вооруженные до зубов шли арестовывать наших соседей, сонных

стариков-академиков и профессоров, как выбрасывали на улицу их детей и внуков; как они драпали в 41-ом из Москвы, как они гнали невооруженных ополченцев на верную гибель, как они затыкали мясом рядовых дула немецких орудий! Я ей поименно назову, всех и мертвых и живых, исполнителей и руководителей! Слышишь! Назову всех твоих дружков, особенно тех, чьи сыновья сейчас заделались бандитами, мошенниками и банкирами!

Как видишь, мама меня видела насквозь – это ей, а не мне надо было работать в кадрах Госплана! Особенно она неистовала, когда дочь, по моей тайной наводке, вышла замуж за солидного таможенника. Конечно, между нами говоря, солидное место и звание в Московской таможне моему зятю сделали мои друзья-чекисты, без них ему, бедолаге, пришлось бы зарабатывать звание полковника где-нибудь в Чечне, или Таджикистане... Тут мама права, действительно действительно классический советский блат, но что ни сделаешь, ради единственной кровиночки. Зато сейчас дочь крепко держится на ногах, открыла свою фирму, бывает за рубежом, видит мир, думает издавать вою газету, а главное, как я считаю, избавилась от вредного влияния безумной старухи, которая явно стремилась сделать внучку старой девой, синим чулком, не способной продлить род.

Да к тому же, старуха совсем умом повредилась – стала отдельно питаться от нас. К продуктам из моих госплановских заказов она давно не прикасалась, еще с середины семидесятых... Иногда, хлебая жидкую кашу, ядовито спрашивала меня, планирует ли Госплан отправку продотрядов в Поволжье, на Дон и Кубань, сетовала, что так рано умер наш отец, так и не увидав "коммунистического рая" для особо избранных бездельников и паразитов.

А нам тогда к праздникам давали шикарные заказы, такие же как в доме на набережной! Сплошные деликатесы черная икра, осетровый балык, крабы, мороженая севрюга, жареные миноги, угорь горячего копчения, парная телятина и даже свежая знаменитая сурская стерлядь и горная форель... Из спиртных напитков по внутренней цене - вина фирмы "Абрау-Дюрсо", выдержанные молдавские, армянские и грузинские коньяки, шампанское медальное из крымских подвалов...

Ах, что говорить! Помню, на 7 ноября был накрыт богатый стол, были приглашены друзья и коллеги по работе в Венгрии. И вдруг, о ужас, в самый разгар вечеринки, после изысканных холодных закусок, моя безумная мама вносит в комнату своих запеченных с яблоками уток, тех самых, что по рубль тридцать... - Угощайтесь, гости дорогие, уточками из нового Маутхаузена!" Позор, скандал!!! С тех пор я на этихдохлых уток смотреть не могу. А она их жарила и жарила до самой смерти.

Моего зятя – таможенника в упор не видела, однако регулярно потчевала утятинной, а когда он с дочкой уходил, спрашивала меня: "Скоро твой Чичиков начнет скупать наши души? Не скопил он мертвых на таможенную нужную сумму»?

А я честно говоря, только недавно узнал, что гоголевский Чичиков служил на таможене, где на взятках сколотил нужный для аферы капиталец... Из года в год мама становилась не выносимей. Когда еще был жив отец, он ее удары принимал на себя, а мне часто говорил: "Ты сынок, маме не перечь, не задирайся. Отчасти и мы с тобой виноваты в том, что она такая..."

Так то оно так, но очень тяжело жить со стариками и мало кто из них доживает до преклонных лет в здравом уме и рассудке. Многие годы я не мог дома нормально и спокойно завтракать и ужинать - мне кусок в горло не лез, когда, открыв дверь на кухню, она спрашивала: "Стас, а Стас, хороша ли колбаска из крови народной с ленинской горчичкой и сталинским перчиком? Кушай на здоровье, сынок - приятного тебе аппетита!"

И почему-то мою работу в Госплане она считала синекурой, а меня хроническим бездельником. А между тем, моя должность была сучьей, сидел и там, как дворový пес, на привязи около берлоги своего хозяина.

Ты думаешь, легко было готовить "объективки" на новеньких назначенцев?! Черта с два! Иногда работа в КГБ такие материалыцы на какого-нибудь Чичикова подбросят, что на голове волосы дыбом встают! Вот и мечешься целый день по кабинету, как Буриданов осел между двух копен сена! А вдруг этот тип - протеже самого Брежнева, может он его кум, сват, брат и от тещи десятое колесо!?

И в то же время не хотелось и шефа подводить, напускать на его глаза розовый туман, ведь сей документ недаром называется "объективкой". От слова "объективность", т.е. непредвзятость...

Пока напишешь этот чертов документ, семь потов с тебя сойдет. Целый день - сплошной стресс... и если б не буфетчица Клава с пятого этажа с ее регулярными ста граммами коньяка и шоколадной конфеткой – быть бы нам всем клиентами клиники Кащенко!

Зато в те годы я буквально обжирался на частных и сверхобильных приемах посольства соцстран и СЭВ. Ел много, жадно, и что скрывать, неряшливо, сказывалась дурная армейская привычка, пережитая вместе с мамой голодовка на Украине, ну и конечно же, всю расшатанная нервная система... Помню, в торгпредстве ФРГ одна смазливая немочка, безрезультатно соблазнявшая меня своими крутыми бедрами, не выдержала и сказала: "Станислав! Что ты все ешь и ешь, хотя бы поговорил со мной, потанцеваль, мне оччень, оччень скушно!"— «Ах, ты думаю, стервь немецкая, тебе, видишь ли, скучно, а я вижу - тебе

моя информация нужна! Но не на того она напала, я все-таки, как ни как, а считай почти четыре года проработал под началом Юрия Владимировича Андропова, а это, ой-ой-ой, какая школа... Всем твоим университетам Университет! Не купишь, Гретхен, меня своими крутыми бедрами, у русских баб они по круче! Хотя, конечно, в западных девках что-то особенное есть...

Он снова закурил, уже третью по счету папиросу, решив в этот день плюнуть на свое драгоценное здоровье, самодовольно развалился на скамейке, раскованно, по-западному, положил ногу на ногу. Черты лица разгладились, на гладко выбритых щеках заиграл юношеский румянец, исчезла с глаз поволока печали, в них появился стальной отблеск, а в голосе зазвучали властные нотки:

- Что ежишься? Холодно? Экие вы, молодые, все пошли квелые и изнеженные! А может тебе мой рассказ неинтересен и тебе скучно? Тогда так и скажи честно, и мы расстанемся - я в обиде не буду!

Вам, нынешним, подавай что-нибудь новенькое, скандальное, с гнильцой, какую-нибудь чернуху о Лаврентии Павловиче или об Абакумове... Но всему свой черед!

Сегодня модно попусту болтать о "злодеях эпохи". Вон сколько развелось сегодня писателей-воспоминателей, такое городят, что и с большого бодуна не выдумаешь, и все как один ссылаются на архивы.

Как кроты, все роют и роют горы бумаг, а истина от них ой как далека! А между тем уходят современники, вымирает старая гвардия, а самые главные архивы давно сожжены в печах крематория Донского монастыря. Да и сам по себе документ, если это не строгая объективная статистика, ничего еще не значит.

Его истинную суть может расшифровать только участник событий, например, такой как я, а мне, смею тебе заметить, на большие события всегда везло. Я даже в Венгрии, куда меня за маленький проступок ЦК партии отправил в почетную ссылку, умудрился стать весьма важным и активным свидетелем буржуазного путча. В июне 1953 года я был откомандирован в город Печ, что на юге страны, у отрогов гор Мечек, где в 20 километрах от югославской границы находились урановые и медные рудники, охрану и безопасность которых мне и было поручено осуществлять. По прибытию в Будапешт, как и положено, меня отвезли в советское посольство для представления послу Юрию Владимировичу Андропову, где я впервые познакомился с Яношом кадром. Тогда он был еще председателем венгерского правительства и курировал горно-рудную промышленность... после путча мы с Яношом сдружились еще больше... Я ему понравился с первой встречи, он мне тоже, и я тал часто бывать у него дома, когда по делам службы приезжал в Будапешт и Печа два раза в месяц... Венгрия маленькая страна: от урановых шахт до столицы на

машине три часа ходу. Изложу в устной форме все о проделанной работе Юрию Владимировичу, отдам в шифроотдел посольства секретные документы и... к Яношу домой, отдохнуть маленько, расслабиться за токайским вином "асу" или "самородни".

Их Янош только и пил, а когда разлил вино в бокалы, всегда произносил новый тост. Я запомнил один, самый первый: "дорогой Станислав! Международная дружба складывается и всегда начинается с дружбы двух людей разных наций. Пусть залогом нашей дружбы станет кровь венгерской земли - токайское вино - король вин и вино королей! Вот, как красиво умел говорить Янош!

А вот его выступления на партийных формах были скучными и однотипными! Увы, дорогой друг, политика исключает поэзию и романтические порывы души! Четыре года, прожитые в Венгрии, были, в моей жизни пожалуй самыми яркими, интересными, это было время моего расцвета и, как это ни странно звучит, моей внутренней свободы!

Я на долгое время был избавлен от морального пресса больной мамы, которая постоянно стесняла мою самостоятельность, мешала политической карьере, убивая мою энергию и целеустремленность устаревшими принципами, постоянным напоминанием о необходимости какого-то дурацкого покаяния. В этом плане весьма подходит изречение из Библии: "Домашние твои - враги твои!"

А еще, там в Венгрии, я был доволен относительной независимостью от обитателей нашего посольства, от душной тотальной взаимной слежки и постоянного подсиживания. И если быть объективным (а я всегда стараюсь им быть) в нашем посольстве, кроме Андропова и его пресс-атташе Крючкова, мало было симпатичных людей...

Что лыбишься? Не веришь? Ах, ты спрашиваешь, ни этот ли самый Крючков? Да, он самый! Да, шеф КГБ и один из руководителей ГКЧП, узник Лефортово! Ну, и что? Жизнь не такие фортели с нами выбрасывает. И уж поверь мне, я мамой родной клянусь, Крючков - порядочный человек, коммунист твердых принципов, верный ученик и соратник Юрия Владимировича!

Ну, да ладно, опять я свою "объективку" сочиняю! Так вот, о городе Пече... мне нравилось жить в этом тихом старинном городке. Он был основан римлянами две тысячи лет назад, а 1009 году первый король Венгрии иштван для упрочения своей власти принял христианство, основал в Пече епископат и построил на останках римской базилики кафедральный собор, а в 14 веке, когда наши предки еще под татарскими задницами сидели, был основан университет. Хороший такой тихий культурный городок, аккуратненький, чистенький, маленький, со своим местным театром с известной всему миру балетной труппой! А что стоят фарфоровая и табачная фабрики!

Жил я в самом центре, между Собором и Мечетью, напротив дворца князей Ракоци, который вызывал и до сих пор вызывает много разных волнительных воспоминаний. Жил я по тем временам роскошно, но как мне объяснили, этот царский быт должен быть немного компенсировать мою страшную тяжелую и ответственную работу. Как я уже тебе говорил, урановые рудники находились рядом с югославской границей, а отношения между Тито и Москвой оставались еще весьма прохладными.

Магьяры свою границу охраняли плохо, страна буквально кишела шпионами и диверсантами, в воздухе носились миазмы контрреволюции. Вскоре я был срочно вызван в Будапешт - в городе вспыхнул бунт, а точнее говоря, вооруженный переворот. Потерять Венгрию для нас значило тогда и потерять важный источник обогащенного урана в то самое время, когда началась бешенная гонка за ядерный паритет!

Именно в эти решающие дни наше посольство в Будапеште посетил товарищ Микоян. Каждому руководителю наших служб, независимо от их назначения, необходимо было изложить Анастасу Ивановичу в устной форме суть своего вопроса в течение одной минуты и не более. Поднялась паника и все бросились составлять черновики своих выступлений, и только я один избрал свой метод подготовки - вышел во внутренний дворик посольства и стал в уме составлять доклад, сверяя его с бегом секундной стрелки наручных часов... перебирая множество вариантов, ходил кругом, курил, курил и курил... и не знал, что из окна комнаты отдыха меня заметил Анастас Иванович. Об этом мне позднее рассказал с легкой долей иронии и юмора сам Юрий Владимирович.

- "Юрий, - спросил его Микоян, - что это за подозрительный тип все ходит вокруг клумбы, непрерывно курит и на свои часы посматривает? Не подложил ли он случайно под нас с тобой мину с часовым механизмом? Сейчас от этих венгров можно все ожидать!"
- Ваши опасения напрасны, Анастас Иванович! Это - наш человек! Это - Главный сторож наших урановых рудников! Волнуется, бедняга, готовится предстать перед Вами со своим докладом. Кстати, Вы его может быть и помните. Это он внес странное предложение в комиссию по организации похорон товарища Сталина: два вождя под одним саркофагом, под одним знаменем революции, взявшись за руки, ну и так далее..."

- "Да-да!" - сказал Микоян - вспомнил! Этим был взбешен Никита Сергеевич. Как же помню, помню. Но я надеюсь, Юрий, что этот сторож не откроет у себя на рудниках для рабочих рудников курсы по изучению и углублению идей сталинизма?"

- "Будьте спокойны, Анастас Иванович, у него столько сейчас работы, забот и волнений, что и минуты нет свободной - все силы брошены им на поимку шпионов"...

Так вот, слушай дальше. Анастас Иванович принял нас в зале приемов, с каждым поздоровался за руку. Рукопожатие такое... мягкое, кошачье, но в кончиках пальцев чувствовалась сила, эдакая магия власти. Смотри, эта рука знала руки Микояна, Андропова, Кадара, Чаушеску, Маленкова, Берии, князя Ракоци, Хрущева и многих высоких лиц... Ой, как это было давно! Даже не верится...

Ну, ладно я отвлекся, извини старика... Итак, товарищ Микоян пригласил нас за большой овальный стол. Сделал краткое сообщение о международном положении, в связи с венгерскими событиями, изложил взгляд ЦК на них, поставил перед нами задачи на ближайшую перспективу. Потом началось выслушивание наших кратких докладов в обстановке глубочайшей секретности, без ведения протоколов и стенограмм. Я уложился за сорок секунд!

Я ждал, что Анастас Иванович задаст мне какой-нибудь вопрос, но он остался доволен моей сжатой информацией, поблагодарил меня, и это, между прочим, добродушно заметил: "Я вижу вы работник - хороший, отдаете себя службе без остатка, вот только не бережете себя, очень много курите, губите себя, а партии нужны здоровые крепкие люди! Учтите мое замечание на будущее!" Улыбнулся краешком рта и сделал знак рукой: мол, садитесь! А я, футый-гнутой стою, как вкопанный, с отвисшей от удивления челюстью, ошалел вконец от удивления - настолько меня поразил острый нюх товарища Микояна: мамочка родная, да разве такое может быть на свете - сидит от меня в четырех метрах, а учуял от меня вонь табака!

А Микоян улыбается лукаво, мои коллеги от удивления рты раскрыли - ведь никто, и я тоже, тогда не знал, что он меня из своего окна видел, как я вокруг клумбы, как маневровый паровоз, носился! после отчетной части Юрий Владимирович разрешил нам задавать вопросы товарищу Микояну, но желающих было мало, да и какие вопросы могли быть? и так все было ясно, а я свой вопрос от волнения забыл. Однако нашелся среди нас один, который всю обедню испортил! Скотина такая, наглая и бесстыжая! Глупый, пустой, невежественный человек, трус и жуткий подхалим, выходец из потомственных рабов - его мать - овца, а отец баран! Бабник и пьяница, жуткий льстец, а поди ж ты, он был в нашем посольстве главным хрущевским сексетом. И вот эта мразь с порочной опухшей от пьянок и разврата рожей, задает вопрос: «Анастас Иванович? Скажите пожалуйста, каким образом вам удастся все время быть таким молодым и цветущим? У Вас кожа на щеках, как у девушки! В чем секрет Вашей молодости?»

Ухтый-гнутой! как только прозвучали эти паскудные слова, все присутствующие замерли от ужаса и стыда вжали головы в плечи. наступила зловещая тишина. Лицо Микояна побелело от гнева. Мы ожидали самого худшего...

Анастас Иванович пронзительно посмотрел на похотливую козлиную морду и резко сказал: “Надо вести здоровый образ жизни. но мой совет Вам не поможет!” Сказал, как выстрелил! через двадцать четыре часа этот подхалим был отправлен в СССР ближайшим военно-транспортным самолетом вместе со своим барахлом...

Ну, а я после этого пошел в гору и по существу стал держать в своих руках всю горно-добывающую промышленность Венгрии, хотя конечно, главным для меня была добыча урана. выражаясь современным языком, мои акции стали стремительно расти. Но в основном своей стремительной карьере в Венгрии я обязан хорошему знанию венгерского языка, без него я был бы там мелкой исполнительской сошкой и не мог бы так успешно бороться с экономическими шпионами и диверсантами... Вот так!

Он снова закурил. его руки больше не дрожали, в движениях и жестах появилась легкая артистичность. С аристократическим изяществом легким ударом мизинца отстал сбивать на землю пепел “Беломорканала”. Подул легкий южный ветерок, разгоняя сырую хмарь и обнажая яркую небесную синеву. Пустынная прежде аллея стала заполняться людьми, в основном, мамками и старухами с детскими колясками. У самой реки, под крутым обрывом зазвенели детские голоса, визги и радостный лай собак. Он докурив и небрежным щелчком метко выстрелил гильзу прямо в урну. Важно облокотился на спинке скамейки, переложил ногу на ногу, снисходительно смерил меня, как букашку-таракашку, властным взглядом и снова заговорил:

- Откуда я знаю мадьярский язык? Сам изучил! Партия приказала и я его освоил! А вообще, легкость к изучению чужих языков мои родители заметили во мне давно. И перед самой войной отец устроил меня на высшие курсы военных переводчиков, где я в срочном порядке овладел немецким и английским. К большой радости отца, мама не возражала ведь она считала профессию переводчика мирной и гуманитарной, хотя конечно, ее мечтой было, чтобы ее единственный сын стал архитектором, или инженером-строителем, ну, или на худой конец военным инженером, инженером-путейцем, одним словом-созидателем! Но вот когда в конце войны я был направлен на работу в органы безопасности, вот тогда – всё и так и не так...

Я попал в оперативно-режимный отдел лагеря для военнопленных Московского региона. Пленные возводили дома в районе метро “Сокол”, на Ходынке и Хорошевском шоссе, включая Мневники. У меня не было никакого опыта оперативной работы, но в лагере я многому научился у своих старших товарищей. Под моим началом был венгерский “сектор”, или точнее “контингент”,

который составляли кадровые офицеры фашистской Венгрии, бароны и помещики...

У моих “подчиненных” было мало надежды вернуться на родину – для новой социалистической Венгрии они явились бы опасной помехой. Они это понимали прекрасно, а поэтому их “диаспора” была весьма замкнутой и почти не поддавалась идеологической обработке.

Их девизом были три слова: “не верь, не бойся, не проси!” Во главе их “стройотряда” стояла высшие офицерские чины под руководством князя Ракоци, потомка национального героя Ференца Ракоци Второго, князя Трансильвании, который возглавлял венгров в борьбе против Австрии и установил мирные связи с Петром 1. Для венгров имя Ракоци, как для нас Петр великий или Суворов!

Ты мне не веришь? Ну и дурак!

Я тогда долго не мог понять, почему этого князя-фашиста чекисты не пустили в расход, а нянчились с ним, как с расписанной торбой. Крепким орешком оказался князь-мадьяр и раскусить этот орешек должен был я, зеленый не опытный салага, у которого за душой, кроме голодного детства, школьной зубрежки и беглого знания нескольких языков, не было. но я обладал еще одним даром – необыкновенно открытой доброжелательностью, “распахнутой” внешностью, сверхкоммуникабельностью, особенным тембром голоса с необычайно мягкими задушевными интонациями. Заговорив со мной, человек сам хотел исповедоваться.

Чекисты сразу же заметили мои редкостные данные и решили их использовать для реализации трудной операции под шифром “Князь”.

Что говорить, без их тщательной разработки этого дела, мне бы, при самых гениальных задатках, никогда бы не решить самостоятельно эту задачу. Меня снабдили “железной легендой”.

Для быстрого вхождения в легенду я в срочном порядке проштудировал историю Венгрии, быт и нравы мадьяр, экономическую географию юга страны, а также частные уроки венгерского.

Изучая историю городов и населенных пунктов, в которых жил когда-то мой “отец”, я и не помышлял о том, что через восемь буду жить в городе Чепе, в городе моей легенды. Тогда, в 1947 году странно и нелепо звучал для меня пароль, с помощью которого приводится сложный механизм по освобождению князя Ракоци: “Чтобы испечь пирог нужна печь и только Амата может его испечь!” Как часто вспоминал я этот нелепый набор слов, когда жил в Пече, на его старинной площади, где из окна своей квартиры видел окна дворца князей Ракоци.

Так вот, мне понадобилось четыре месяца упорной нечеловеческой работы, чтобы мадьярский князь проникся ко мне

доверием, почувствовал во мне “своего” человека... тогда и прозвучал этот долгожданный и странный пароль и был назван заветный московский адрес ничем не примечательного дома в районе Таганки, в котором я увидел удивительную куклу и ее божественно прекрасную хозяйку, невесту моего “подопечного” князя. своего возлюбленного она не видела с начала 1944 года, и можно представить с каким жарким интересом она расспрашивала меня о его лагерной жизни, здоровье и состоянии духа. Как она проникла в СССР, каким путем попала в столицу строгого режима, мне до сих пор не понятно!

Но любовь. а это действительно была великая любовь не признает никаких границ, даже таких крепких, какой была наша... Хозяйка была исключительно радушной и не по времени чересчур хлебосольна. Чувствовалось, что эта женщина не имеет нужды ни в чем... Ее ответным паролем оказалась... кукла Амата, что в переводе с латинского означает “любимая”. Это старинная, конца прошлого века, паселиновая кукла, голова которой сделана из фарфора, а туловище из папье-маше, парик из натуральных волос. Ее одежда, прическа, туфельки, чепчик отображали народный костюм Австро-Венгрии.

Короткая вышитая рубашка со сборками на плечах с широкими рукавами, очень широкая и короткая юбка, собранная у талии в сборку, а под ней еще несколько тончайших нижних юбок, яркая безрукавка “пруслик”, прилегающая в талии и украшенная шнуровкой, металлическими петлями и вышивкой, и фартук!

Головка куклы была повязана пестрой лентой, концы которой были соединены бантом! вылитая мадьярская девушка, как живая! “передайте ему Амату, как знак того, что я рядом с ним. Он все поймет, когда поцелует ее и уловит запах моих волос, запах Родины, где его любят, помнят и ждут!” Ох, и намучился я с этой куклой. мне легче пронести в мужской лагерь булку хлеба, окорок и бутылку спирта, чем эту дорогую и нежную вещицу, у всех вызывающую настороженное и нездоровое любопытство... К тому того, уйма времени ушла на лабораторное исследование куклы. Да-да!

Я ее отвозил на Лубянку. Искали информацию заложенную в рисунке вышитого орнамента, в чередовании крестиков и расположении строчек в нижних юбках... работа ювелирная, напрасно смеешься! Интересной для меня была реакция на куклу князя Ракоци. Я впервые в жизни увидел волшебное превращение сурового воина и ярого фашиста в сентиментального, немного растерянного пылкого юношу. Правда, его необычное состояние длилось не долго, обстоятельства требовали быть все время начеку. С этого дня князь окончательно доверился мне.

Чтобы не навредить делу и обезопасить меня, как главного связного, он велел мне отнести Амату домой: «Я вам дарю ее. Она будет изъята у меня при первом же обыске. Грязных и гнусных подозрений я не боюсь, я боюсь другого: боюсь, что начнется расследование обстоятельств при которых смогла проникнуть сюда, в царство Аида богатая и благородная дама. Возьмите ее в знак нашей дружбы и пусть Амата принесет счастье вашей дочери. А ежели у вас родится сын, что ж, когда он вырастет большим, даст Бог, наш мир изменится к лучшему и тогда в конце нашего века Амата станет ценнейшим раритетом и будет стоить очень больших денег, станет основой его капитала...»

Князь Ракоци был взят на Зубовской площади, во время пересадки из второй машины в автомобиль одного западного посольства. В группе захвата принимал участие и я.

Все прошло мгновенно, молча без шума и пальбы, как в немом фильме... когда его вели к нашей машине, он вдруг увидел меня... Как он... на... меня... посмотрел!!! Ой, какой взгляд у него был! Мамочка родная, какой это...был взгляд!!! я не могу его выразить словами, нет таких слов! Даже у Бога! Кошм... кошм... кошмарный взгляд! До конца своих дней не забуду его глаза, как не забуду предсмертный взгляд мамы!... когда-ни-когда, никогда! Ух, дай закурю, не могу! Невеста князя была арестована без меня. Скажи мне, зачем я жил? Давай выпьем!

Мудрые чекисты проявили ко мне сочувствие, ведь они давно заметили, что я влюбился в невесту князя без памяти, и боялись, чтобы их молодой сотрудник не натворил глупостей. на их веку и не такое бывало! вот и все...

Так был предотвращен венгерский путч, намечаемый разведками Запада на весну 1950 года. именно князь Ракоци, как национальный герой, и должен был возглавить его, придать фашистскому вооруженному перевороту окраску национально-освободительного движения. кукла до сих пор сидит в кресле у меня в комнате. И сейчас когда я остался совсем один, часто с ней разговариваем и вспоминаем прошлое.

Появление Аматы в нашем доме вызвало очередную бурную истерику мамы: «Стас, я не верю, что кто-то тебе, взрослому мужику, подарил эту куклу! Признайся, что ты изъял и прислал ее во время обыска, что ты изъял и присвоил ее во время обыска. что ты погубил чью-то женскую душу! Я чувствую, я вижу на ней кровь! и если у тебя будет дочка, я, покуда буду жива, не позволю, чтобы моя внучка играла с ней! Слышишь, не позволю!» – сквозь слезы кричала мама – «Стас, Стас, нежели ты не понял, что ты натворил?1 Вспомнишь меня, вот увидишь, это кукла еще скажет тебе свое последнее слово!».

Здесь я не выдержал: «Мама, не карай, прошу тебя! Ты все жизнь гонишь на меня жуть, пророчишь всякие беды! Вместо того, чтобы радоваться моим успехам по службе, ты только тем и занимаешься, что угнетаешь меня морально, убиваешь во мне веру в себя и мою преданность великой Идее. В конце-концов, это моя работа – разоблачать шпионов и врагов нашей Родины! Пойми ты это наконец! Ты всю жизнь стремилась сделать из меня мещанского хлюпика и размазню-интеллигента! не выйдет!» – «Я сама вижу, что выйдет, – отвечала она, – ты всю жизнь данные тебе Богом задатки используешь на омет дьяволу! Разве не так?!»

Он достал последнюю папиросу, помял в пальцах, громко продул гильзу, а пустую пачку, резко смяв, бросил в урну. Жадно затянулся и выпустив струю ядовитого дыма мне в глаза, зашептал зло, с надрывом:

– Мне всю жизнь не везло! Я всегда опаздывал или опережал события, ставил на тех фигур и работал, как вол, не на тех людей. Они или рано умирали, или преждевременно теряли власть...

Знаешь, почему меня шугали в ссылку на урановые рудники? Уж, конечно не за пьянку и за моральное разложение, и не за провалы и ошибки в работе! Здесь у меня всегда было железно. в ту пору, когда был жив Вождь, я считался самой светлой головой в его новой гвардии, которую он готовил для второй волны Мировой революции, для последнего удара по Западу!

Меня пнули под зад коленом за верность идее! Да-да, я оказался в опале... из-за похорон Сталина! Когда его набальзамированное тело укладывали в Мавзолей, я, молодой и горячий дурак, нарушив священные правила номенклатуры, через голову своего начальства, лично вышел на членов комиссии по захоронению товарища Сталина с предложением положить тело Хозяина рядом с Лениным под одним саркофагом, под одним красным знаменем, чтобы они лежали, как родные братья, взявшись за руки...

Посмертно взявшись за руки! Да-да! Именно так! Левая рука основателя лежит в правой руке Хозяина! В этом бы и заключалась главная мысль моего рацпредложения: великая коммунистическая идея будет жива и несокрушима до тех пор пока идут над миром взявшись за руки два наших великих Учителя, два Вождя! какой великий символ заключался бы в этом! **Но, увы, меня не поняли.**

Громче всех на меня орал Хрущев: что, мол-де за нелепая идея, что, мол он, не позволит ломать традицию, что, мол, у покойников руки должны лежать на груди, у самого сердца... и вообще, кто я такой и откуда вылез, кто позволил мне такую наглость.

Но я не промолчал, а сказал, что эту идею мне подсказало сердце партийца и моя комсомольская романтика... Эти мои последние слова и шутка Лаврентия Берии спасли мне жизнь... Я

должен был все начинать сызнова... Помню, когда собирал свои вещички, чтобы вылететь самолетом в Будапешт, мама не удержалась и назидательно сказала мне: «Теперь ты убедился, что эта система – гадина, часто меняющая шкуру? Будешь теперь знать, в какую вонь может вылиться реанимация линяющей Идеи».

Вот как провожала меня мама на венгерские рудники! Вместо положительных в таком случае, материнского напутствия и благословения, она, как всегда, стала пророчить разные грядущие беды и напасти! В такой семейке, какой была моя, сложно не стать суеверным, и постепенно страх перед неумолимым роком и Судьбой стал овладевать мною.

Мама при ее болезненной впечатлительности обладала необъяснимым даром предвидения и почти все ее предсказания сбывались. Хорошо помню жесткий мамин ответ на предложение отца эвакуироваться из Москвы в октябре 41-го года: «Никуда, ни в одно отхожее место, я отсюда за твоей вонючей системой не поеду! Москву и Россию спасут от немцев своей кровью миллионы беспартийных! Я уверена в этом! Скоро наши солдаты погонят немцев в их Вальхаллу! Сказала – как отрубила! Так оно и вышло. Я был тогда под большим впечатлением...

Вот почему мой отъезд в Венгрию был для меня спасением... Работа за рубежом не позволила мне стать безвольным фаталистом!

Он вдруг смолк, гнев и злоба оставили его. Теплый ветер вконец разогнал последние лохмотья туч, и серый тусклый мир преобразился в золотом сиянии дня в великолепный величественный солнечный храм. Не хотелось говорить и не хотелось слушать...

– Ты пойми меня правильно, я не хочу винить во всем маму. Неудачником я себя сделал сам. Мама здесь ни при чем! Ведь споря с отцом и со мной, она спорила с советской системой. Это я понял, когда недавно разговаривал с Амайей... Система сломила маму, как элитную, парниковую розу, но оставила жить, как бурьян, плодоносить как репейник! С этим мама не могла смириться до конца своих дней! А дар предчувствия у нее был всегда, и он часто спасал ее.

Когда отец с красным отрядом умчался на юг бить Деникина, она сделала мудрый для своих лет – в 22-м году со мною на руках перебралась из Поволжья на благодатную украинскую землю, под Черкасск, где в совхозе имени Коминтерна работал ее давний родственник. Вообще украинское детство вспоминается мною каким-то сумеречным сном. Самым ярким событием которого была, пожалуй, моя первая в жизни встреча с отцом. Он нашел маму через десять лет! Удивительно, непонятно и фантастично! Правда, мама

говорила мне, что он не думал искать нас, что якобы их встреча была случайной в конторе совхоза. Может быть, может быть...

Но как я был счастлив, когда узнал, что приехавший в наш край из Москвы грозный оперуполномоченный по хлебозаготовкам Михаил Яковлевич Голот, и есть мой родной отец. Мама дала согласие на оформление гражданского брака, но с одним условием: она оставляет за собой свою девичью фамилию! “Согласна ради сына, – сказала она, – но слово “голод” вызывает у меня патологический ужас, и я ни за что не буду носить твою страшную фамилию”. Дело в том, что секретарь московской парторганизации в партийном билете отца заменил по простоте душевной букву “т” на “д” и получилось “голод”. И смех и грех! Родители зарегистрировали брак в 33-м году, отец своим благородным поступком спас нас от голодной смерти. Запоздай он на месяц, нас не было бы уже в живых. Почему? А потому... что к этому времени стали умирать от истощения даже работники совхоза.

Местные власти в целях экономии пиломатериалов запретили вообще делать гробы, и плотник из Белоруссии, дедушка Красивый, остался без своей основной работы, а соответственно, не мог больше кормить меня, как своего подмастерья.

Мертвых стали закапывать в траншеи голыми, как дохлый от сибирской язвы скот в скотомогильники. Дедушка Красный сделался печальным и перестал рассказывать мне свои забавные байки. А когда, зимой, я увидел его, несущим домой на варево, словно полено, мерзлую девочку моих лет, я перестал считать его Красным и стал избегать встреч с ним.. Вот так, дорогой друг, мы жили! но вот из самого-самого раннего детства почти ничего не помню, кроме одного... помню какую-то темную комнату и в ней я один-одинешеник а с потолка невидимого мной падают страшные капли: “Капу-ляпу! Капу-ляпу!” Как мне потом объяснила мама, это были в моей жизни самые первые слова! Оказывается я родился хилым болезненным мальчиком, все время кричал, не переставая, кричал и кричал. И чтобы как-то отдохнуть, мама закрывала в хате окна, подвешивала в темноте к потолку мокрую тряпку а под нее ставила ведро с водой...

Звенящие жуткие звуки насмерть пугали меня, в ужасе я замолкал и молчал до тех пор, пока звенели в темноту невидимые капли. Так встретил меня этот безумный и жестокий мир. Капу-ляпу! Капу-ляпу!

Из неподалеку стоящей от нашей садовой скамейки, церкви, после заутрени, стали выходить прихожане. Резкая смена погоды от хмурого утра к солнечному полдню вызвала у них радостное оживление. Станислав Михайлович посмотрел холодно на расходящуюся по домам благостную толпу и его лицо исказила презрительная улыбка.

– Посмотри, посмотри на них, какие они одухотворенные, – ехидно сказал он, – сбагрили богу свои грехи и мерзопакости.

А вот этот, смотри, в длинном белом плаще в черный “Мерседес” садится... Сейчас покатит в свой офис, но скорее, к любовнице. Нет, это не поп, это бизнесмен. У попа “Волга” последней модели. Я рядом живу и все про всех знаю! После дня поминовения я в церковь не ходил. Сам знаешь, я ведь ярый атеист, но в годовщину маминой смерти, что-то кольнуло меня в сердце, и решил зайти сюда чтобы три свечи поставить перед иконами в память мамы и папы, а третью, на всякий случай за свое здоровье перед иконой “Утоли моя печали”. есть здесь такая древняя – перед ней еще сам царь Борис Годунов молился.

Ну, ладно, захожу, значит, как положено шляпу снимаю, покупаю свечи, а вот нужные мне иконы найти не могу. Вот беда! высмотрел одну солидную в черном старуху и шепотом ей на ушко прошу ее проконсультировать меня по этому вопросу. А она. крыса церковная, прислужница поповская, шипит мне в ответ, как змея заземленная:” Почаще в церковь ходить надо, тогда все иконы будешь знать! Ах, ты, гадина, думаю, святая Магдалина-распутница, ах, футый-гнутой!” – и ей в ответ, но уже громко, чтобы все овцы христовы слышали: “Дура ты и больше никто,- говорю, –хоть ты и сутками молишься. Из-за тебя сегодня твой поп самого ценного прихожанина потерял навечно!” И ушел домой. накрыл в большой комнате поминальный стол, зажег свечи, усадил напротив, в кресле, Амату, и высказал богу все, что думал о двуногих тварях, созданных им из глупой обезьяны по образу и подобию своему!

А потом стал говорить с мамой, с ее душой, но нужных слов, к глубокому своему сожалению, не нашел... Заплакал тихо и все время твердил, как а своем раннем детстве, когда набедокуришь и не знаешь как исправить свой непоправимый поступок: “Мама, прости! Мама, прости! Мама, прости!” А потом открыл бутылку старого доброго коньяка, под который и прошел в беседах с Аматай весь вечер. Она хоть и молчунья, но добрая благородная слушательница, ведь в ней две женские души заключены, она, как намеленная церковь, пропитана нежной любовью двух мадьярок – дочери и матери! И кому как не Амате можно излить душу?” “Амата! Амата! – говорил я ей в тот поминальный вечер, – хоть и говорят мудрые люди, что любовь сильнее смерти, но поверь мне, старому болвану, –Власть крепче любви! Это факт, амата, и с этим ничего не поделаешь! А поэтому пойми меня и прости!” О многом я тогда поведал Амате. о том что никому никогда не скажу! Ну, ладно, заговорил я тебя сегодня, брат! Ты даже лицом как-то осунулся. Ты уж извини, если что не так! Слушай, ты бы зашел ко мне домой, а? Когда-нибудь. Мы бы неплохо провели вечерок. ты

же знаешь, где я живу. Я познакомлю тебя с Аматай. Она хорошая девочка, воспитанная, из благородной княжеской фамилии Ракоци!

А какая красавица! Как ее мои коллеги называли? Пароль-фетиш! Вот так! Кстати, амата – единственная фигура в моей жизни, которая не подтвердила мрачных предсказаний моей больной мамы. Не врагом стала мне Амата, а единственным верным другом и собеседником, цветочком аленьким в пещере моего одиночества!

Тут он посмотрел на часы, цокнул языком и озабочено заметил: – Однако, заболтался я с тобой. Пора мне идти варить овсянку из маминых стратегических запасов! Жаль, дружище, жаль, мы славно провели время, но пора, что поделаешь!

Он весело вскочил, стал делать приседания, размахивать руками, делать глубокие вдохи и выдохи, разгоняя застоявшуюся кровь и вентилируя легкие. Вскоре его щеки покраснелись, в глазах появились веселые лукавые огоньки:

–Смотри, как сегодня погода на славу разгулялась! А теплынь какая, и небо по-весеннему голубеет, солнышко какое ласковое. Красотища! “Слушай,– он озорно рассмеялся, – слушай, а может не будет зимы? Может чудесным образом нарушится строгий черед времени года и будет вечная весна, а мы с тобой будем молодыми и бессмертными, как боги? Вот было бы здорово!

Он, по-мальчишески задорно, хлопнул меня по плечу:

–Не кисни! Прошу тебя! Экий у тебя умный вид, как у мокрого цыпленка. Не вешай нос. Мы с тобой и не такое пережили! Ты, вот, что – позвони мне денька через три и приходи ко мне... Я тебе расскажу такое, что закачаешься, настроение быстро поднимется. Я тебе царский подарок сделаю, отдам свои дневниковые записи за последние 30 лет. Там такое, что и Конан-Дойлу не снилось. А на кой они мне, скажи на милость? А тебе пригодятся, может что-нибудь заработаешь на них, на булку хлеба и батон колбасы. Ты лишь только коньячка с собой принеси, ладно? Из старых запасов. Надеюсь, ты не все выпил? Звони, приходи, я буду ждать! Договорились? Вот и хорошо! Ну пока, до встречи! Бывай здоров!

Он крепко пожал руку, козырнул двумя пальцами, лихо развернулся на месте и зашагал бодрым шагом по солнечной золотой аллее, игриво напевая слова, рожденные первым страхом перед эти непонятным и враждебным всему живому миром:

– Капу-ляпу! Капу-ляпу, Капу-ляп, Капу-ляп, Капу-ляп! А я стоял, измотанный, подавленный, выжатый, как лимон, и смотрел ему вслед до тех пор, пока он не свернул на боковую дорожку ведущую к улице Живописной, к его дому, где его ждала кукла Амата...

Во вторник, как мы и условились, я позвонил ему, напомнил об исторических дневниковых записях, обещанных сногсшибательных байках и былях.

Но мой звонок не вызвал у него особой радости, и я сразу же же это почувствовал. В глухом, тусклом безразличном голосе не было прежней активной напористой жажды общения, присущей, одиноким и забытым всем миром, старикам.

Поинтересовался его самочувствием, не захворал ли? И вообще, как настроение?

- А никак, – вяло ответил он, – ни эмоций, ни поллюций.

Но весьма странно прозвучала последняя фраза: «Давай подъезжай, да пошустрее, а то опоздаешь», после которой он положил трубку, не сказав традиционного: «Пока, до встречи».

Что бы это значило? Ясно одно – старик не в духе, может он задумал перебраться из душно-мглистой Москвы на природу, на виллу своего зятя-таможенника? Это отпадает. Будучи человеком прямым и конкретным, он бы обязательно сказал мне об этом. Может ему стало жаль расставаться со своими мемуарами?

Но тогда он бы честно признался в этом, сказал бы, что передумал, перенес бы встречу на другой день или отменил ее.

Оставалось одно объяснение – старик в глубоком стрессе, необходимо срочное “лечение” для поднятия жизненного тонуса... С таким благим настроением я и вышел из дому.

В тенистом и прохладном дворе, окруженном тяжелыми зданиями сталинской эпохи, было непривычно много народа. Хлопали двери пустынных прежде подъездов, из них выходили встревоженные люди и устремлялись к толпе, быстро сбивающейся в черный гудящий рой у северного крыла элитного когда-то дома... Охи и вздохи, какие-то вопросы и чуть слышные невразумительные ответы, недоуменные жесты, обрывки приглушенных фраз, скованное страхом робкое любопытство взрослых и непосредственно громкие, беспощадно-наивные вопросы детей, еще глупых маленьких дурачков...

“Опять разборки?... стреляли?... нет... да, мужчина... это ужасно... да... нет, одинокий... да, солидный... нет, скрытный... тайный алкаш? нет... чепуху говорите... позвольте... не повезло... ах, что вы... на кого квартира?...да, приватизирована... да... нет, на дочь.. а может убили? фирма недвижимости... ой, вот ужас!... да... сам?... вот кошмар!... из окна... да... сейчас в моде испытанный путь... с какого этажа?... ой, да что вы!... грех то какой...”

Мамочка! Мама! Смотри – этот дедушка не слушался бабушку, бегал-бегал по двору, а под ноги не смотрел – вот и ушибся! Теперь лежит! Мама, а почему дедушка не плачет? Ему не больно? Да?”

С неистовым воем, заглушая бестолковый людской гомон, в арку громадного дома белым вихрем влетела машина скорой помощи. Решительные и бесстрастные санитары стали прокладывать себе дорогу, оттесняя носилками вязкую массу

толпы. Как диафрагма фотокамеры разомкнулся на мгновение черный круг любопытных , давая мне возможность навсегда запечатлеть в сознании страшную картину...

Капу-ляпу! Капу-ляпу! Капу-ляп!

Старик лежал на асфальте вниз животом, по-пластунски выбросив вперед руки и широко раскинув ноги. Пальцы правой руки сжаты в кулак, пальцы левой слегка расжаты, около полусогнутого мизинца лежала нарядная кукла, левая ручонка которой была слегка вывернута над чепчиком, указывая пухленькими пальчиками в небо, другая же, правая, едва касалась руки мертвеца.

Амату я узнал по неизменному народному костюму далеких времен Австро-Венгрии – по вышитой рубашке со сборками на плечах, очень широкой и короткой юбке, по яркой безрукавке – пруслику, прилегающей в талии и украшенной шнуровкой.

В моей памяти он навсегда будут неподвижно лежать на сером асфальте... посмертно взявшись за руки с куклой Амай.

Вот она настоящая, честная История и другой быть не может.